

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ — АВГУСТ

4
1976

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. С. Ягодовский.</i> Некоторые аспекты опыта социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы	3
<i>В. П. Чорний.</i> Апрельское восстание в Болгарии 1876 года	15
<i>В. П. Чугаев.</i> Деятельность «Красной помощи в Польше» в 1924—1938 годах	24
<i>Т. Ф. Маковецкая.</i> Политическая борьба в болгарском парламенте вокруг законопроекта БЗНС об аграрной реформе	29
<i>Е. П. Наумов.</i> Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа (К истории русско-сербских культурных связей XV в.)	44
<i>Николай Тодоров</i> (НРБ). Славянские культуры и Балканы	57
<i>С. Н. Азбелев.</i> О типологических соответствиях и исторических взаимосвязях в славянском эпосе	64
<i>Э. И. Зеленина.</i> Термины ткачества в балканских болгарских говорах Молдавии	76
<i>Д. С. Прокофьева.</i> Об одном стихотворении Тадеуша Лада-Заблочного	88
<i>К. И. Логачев.</i> К вопросу о том, кто был изобретателем первоначального славянского алфавита	92

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Стоян Ганев</i> (НРБ). И. В. Ганевич. Деятельность Болгарской коммунистической партии по укреплению диктатуры пролетариата (сентябрь 1944—1948 г.).	95
<i>Б. Табачников.</i> С. М. Фалькович. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912)	98

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ
МОСКВА

<i>В. И. Мелешко.</i> Исследование экспансии католической церкви в Белоруссии	100
<i>К. В. Душенко.</i> М. Врукальска. Aleksander Swiętochowski — redaktor «Prawdy»	101
<i>А. Л. Гольдберг.</i> Первая польская книга о Крижаниче	103
<i>А. В. Липатов.</i> Просвещение — романтизм (Новейшие польские исследования)	106
<i>А. И. Виноградова.</i> Н. Н. Грацианская. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития	112
<i>М. М. Копыленко.</i> Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. Сравнительная грамматика славянских языков	114

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1975 г. (продолжение)	118
Содержание иностранных журналов	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. И.</i> Советско-польский симпозиум по проблеме «Европейский фашизм»	130
<i>Л. Бычкова.</i> Конференция советских и польских историков в Сухуми	132
<i>А. С.</i> В Ленинградском отделении Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики	135

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), *И. Ф. БЭЛЗА*, *Л. Б. ВАЛЕВ*, *В. Г. КАРАСЕВ*,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), *Д. Ф. МАРКОВ*, *И. С. МИЛЛЕР*,
А. И. НЕДЕРЕЗОВ, *Ю. А. ПИСАРЕВ*, *Г. М. СЛАВИН*, *Б. Ф. СТАХЕЕВ* (зам. главного редактора), *Н. И. ТОЛСТОЙ* (зам. главного редактора), *И. М. ШЕПТУНОВ*, *Я. Б. ШМЕРАЛЬ*

Ответственный секретарь *В. В. ЗЕЛЕНИН*

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

Л. С. ЯГОДОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПЫТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Задача построения социалистического общества, которая почти 60 лет назад из области теоретических изысканий перешла в область практики, является, как теперь уже наглядно показала история, вполне реальной. Добиваясь ее осуществления, коммунистические и рабочие партии стран, в которых к настоящему времени одержала победу та или иная форма социалистической революции, руководствуются марксистско-ленинским учением и прежде всего его положениями об общих закономерностях формирования нового строя. Огромное значение имеет для них также международный опыт социалистического созидания, в который вносит свою лепту каждая партия, творчески решая в процессе практической деятельности встающие перед ней проблемы. Любые попытки ревизии основополагающих принципов марксизма-ленинизма, забвения общезначимых закономерностей социалистического развития, недооценки опыта других стран, построивших или еще строящих социализм, а равно и шаблонное, механическое применение этих принципов и этого опыта без должного учета конкретных исторических внутренних и внешних условий неизбежно ведут к ошибкам и просчетам. Разработка и претворение в жизнь курса, опирающегося на совокупность приведенных положений, задача не простая, но именно ее решение является одним из главных залогов успеха.

В Отчетном докладе ЦК КПСС на XXV съезде партии в качестве вполне определенно проявляющейся ныне закономерности отмечался процесс укрепления взаимосвязей социалистических государств, возрастания элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, постепенного выравнивания уровней их развития¹. Одним из факторов углубления этого процесса является поступательное движение стран социализма, и в том числе государств Центральной и Юго-Восточной Европы, по пути созидания нового общества.

Вступлению указанных государств на этот путь предшествовали, как известно, народно-демократические революции, которые завершились в основном к концу 40-х годов и были, при всех их особенностях, однотипны по своим главным движущим силам и конечному результату с Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Они знаменовали решающий поворот в истории этих стран и начало переходного периода от капитализма к социализму, обеспечили создание основных политических, социально-экономических и иных предпосылок для последующего

¹ См. «Правда», 1976, 25 февраля.

достижения всего комплекса связанных с таким периодом целей. В связи с этим перед правящими коммунистическими и рабочими партиями рассматриваемых государств в конце 40-х — начале 50-х годов встала задача разработать стратегию развития на новом этапе, исходя из соответствующих общих положений марксистско-ленинской теории, собственного опыта революционной борьбы, а также опыта строительства социализма в СССР.

Для разработанной тогда стратегии был характерен курс на высокие темпы создания основ нового строя; центральное место в этом курсе заняли социалистическая индустриализация и кооперирование деревни. В экономике речь шла о преимущественном использовании экстенсивных факторов роста народного хозяйства и прежде всего промышленности. Одновременно отмечалась и необходимость развития политической организации социалистического общества, развертывания культурной революции, обеспечения безраздельного господства марксистско-ленинской идеологии.

В последующие 10—15 лет во всех этих странах были одержаны выдающиеся победы в деле достижения поставленных целей. Прочно утвердились плановые методы управления социалистической экономикой, что способствовало обеспечению быстрого развития народного хозяйства, созданию и расширению современных отраслей индустрии, осуществлению важных шагов на пути формирования международного социалистического разделения труда в рамках СЭВ. Социалистические производственные отношения стали господствующими, была ликвидирована эксплуатация человека человеком. Достигнуты значительные успехи в решении социальных задач нового строя. В обществе упрочилась руководящая роль рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий, окрепло государство диктатуры пролетариата. Были в основном искоренены унаследованные от капитализма социальные «перекосы» в области культуры. Идеология рабочего класса — марксизм-ленинизм — стала идеологией большинства населения.

Однако этот чрезвычайно важный, 10—15-летний период новейшей истории рассматриваемых стран не везде характеризовался прямолинейным продвижением к достижению указанных целей. Нельзя не отметить, что успешное решение задач переходного периода поначалу осложнялось в ряде случаев определенными перегибами, волюнтаристским забеганием вперед и т. п. явлениями. Перечисленные трудности были в значительной мере связаны с не всегда достаточным учетом конкретной специфики отдельных стран, а также существенно изменившихся по сравнению с 20-ми и 30-ми годами внешних условий строительства нового общества, характеризовавшихся в 50-е годы наличием мировой системы социализма, ведущую роль в которой играла такая могучая социалистическая держава, как СССР.

Коммунистические и рабочие партии государств Центральной и Юго-Восточной Европы глубоко и всесторонне осмыслили свой первый опыт развития по пути социализма. Это во многом способствовало тому, что во второй половине 50-х — начале 60-х годов в большинстве рассматриваемых стран было успешно завершено создание основ нового строя, обеспечена полная победа социализма, что означало решение вопроса «кто кого?», т. е. окончание переходного периода от капитализма к социализму.

Таким образом, в 60-е годы эти страны вновь оказались на пороге очередного этапа общественного развития. Надо сказать, что первоначально в некоторых из них получила распространение точка зрения, согласно которой на повестку дня встало довольно быстрое создание соответствующей материально-технической базы и других компонентов, от которых зависит скорый переход к коммунистическому общественному устройству. В сущ-

ности, фаза социализма сводилась таким образом к относительно короткому периоду количественного накопления элементов, черт коммунизма.

Думается, что в этом смысле ситуация имела определенное сходство с той, которая сложилась в начале 50-х годов, когда рассматриваемые государства, как уже указывалось, также вступали в новый этап развития. Такое сходство, на наш взгляд, состояло прежде всего в подходе к разработке путей продвижения к вставшим на повестку дня стратегическим целям. Оно проявилось в логике мышления, в значительной мере замыкавшегося, в связи с необходимостью решения очередных задач (прежде всего это относится к социально-экономической области), на механической «экстраполяции» тех средств и методов, которые применялись и в принципе оправдали себя в условиях предыдущего этапа, но уже не во всем соответствовали новой обстановке и новым целям. Оно сказалось в определенных стремлениях «подстегнуть» темпы общественного развития, решить стоявшие на повестке дня задачи с помощью «короткого штурма».

Как и в первой половине 50-х годов, жизнь довольно быстро внесла необходимые поправки, показав ошибочность некоторых первоначальных представлений, потребовав в ряде случаев более тщательного учета всех аспектов предшествующего опыта развития и корректировки этого опыта, исходя из новой обстановки, подтолкнув к разработке более стройной и реальной (в том числе и с точки зрения сроков) концепции социалистического строительства на ближайшую и отдаленную перспективу. Все больше утверждалось понимание того, что после создания основ нового строя и обеспечения его полной победы предстоит относительно продолжительный период дальнейшего социалистического (и еще не непосредственно коммунистического) строительства, в ходе которого необходимо решить целый комплекс сложных и ответственных задач в экономической, социальной, политической, культурной и идеологической областях.

Анализируя эти выводы, коммунистические и рабочие партии государств Центральной и Юго-Восточной Европы на протяжении 60-х годов одна за другой констатировали, что содержанием начавшегося нового этапа их развития является строительство развитого (зрелого) социализма. Вступление в этот этап было зафиксировано в Болгарии IX съездом БКП, проходившим в 1966 г. В Отчетном докладе ЦК партии указывалось, что директивы по пятому пятилетнему плану (1966—1970) «продолжают линию на дальнейшее создание развитого социалистического общества, укрепление и совершенствование социализма во всех сферах экономической, социально-политической, культурной и идеологической жизни...»². Развернутая программа решения связанных с этим этапом задач была принята следующим, X, съездом БКП в 1971 г.³

В 1967 г. на VII съезде СЕПГ было сказано, что «создание развитого социалистического общества в Германской Демократической Республике является исторически закономерным последствием, вытекающим из победы социалистических производственных отношений»⁴. Итогом обстоятельной разработки партией этих задач является новая программа Социалистической единой партии Германии, проект которой⁵ был опубликован в начале 1976 г. в связи с подготовкой к очередному IX съезду СЕПГ⁶.

X съезд РКП (1969) провозгласил генеральной целью создание в Ру-

² «IX съезд БКП». М., 1967, стр. 31.

³ См. Программу БКП («X съезд БКП». М., 1972).

⁴ В. У л ь б р и х т. К вопросу социалистического строительства в ГДР. Дрезден, 1968, стр. 675.

⁵ См. «Einheit», 1976, № 2.

⁶ Утвержденный съездом текст программы см. «Neues Deutschland», 25.V.1976.

мынии всесторонне развитого социалистического общества⁷, а XI съезд партии (1974) изложил ее представления о связанных с этим задачах в Программе РКП⁸.

В Чехословакии уже на XI съезде КПЧ (1958) была поставлена на повестку дня задача завершения социалистического строительства, которая трактовалась как развитие зрелого социалистического общества, как целый этап, в течение которого общество «на основе построенного социализма будет набираться новых сил, накапливать и создавать новые материальные и культурные ценности для перехода к коммунизму»⁹. В 1960 г. эти установки были развернуты и конкретизированы на Общегосударственной конференции КПЧ¹⁰. Однако дальнейшее развитие ЧССР показало, что оценки того периода были в значительной мере преждевременными. На XIV съезде КПЧ указывалось, что «в 50-е годы в социалистическом строительстве действительно были достигнуты большие успехи. Восторжествовали социалистические производственные отношения, правда, прежде всего с точки зрения форм собственности. Однако это еще не тождественно выполнению основных задач перехода к социализму, как толковал это А. Новотный»¹¹. «Ввиду недостаточно глубокого анализа классово-социальной структуры... общества допускалась поверхностная оценка современного этапа развития, устанавливались нереальные сроки завершения строительства социализма»¹². В 1976 г. в чехословацкой партийной печати была высказана точка зрения, согласно которой построение развитого социалистического общества по существу началось в стране в самом конце 60-х — начале 70-х годов, т. е. лишь после преодоления политического и экономического кризиса 1968—1969 гг. и обеспечения консолидации партии и общества¹³.

В Венгрии VIII съезд ВСРП (1962) констатировал, что трудящиеся этой страны, «сплотившись с международными силами социализма и неуклонно опираясь на них, добились таких успехов в строительстве социализма, которые неоспоримы и вечны. Венгерский народ вступил в эпоху полного построения социализма»¹⁴. В сущности это было равнозначно переходу ВНР к созданию развитого социалистического общества. Окончательную ясность в данный вопрос внес XI съезд ВСРП (1975). В принятом им Программном заявлении партии говорится: «... успехи, достигнутые в ходе осуществления социалистической революции, привели к возникновению новой ситуации в нашей стране. Мы заложили и упрочили основы социализма, окончательно решен вопрос „кто кого?“. Наше общество идет по пути дальнейшего развития на созданных им прочных социалистических основах»¹⁵. На этой базе и развернулось в стране примерно с середины 60-х годов строительство развитого социализма.

В ПНР в программном докладе Политбюро ЦК ПОРП на VI съезде партии (1971) указывалось, что «70-е годы должны стать периодом даль-

⁷ См. Н. Чаушеску. Румыния на пути построения всесторонне развитого социалистического общества. Бухарест, 1970, стр. 273.

⁸ См. «Программа Румынской коммунистической партии по построению всесторонне развитого социалистического общества и движению Румынии к коммунизму». Бухарест, 1975.

⁹ «XI съезд КПЧ». М., 1959, стр. 37.

¹⁰ См. «Общегосударственная конференция КПЧ (5—7 июля 1960 г.)». М., 1961, стр. 23.

¹¹ «XIV съезд КПЧ». М., 1971, стр. 22.

¹² Там же, стр. 21.

¹³ См., например, «Rude pravo», 6. II 1976.

¹⁴ Я. К а д а р. Отчетный доклад ЦК ВСРП VIII съезду партии. М., 1963, стр. 22.

¹⁵ «XI съезд ВСРП». М., 1975, стр. 227.

нейшего прогресса в формировании развитого социалистического общества»¹⁶. Это положение было конкретизировано на первой Всепольской партийной конференции (октябрь 1973). В докладе на конференции Э. Герек заявил: «У нас есть все основания для того, чтобы разработать и в течение двух десятилетий претворить в жизнь программу построения в нашей стране развитого социалистического общества»¹⁷. В Тезисах ЦК ПОРП к 30-летию ПНР, принятых в феврале 1974 г. на пленуме Центрального Комитета, сказано, что за тридцать лет в стране созданы прочные основы социализма. «Тридцатилетие закрывает исторический этап в жизни польского народа, когда был совершен качественный поворот в его судьбе и направлении развития. Тридцатилетие открывает одновременно новые перспективы развития ПНР, перспективы построения развитого социалистического общества»¹⁸. Наконец, в отчетном докладе ЦК ПОРП на VII съезде партии (1975) Э. Герек подчеркнул: «За три десятилетия в нашей стране выполнено большинство задач переходного периода от капитализма к социализму. <...> Мы имеем право утверждать, что в стране в принципе построены основы социализма и упрочена его социально-экономическая и политическая структура. Современная Польша принадлежит к числу стран, в которых, пользуясь выражением Маркса, социализм получил уже собственную прочную базу»¹⁹. Таким образом, и ПНР вступила, согласно оценке ПОРП, в этап построения развитого социалистического общества. Развернутая программа такого строительства содержится в материалах VII съезда Польской объединенной рабочей партии.

Тезис о развитом социалистическом обществе был зафиксирован и в документах международного коммунистического движения. Впервые это было сделано на Совещании 1960 г., где констатировалось, что некоторые социалистические страны «уже вступили в период строительства развитого социалистического общества»²⁰, а затем, в значительно более развернутом виде, — в материалах Совещания 1969 г. В его итоговом документе, в частности, сказано, что «социалистический мир вступил теперь в такую полосу развития, когда появляется возможность значительно полнее использовать могучие резервы, заложенные в новом строе. Этому способствует разработка и внедрение более совершенных экономических и политических форм, соответствующих потребностям зрелого социалистического общества, развитие которого опирается уже на новую социальную структуру»²¹.

Общая характеристика развития мирового социализма в 60-е годы дана в выступлении Л. И. Брежнева на Совещании 1969 г. Эти годы, — сказал он, — «займут в истории мирового социализма особое место. Именно в это десятилетие многие братские страны завершили создание основ социализма и перешли к строительству развитого социалистического общества. Становясь более зрелым, социалистический строй все полнее раскрывает преимущества своей экономической и социально-политической организации, присущего ему подлинного демократизма»²².

Анализ программных документов коммунистических и рабочих партий перечисленных европейских социалистических государств, ознакомление

¹⁶ «VI съезд ПОРП». М., 1972, стр. 95.

¹⁷ «Trybuna Ludu», 23 X 1973.

¹⁸ Ibid., 21 II 1974.

¹⁹ Ibid., 9 XII 1975.

²⁰ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1967, стр. 46.

²¹ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий». М., 1969, Прага, 1969, стр. 22.

²² Там же, стр. 181.

со все возрастающим числом марксистских работ по рассматриваемым вопросам, выходящих в этих странах, а самое главное — исследование конкретной практики упрочения там нового строя, — все это подкрепляет ряд принципиальных положений в области понимания важнейших процессов социалистического общественного развития.

К числу таких положений следует прежде всего отнести признание того, что первая, социалистическая фаза единой коммунистической формации представляет собой относительно длительный период, в отношении которого никак нельзя сказать, что на его протяжении происходит лишь простое количественное накопление элементов грядущего коммунизма и количественное уменьшение пережитков, рудиментов минувшего капитализма.

После победы социалистической революции и до достижения собственно коммунизма, являющегося второй, высшей фазой формации, общество проходит определенные, качественно различающиеся между собой этапы, которые характеризуются углублением ряда присущих именно социализму черт, все более широким действием имманентных социализму закономерностей, причем многие такие черты и закономерности отличаются от тех, что будут свойственны коммунистическому обществу. В значительной мере с этим связано, как нам представляется, разделение коммунистической формации на две фазы. Имеются в виду следующие этапы: переходный период от капитализма к социализму, который завершается созданием основ нового строя и полной победой социализма, что знаменует вступление общества в первую фазу коммунистической формации; строительство развитого (зрелого) социалистического общества; этап зрелого социализма, на котором происходит дальнейшее укрепление социализма, все более полное развитие его черт, еще не исчерпавших себя, и одновременно создаются предпосылки для постепенного перехода к коммунизму²³.

Продолжительность и отдельные черты того или иного из перечисленных основных этапов могут меняться в зависимости от условий, складывающихся в странах, но их объективный, а значит — обязательный, характер представляется очевидным. Подобная постановка вопроса, разумеется, отнюдь не исключает того, что в отдельных случаях в силу определенных конкретных исторических обстоятельств могут выделяться (и выделялись в рассматриваемых нами странах на практике) и другие (возможно, более дробные, но принципиально важные с точки зрения развития той или иной страны) этапы.

На каждом из основных этапов решается определенный круг задач, в отношении которых необходимо отметить, что они, с одной стороны, имеют определенную иерархию и, с другой стороны, образуют как бы единый комплекс. В связи с первым положением следует, например, подчеркнуть безусловный приоритет задач, стоящих в социально-экономической области (в области совершенствования способа производства) и составляющих основу развития во всех других направлениях. (Вспомним ленинские слова, согласно которым, «мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически»²⁴.)

Что же касается второго положения, то оно указывает на глубокую взаимозависимость развития производительных сил, экономических и социально-политических отношений, а также духовной жизни, сферы сознания.

²³ Известно, что СССР в настоящее время находится на последнем из перечисленных этапов. В докладе Л. И. Брежнева «Пятьдесят лет великих побед социализма», сделанном в 1967 г., впервые говорилось о том, что в Советском Союзе построено развитое социалистическое общество («50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы». М., 1967, стр. 157, 164). Этот вывод получил дальнейшее развитие на XXIV и XXV съездах КПСС (см. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 38; «Правда», 1976, 25 февраля).

²⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 179.

На каждом этапе между ними прослеживается взаимосвязь, означающая, что продвижение в одной области является одновременно и следствием и фактором продвижения во всех остальных. Без должного прогресса в любой из них значительно затрудняются кардинальные сдвиги в других направлениях и, в конечном счете, невозможно полное достижение главной цели соответствующего этапа. Такое положение не является спецификой социализма; это — одна из общих черт общественного развития, на которую в свое время указывали еще основоположники теории научного коммунизма. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии, — писал Ф. Энгельс. — Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»²⁵.

Тезис о взаимном воздействии различных направлений общественного развития относится к числу прочно утвердившихся в марксистской теории, но он заслуживает тем не менее особого упоминания, поскольку в практике социалистического строительства (особенно на начальных его этапах) в ряде случаев имел место более или менее явно выраженный односторонний подход к этим вопросам и, в частности, проявления так называемого экономического детерминизма. В свете сказанного нельзя не отметить, что в последние годы в документах коммунистических и рабочих партий, в общественных науках стран Центральной и Юго-Восточной Европы положение об обратной связи между экономической и другими сторонами развития общества получает все более глубокую разработку. Так, в новой Программе СЕПГ построение развитого социалистического общества рассматривается как подлинно комплексная задача. Оно связывается с созданием материальных, социально-экономических и политико-идеологических условий для того, чтобы на все более высоком уровне осуществлялась основная задача социализма — все для блага народа, все во имя интересов рабочего класса, кооперативного крестьянства, интеллигенции и других слоев трудящихся. Этот общий тезис конкретизирован следующим образом: в документе говорится о создании материально-технической базы, обеспечивающей стабильный рост экономики, производительности труда, эффективности общественного производства; об обеспечении единства экономической и социальной политики; о развитии социалистических производственных отношений как отношений дружеского сотрудничества и взаимопомощи всех трудящихся; о повышении руководящей роли рабочего класса и его партии, укреплении союза рабочего класса с кооперативным крестьянством, социалистической интеллигенцией и другими слоями трудящихся, дальнейшем сближении классов социалистического общества и постепенной ликвидации различий между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда; о всестороннем укреплении социалистического государственного строя и широком развитии социалистической демократии, повышении общественной активности рабочих и всех слоев трудящихся; о дальнейшем повышении социалистического сознания широких масс, формировании их марксистско-ленинского мировоззрения и коммунистической морали; об обеспечении военной защиты социалистических достижений; о постоянном укреплении братского союза с СССР и другими странами социалистического содружества, развитии социалистической экономической интеграции. Таким образом, подытоживается в до-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175.

кументе, речь идет о создании всего комплекса условий для полного развития социалистических общественных отношений, а также физических и духовных способностей человека, об открытии всех возможностей для содержательной и культурной жизни, для того, чтобы мысли и дела трудящихся определялись социалистической идеологией, марксистско-ленинским мировоззрением рабочего класса²⁶. Столь же комплексное рассмотрение этих вопросов мы встречаем в программных документах других коммунистических партий стран социалистического содружества. Как показывает практика, чрезвычайно важно, чтобы в таком комплексе не отодвигался на задний план ни один из существенных элементов, будь то динамичное повышение благосостояния трудящихся или широкое развитие социалистической демократии, формирование действительно марксистско-ленинского мировоззрения широких масс, предполагающее, в частности, решительную борьбу с любыми проявлениями национализма, или реальное упрочение братского союза с СССР и другими странами социалистического содружества, развитие социалистической экономической интеграции.

Отдельные аспекты взаимосвязи и взаимодействия различных направлений общественного развития в условиях социализма анализируются учеными-обществоведами рассматриваемых стран. Например, болгарский исследователь П. Гиндев пришел к следующему выводу, изучая многостороннее, диалектическое взаимодействие экономики и демократии: «Демократия обуславливается в конечном счете экономикой и выражает через свою внутреннюю и внешнюю политику экономические интересы господствующего класса. Но первичность экономики и вторичность демократии (в смысле ее происхождения и обусловленности) как надстроечной политической формы не исключают, а, как раз наоборот, предполагают ее относительную самостоятельность и обратное воздействие на экономику»²⁷.

Опыт рассматриваемых стран показывает, что данную взаимозависимость, как и все другие теоретические положения, никак нельзя превращать в окаменевшую догму. Наличие такой зависимости не означает, однако, что в некоторых случаях в силу определенных конкретных условий не может иметь место временное, более или менее значительное опережение или, наоборот, отставание в той или иной сфере.

Представляется чрезвычайно важной подтверждаемая исторической практикой общая мысль, что применение к общественному развитию отдельных социалистических стран тех или иных, являющихся в принципе абсолютно правильными, общетеоретических положений о развитии нового строя не допускает механического подхода, требует чрезвычайной осторожности, глубокого анализа конкретных условий. Это относится, конечно, не только к сказанному относительно взаимосвязи и соотношения продвижения в главных направлениях, но и буквально ко всем другим вопросам. Например, мы подчеркивали выше безусловный приоритет социальном-экономических задач. Принципиальная истинность данного положения вовсе не опровергается тем, что опять-таки в отдельных странах в определенные, возможно даже длительные, периоды и при определенных условиях на первом месте, в роли основного звена, могут оказаться совсем иные задачи.

Конкретные цели, стоящие на отдельных этапах строительства социализма, имеют одновременно как стабильный характер, т. е. в принципе не зависят от того, когда вступила в этот этап та или иная страна, что связано с общими закономерностями создания нового строя, так и характер

²⁶ См. «Einheit», 1976, № 2.

²⁷ П. Г и н д е в. Демократия и общественный прогресс. М., 1972, стр. 43..

исторический, изменяющийся в зависимости от изменения общих условий. Последнее относится прежде всего к критериям в области развития (производительных сил, которые (критерии) видоизменяются по мере продвижения человечества по пути прогресса производства. Иначе говоря, тот уровень развития экономики, который был необходим для построения основ социализма, например в первой трети XX в., теперь уже для этого недостаточен. Сегодня такие критерии находятся на значительно более высоком уровне, а спустя несколько десятилетий они будут еще выше. Понятно, что сказанное относится не только к этапу строительства основ социализма, но и к другим этапам, в том числе и к построению развитого социалистического общества. В связи с этим неизбежно видоизменяются и задачи, стоящие в других областях, однако там критерии различных этапов социализма (или, по крайней мере, немалая их часть) представляются менее подвижными.

Следует также подчеркнуть, что на практике зачастую трудно или просто невозможно провести четкую границу между отдельными этапами, точно обозначить момент окончания одного и начала другого. Они как бы «перерастают» один в другой, причем возможны и такие ситуации, когда в той или иной сфере, где задачи, связанные с данным этапом, уже решены, начинается решение задач следующего периода, хотя в других сферах еще только завершается то, что относится к этому этапу. (Сказанное вновь возвращает нас к рассмотренным выше положениям о соотношении развития в различных направлениях, но уже с точки зрения относительной самостоятельности продвижения в каждом из них.) В подобных условиях определение момента, когда же наиболее целесообразно объявить о завершении одного и начале следующего этапа, представляется вопросом практической политики, решаемым правящей коммунистической партией каждой страны с учетом теоретических положений, а также многих других, внутренних и внешних, факторов. Принятие подобного решения — дело чрезвычайно ответственное, ибо, как показывает исторический опыт, одинаково опасно или, во всяком случае, вредно для дела социализма как забегание вперед, так и запаздывание с постановкой назревших задач. Что касается упомянутого только что волюнтаристского забегания вперед, то в этой связи чрезвычайно важно отметить, сколь большое значение имеет правильное понимание особенностей социализма на любом его этапе. Подчеркивая эту мысль, исследователь из ГДР О. Рейнгольд обращал, например, внимание на то, что неточность определения, непонимание различия между формулами «формирование развитого социализма» и «строительство коммунизма» ведут к тому, что оставляется без внимания специфика различных фаз развития, выдвигаются нереальные задачи, недооцениваются и ограничиваются возможности, движущие силы и преимущества социализма²⁸.

Анализ опыта стран Центральной и Юго-Восточной Европы еще раз подтверждает, что строительство социализма, как и все дело социальной революции пролетариата, — задача далеко не простая. Надо сказать, что марксисты всегда отдавали себе в этом отчет. Характеризуя исторический процесс, В. И. Ленин в свое время подчеркивал, что представлять его идущим «гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»²⁹. Сложным процессом является и развитие мира социализма, которое, как указывалось на XXIV съезде КПСС, «идет через борьбу нового со старым, через разрешение внут-

²⁸ О. Reinhold. [Auf dem Wege zum entwickelten Sozialismus. «Einheit», 1974, № 9—10.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

ренных противоречий»³⁰. В последнее время данному кругу вопросов уделяется немало внимания в документах братских коммунистических и рабочих партий, в работах обществоведов социалистических стран. При этом в ходе рассмотрения вопроса о противоречиях при социализме справедливо говорится, что данную проблему нельзя сводить только к борьбе с пережитками капитализма (что отнюдь не означает недооценки значения и масштабов такой борьбы), поскольку сам социализм, как всякий живой общественный организм, не может не порождать определенных противоречий, преодоление которых способствует его движению вперед. Так, в решении XI съезда ВСРП сказано, что в современной Венгрии «после ликвидации антагонистических классовых противоречий, по мере упрочения экономических, идейных, политических основ социализма еще более укрепилось единство... общества. Основные интересы трудящихся классов и слоев в отношении строительства социалистической родины, улучшения условий жизни и сохранения мира совпадают». В то же время еще сохраняющиеся «различия в положении общественных классов и слоев вызывают и некоторые несовпадения интересов, противоречия между трудящимися отдельными отраслями народного хозяйства и предприятий, а также расхождения между общегосударственными, региональными и местными интересами в вопросах распределения национального дохода, ценообразования, оплаты труда и рыночных отношений». Отсюда делается вывод, что партия «должна уделять еще больше внимания постепенному устранению этих противоречий и расхождений на основе интересов всего общества»³¹.

Сложный и относительно длительный характер исторического периода социалистического строительства неоднократно отмечался и в коллективных документах международного коммунистического и рабочего движения. Наряду с прямыми высказываниями подобного характера, в косвенной форме об этом свидетельствует, например, указание в материалах Совещания 1969 г. на то, что использование огромных возможностей, заложенных в новом строе, зависит в первую очередь от коммунистических и рабочих партий, стоящих у руководства в странах социализма, от их способности по-марксистско-ленински решать проблемы общественного развития.

Не только теория, но и исторический опыт, и в том числе опыт рассматриваемых государств, показывают, что единственной политической силой, реально способной возглавить и обеспечить построение социализма и коммунизма, являются марксистско-ленинские партии рабочего класса. В данной связи заслуживает, например, упоминания глубокое наблюдение чехословацкого исследователя Я. Цвика, который обоснованно, на наш взгляд, утверждает, что в ядре политической системы социалистического общества не может быть вакуума. Если по какой-либо причине ослабевает подобная роль марксистско-ленинского авангарда пролетариата, то создавшуюся пустоту неизбежно стремятся заполнить иные силы, что также неизбежно оборачивается угрозой для социалистических завоеваний трудящихся³². Это означает, в частности, что коммунистические партии должны постоянно утверждать и в определенном смысле «завоевывать» свое особое положение в общественной системе социализма. Такое их положение не является и не может быть раз и навсегда данным. Сохранить и надежно упрочить его возможно лишь при высокой политической активности партии, непрерывном и реальном выполнении ею функций «мотора» общественного развития, правильном понимании ею назревших

³⁰ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 14.

³¹ «XI съезд ВСРП», стр. 187—188.

³² См. J. Z w i c k. KSC a razvoi socialistickej demokracie. «Nová mysl», 1974, № 2.

задач и умелой, оперативной организации их решения силами всего народа, неуклонном и скрупулезном соблюдении ленинских норм партийной жизни, последовательном и гибком направлении союзнической политики рабочего класса по отношению к другим классам и слоям и т. п.

Коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы не являются первопроходцами путей к социализму и коммунизму, тем не менее и им приходится сталкиваться со сложнейшими проблемами, не имеющими аналогии в истории, преодолевать немало трудностей. С тем, насколько умело решаются подобные проблемы, преодолеваются возникающие на пути трудности, во многом связано и продвижение каждой из рассматриваемых стран от одного этапа социалистического развития к другому. «Своевременное теоретическое и практическое решение новых проблем, выдвигаемых жизнью, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, — является обязанностью партии, условием и выражением ее авангардной роли в обществе»³³. О том же, сколь большое значение имеет последовательное осуществление ею такой функции для судеб социализма в каждой стране, Г. Гусак говорил на XIV съезде КПЧ: «Ленинизм учит и практика социалистического строительства нас убедила в том, что руководящая и организаторская роль партии — это непреходящая обязательная предпосылка успешного продвижения к социализму. Мы убедились также, что любое ослабление руководящей роли партии представляет собой шаг назад и ведет к кризису»³⁴.

Рассмотрение на опыте ряда европейских государств некоторых общих вопросов развития социалистического общества от одного этапа к другому подтверждает, что это общество постоянно находится в движении, в развитии, а сами этапы — это как бы вехи, ориентиры, а не станции на пути. Очень верно сказал Г. Аптекер: «Социальный организм (именно потому, что он организм) может пребывать в любом, но только не в статичном состоянии. Социальный организм изменяем, причем процесс изменений может быть либо прогрессивным, либо регрессивным. Общество не терпит лишь одного — статичности»³⁵. В подобном контексте статичность прямо противопоставляется стабильности общества, непримиримым врагом которой как раз и является, по меткому замечанию венгерского исследователя И. Пожгаи, «топтанье на месте, поскольку в этом случае противоречия накапливаются в таких масштабах, что они уже могут представлять собой опасность для существующего строя»³⁶. Таким образом, стремление к подвижности — это не особенность социализма, в отношении которого, продолжая приведенную выше общую мысль, И. Пожгаи писал: «Только непрерывность и прерывистость, стабильность и прогресс, взятые вместе, могут обеспечить динамическое равновесие общества, позволяющее партии идти вперед, направлять процессы вместо того, чтобы партией и обществом управляли (захлестывали их) спонтанные процессы, которые вытекают из нагромождающихся противоречий»³⁷.

Итак, подвижно всякое общество, ибо всякое общество, пользуясь выражением К. Маркса, это — «не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения»³⁸. Особенность социализма в том, что он обеспечивает все необходимые предпосылки для неуклонного движения именно вперед, для высоко

³³ Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1973, стр. 53.

³⁴ «XIV съезд КПЧ», стр. 81.

³⁵ Г. Аптекер. О природе демократии, свободы и революции. М., 1970, стр. 174.

³⁶ «Tarsadalmi Szemle», 1970, № 3, 22. old.

³⁷ Ibid.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 11.

динамичного прогрессивного общественного развития. Регрессивные изменения могут иметь место лишь в том случае, если допускаются отклонения от принципов социализма, совершаются те или иные ошибки и, в частности, неправильно оценивается переживаемый этап развития, ставятся неверные задачи. В случае же правильного использования потенций нового строя, как показывает последнее тридцатилетие истории государств Центральной и Юго-Восточной Европы, динамика общественного развития идет по возрастающей: от заложения его основ и обеспечения его полной победы в рамках переходного периода к строительству, а затем укреплению и совершенствованию зрелого социализма и подготовке постепенного перехода к коммунизму. О значительных успехах на этом пути, успехах, достигаемых на этапе построения развитого социализма, свидетельствуют материалы прошедших в самое последнее время съездов братских коммунистических и рабочих партий рассматриваемых стран: в 1975 г. — Венгерской социалистической рабочей партии и Польской объединенной рабочей партии, в 1976 г. — Болгарской коммунистической партии, Коммунистической партии Чехословакии и Социалистической единой партии Германии. В докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев характеризовал последний период как «годы неуклонного подъема стран социализма, их уверенного поступательного движения к развитому социалистическому обществу, к коммунизму. Одновременно с дальнейшей политической консолидацией в социалистических странах быстрыми темпами развивалось общественное производство, повышался материальный и культурный уровень трудящихся»³⁹. Убедительная конкретизация этой общей оценки неуклонного прогресса мира социализма прозвучала в выступлениях с трибуны XXV съезда КПСС руководителей делегаций братских коммунистических и рабочих партий социалистических государств, и в том числе социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

---

³⁹ «Правда», 1976, 25 февраля.

В. П. ЧОРНИЙ

АПРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В БОЛГАРИИ 1876 ГОДА

Народное восстание в апреле 1876 г. было крупнейшим событием в истории многовековой героической борьбы болгарского народа против турецкого феодально-деспотического гнета. Недаром В. И. Ленин отметил его в своем «Опыте сводки главных данных всемирной истории после 1870 года» в рубрике «Национальные движения и национальный вопрос»¹. Вдохновенное революционно-демократическими идеями В. Левского и Хр. Ботева, Апрельское восстание было поистине народным. В нем ярко воплотились наиболее характерные черты болгарского революционно-освободительного движения 60—70-х годов XIX в.

Трудящиеся массы Болгарии никогда не мирились со своим тяжелым положением. На протяжении столетий они вели неравную борьбу против порабощителей. В зависимости от конкретно-исторических условий эта борьба проявлялась либо в повседневном пассивном сопротивлении, либо в различных формах активных действий, направленных против турецкой власти и феодалов, а также их пособников из числа болгарских чорбаджиев.

Переломным моментом в социально-экономическом и политическом развитии Болгарии была Крымская война. Загнивание и разложение старых феодальных отношений, проникновение иностранного капитала в Турецкую империю и превращение ее в полуколонию крупных капиталистических держав, развитие капиталистических отношений — все это обусловило дальнейшее усиление экономического, политического и национального гнета в Болгарии, резко ухудшило положение трудящихся масс. Не удивительно, что после Крымской войны, в 60—70-е годы XIX в., освободительная борьба болгарского народа приобретает все больший размах и вступает в новый этап — этап организованного революционного движения.

Это движение ставило своей целью ликвидацию отживших феодальных порядков, препятствовавших свободному развитию капитализма, национальное освобождение страны и создание самостоятельного болгарского государства. Таким образом, в Болгарии, как и в других национально-угнетенных странах, борьба с феодализмом и проблема национального освобождения тесно переплетались между собой.

В. И. Ленин называл национально-освободительные движения эпохи краха феодализма и абсолютизма «судорогами» буржуазного общества, освобождавшегося от разных видов феодализма, и характеризовал их как движения буржуазно-демократические². «Экономическая основа этих дви-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 671.

² Там же, т. 26, стр. 144.

жений, — писал В. И. Ленин, — состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»³.

В свете ленинского учения о нации и национальных движениях освободительную борьбу в Болгарии в 60—70-е годы XIX в. нельзя расценивать иначе как буржуазно-демократическую или, по выражению В. Коларова, национально-демократическую революцию⁴.

В середине 70-х годов XIX в., когда в стране сложилась революционная ситуация, т. е. созрели необходимые предпосылки для буржуазно-демократической революции, революционное движение приняло массовый характер и достигло наивысшего подъема. «Обострение нужды и бедствий угнетенных классов, нарастание активности народных масс, широкий размах национального движения в Боснии и Герцеговине, растущее национально-освободительное движение в Болгарии, подготовка войны против Турции со стороны Сербии и Черногории, которая усиливала брожение южных славян турецких областей»⁵, — такова была обстановка на Балканах накануне Апрельского восстания, особенно обострившаяся в связи с углублением противоречий между великими державами, приведшим к Восточному кризису 70-х годов XIX в.

Апрельская эпопея была организованным движением широких народных масс, подготовляемым революционными комитетами на протяжении длительного периода времени. Работа, проведенная революционной организацией во главе с В. Левским в 1868—1872 гг., подготовила почву, на которой выросло восстание 1876 г. Благодаря этому восстание приобрело массовый характер, что в первую очередь отличает его от предыдущих выступлений.

Подготовку к восстанию вели как многочисленные революционные комитеты, образованные в стране, так и находившиеся за ее пределами, преимущественно в Румынии, болгарские революционеры, создавшие Центральный комитет, который с конца 1875 г. действовал в румынском городе Джурджу (по-болгарски — Гюргево).

Гюргевский комитет решил готовить восстание на весну 1876 г. Страна была разделена на четыре революционных округа, в каждый из которых были направлены представители Комитета — «апостолы» — для подготовки и руководства восстанием, которое предполагалось поднять 1 мая. Предпринимались шаги по закупке оружия и боеприпасов за границей. Участники революционных организаций в стране собирали оружие, заготавливали порох и свинец. Центральный комитет в Гюргево и местные революционные комитеты издали целый ряд воззваний и прокламаций, призывавших народ к борьбе против ненавистного турецкого ига.

Деятельное участие в подготовке восстания принимал член Гюргевского комитета пламенный революционер-демократ Христо Ботев. Его боевыми соратниками были Г. Бенковский, Х. Караминков, С. Заимов, С. Стамболов и многие другие революционеры.

13—16 апреля 1876 г. руководители повстанцев Плевенского революционного округа провели в местечке Обориште тайное собрание, которое назначило восстание на 1 мая. Однако турецким властям стало известно об этом собрании, и в центры округа — Панагюриште и Копривштицу бы-

³ В. И. Ленин. Там же, т. 25, стр. 258.

⁴ В. Коларов. Върху Апрельското въстание. «Съвременник», 1975, кн. 13, стр. 567.

⁵ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 70—71.

ли посланы стражники. После первых столкновений с ними было решено начать восстание раньше намеченного срока — 20 апреля.

В течение нескольких дней восстание охватило значительную часть страны.

Больше месяца восставшие массы, а также отряды эмигрантов, перешедшие на территорию Болгарии, вели упорную борьбу с преобладающими силами врага. В этой борьбе болгарский народ, его лучшие сыновья проявляли беспримерный героизм, мужество и самопожертвование.

Широкий размах восстания, массовое участие в нем народных низов, с одной стороны, и отказ от участия в революционной борьбе наиболее зажиточных слоев болгарского населения, с другой, — все это привело к тому, что буржуазное по своему содержанию движение приобрело, как указывал В. Коларов, народный, плебейский характер, прошло под знаком революционно-демократических идей⁶.

Классовые требования и стремления трудящихся масс «накладывали отпечаток на идеологию революционной интеллигенции»⁷, руководившей восстанием. Революционно-демократическое течение, возглавляемое Хр. Ботевым, боролось не только за национальное, но и за социальное освобождение трудящихся, за общество, в котором не было бы эксплуатации человека человеком. Д. Благоев отмечал, что общественно-политическим идеалом Ботева была социальная республика⁸.

Последователь Ботева Г. Бенковский, руководивший восстанием в Пловдивском (Панагюрском) округе, тоже считал, что после свержения турецкого ига в Болгарии можно будет установить социальную республику⁹. В своей практической деятельности он пытался в меру возможностей облегчить положение трудящихся. В частности, избранная на общинарском собрании подготовительная комиссия во главе с Г. Бенковским наметила ряд мероприятий, которые были направлены как на создание материальной базы восстания, так и на оказание помощи беднейшим слоям населения.

И некоторые другие революционные комитеты стремились проводить в жизнь определенные социальные мероприятия. Так, в местечке Клисуре революционная власть безвозмездно снабжала бедняков продовольствием, отобрав его у богатей. В с. Батак для бедняков были открыты общественные склады с зерном. В Панагюриште и Копривштице все продовольственные запасы были провозглашены общей собственностью.

Эти и другие меры, проводившиеся в жизнь главным образом в Панагюрском округе, где восстание приобрело наибольший размах и соотношение классовых сил было в пользу революционно-демократического течения, отвечали в первую очередь интересам беднейших слоев населения и отражали их стремление к социальному равенству и справедливости. Не случайно Д. Благоев отмечал, что под влиянием революционно-демократических идей Ботева «Бенковский после взятия Панагюришта уже видел Болгарию преобразованной в «коммунистическое» царство и за свое недолгое правление в Панагюриште он придал ему коммунистический вид»¹⁰.

Характерной чертой восстания было и то, что острое революционной борьбы направлялось не только против турецкого государства и феодалов, но и против болгарской буржуазно-консервативной верхушки, и в пер-

⁶ В. Коларов. Там же, стр. 570.

⁷ Там же, стр. 573.

⁸ Д. Благоев. Принос към история на социализма в България. София, 1949, стр. 68.

⁹ «Спомени на М. Ив. Маджаров около епохата 1854—1878». София, 1942, стр. 155.

¹⁰ Д. Благоев. Там же, стр. 76—77.

вую очередь против чорбаджиев, которые были опорой османского господства в Болгарии.

Однако, независимо от социальных устремлений трудящихся масс и субъективных намерений отдельных руководителей, объективно восстание, как и все революционное движение, было направлено на ликвидацию феодальных отношений и расчистку пути для капиталистического способа производства. Таким образом, антифеодальное по содержанию и национально-освободительное по форме Апрельское восстание было в сущности высшей точкой буржуазно-демократической революции, призванной решить назревшие социально-экономические и политические проблемы в Болгарии, которая находилась под османским владычеством.

Характер и цели восстания в значительной степени определялись его движущими силами. В качестве таковых выступали те классы и прослойки болгарского общества, которые были наиболее заинтересованы в ликвидации феодализма и свержении чужеземного ига. Подобно другим национальным движениям той эпохи, Апрельское восстание становится массовым благодаря вовлечению в него крестьянства. Этот, по словам В. И. Ленина, самый многочисленный и самый тяжелый на подъем слой населения включается в революционное движение «... в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»¹¹.

О том, что наиболее активное участие в Апрельском восстании принимало крестьянство, убедительно свидетельствуют многочисленные источники. Один из современников отмечал, что крестьяне с большим доверием относились к агитаторам и охотно откликнулись на их призывы¹². Н. Геров 12 апреля 1876 г. подчеркивал в своем донесении, что крестьяне очень активно готовятся к восстанию¹³.

Однако было бы ошибочным считать, что в революционном движении принимало участие все крестьянство. В восстании участвовали главным образом беднейшие и средние слои крестьян. Сельская верхушка, и в первую очередь чорбаджии, в своем большинстве отказывалась сотрудничать с революционными комитетами¹⁴. В связи с этим некоторые руководители пытались силой заставить их поддерживать народное движение.

Активное участие в революционном движении в городах принимали мелкая буржуазия и городские низы — ремесленники и торговцы, подмастерья, ученики и наемные рабочие. Они составляли основной костяк революционной организации в городах. Отдельные местные комитеты, например, Севлиевский и Еленский состояли исключительно из представителей мелкой буржуазии и городской бедноты¹⁵. Брациговский комитет возглавлял мелкий торговец В. Петлешков. В Пловдиве одним из ведущих революционных деятелей был К. Честеменский, бывший наемный рабочий, позднее мелкий ремесленник. Заслуживает внимания тот факт, что в г. Русе активное участие в революционном движении принимали фабричные рабочие¹⁶. Один из активных участников восстания в Сливенском

¹¹ В. И. Ленин. Там же, т. 25, стр. 264.

¹² А. Шопов. Десетдневно царуване. Из българското въстание 1876 г. София, 1881, стр. 172.

¹³ «Априлското въстание. Сборник на документи», т. I. Под ред. А. Бурмова. София, 1956, стр. 220 (далее — АВ).

¹⁴ З. Стоянов. Записки о болгарских восстаниях. Перевод с болгарского. М., 1953, стр. 196, 201—202, 241.

¹⁵ И. Бакалов. Спомени и разкази за въстанието в с. Батошево и дейността на Габровскотта чета там в 1876 г. София, 1926, стр. 38—41; Д. Страшимиров. История на Априлското въстание, т. I. Пловдив, 1907, стр. 29—30.

¹⁶ АВ, т. I, стр. 190, 215.

округе Д. Кукумявков писал в своих воспоминаниях, что настоящими революционерами были только бедняки¹⁷.

Таким образом, основной силой повстанческого движения были народные массы, которые надеялись, что после освобождения Болгарии им удастся выбиться из нужды.

Важную роль в восстании сыграла мелкобуржуазная интеллигенция, в первую очередь народные учителя. Не случайно в одном из турецких документов указывается, что агитаторы связывались прежде всего с учителями¹⁸. Фактически не было революционного комитета, в состав которого не входили бы народные учителя. Как правило, они возглавляли местные революционные комитеты, а иногда и повстанческие отряды. Деятельное участие в восстании принимала часть низшего духовенства.

Сложным и запутанным является вопрос об отношении болгарской буржуазии (средней и крупной) к революционному движению середины 70-х годов XIX в. В. И. Ленин, характеризуя национально-освободительное движение второй половины XIX в., указывал, что «главным классом, который тогда... шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (например, часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»¹⁹.

Из ленинского наблюдения над опытом национально-освободительных движений следует, что заинтересованность буржуазии в ликвидации феодально-деспотических порядков обуславливала ее прогрессивность. Однако буржуазия действовала не всегда революционно, и степень прогрессивности различных слоев *имущих* товаропроизводителей в разных странах была неодинакова.

По-разному отнеслись к Апрельскому восстанию и различные прослойки болгарской буржуазии. О мелкой буржуазии было уже сказано выше. Средняя торгово-промышленная буржуазия была недовольна существующими в Османской империи феодально-деспотическими порядками, но в преобладающем большинстве она рассчитывала на изменение положения без революционной борьбы, возлагая надежды на реформы со стороны турецкого правительства или на освобождение Болгарии от турецкого ига силами иностранных держав. Политической платформой этой части буржуазии был либерализм. Однако с приближением революционного взрыва, боясь остаться в стороне от движения широких народных масс и пытаясь использовать его в своих интересах, часть средней буржуазии включается в подготовку восстания и нередко берет руководство в свои руки. Один из современников члена Панагюрского комитета И. Джуджева на основе его рассказов писал М. Дринову 14 июля 1876 г., что представители буржуазии в таких городах, как Панагюриште, Враца, Тырново, Сливен решили воспользоваться движением народных масс²⁰ и, разумеется, направить его по желательному для буржуазии пути. Но, принимая участие в революционном движении, они не верили в его успех и рассчитывали, главным образом, на внешнюю помощь.

¹⁷ Д. К у к у м я в к о в. Спомен от сливенското въстание в 1876 г., ч. I. Сливен, 1885, стр. 111—112.

¹⁸ АВ, т. III, стр. 111.

¹⁹ В. И. Л е н и н. Там же, т. 26, стр. 144.

²⁰ АВ, т. I, стр. 494.

Руководство восстанием осуществляла главным образом мелкая буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция, а частично и средняя буржуазия, которая отличалась непоследовательностью и нерешительностью.

Лишь в отдельных случаях (в селах Перуштица и Батак, г. Габрово и др.) в революционное движение включились выходцы из чорбаджийской среды, в основном молодежь. Болгарская буржуазная верхушка и в городе и в деревне (крупные торговцы, чорбаджии), а также высшее духовенство враждебно отнеслись к восстанию. В целом консервативно настроенная болгарская буржуазная верхушка сыграла в Апрельском восстании реакционную, контрреволюционную роль²¹. Наличие внутренних противоречий в болгарском обществе в период восстания привело к образованию двух противоположных лагерей, один из которых оказался на стороне врага. Все это бесспорно ослабляло силу революционного движения и уменьшало шансы на победу. Отрицательно повлияло на исход борьбы и то, что примкнувшая в ходе подготовки восстания к революционной организации часть средней буржуазии, представители которой проникли в руководство всех окружных и многих местных комитетов, в период самого восстания в своем большинстве заняла непоследовательную позицию.

Несмотря на широкий размах революционного движения и громадные жертвы, которые понес болгарский народ, Апрельское восстание закончилось неудачей. Поражение его не было случайным. Оно было обусловлено рядом причин, связанных с расстановкой классовых сил в тогдашнем болгарском обществе вообще, социальным составом участников революционного движения, уровнем подготовки, степенью зрелости и массовости восстания. Важную роль играло соотношение сил повстанцев и государственного аппарата Османской империи, пользовавшейся поддержкой западных держав и, прежде всего, Великобритании.

Анализируя причины поражения каждого народного движения, необходимо руководствоваться указанием В. И. Ленина о том, что «в известном смысле слова, победоносной может быть только общенациональная революция. Это верно в том смысле, что для победы революции необходимо объединение... громадного большинства населения»²². Апрельское восстание, хотя и было массовым народным движением, однако оно не распространилось на всю Болгарию, а локализовалось лишь в нескольких районах. Это случилось в значительной степени потому, что местные революционные комитеты, не оправившись полностью от удара, полученного в 1872—1873 гг., не смогли организовать и поднять на борьбу народные массы по всей стране. Большой вред восстанию нанесло предательское поведение болгарских консервативных кругов — чорбаджиев, крупной буржуазии и высшего духовенства, которые оказывали турецкому правительству всестороннюю помощь в борьбе с революционным движением. Таким образом, Апрельское восстание, как справедливо отмечал В. Коларов, «...было народным» (курсив наш. — В. Ч.), но стать «всенародным не смогло. Из-за этого оно было сравнительно быстро подавлено...»²³.

Не мог обеспечить победу восстания и социальный состав его участников и руководителей. Поскольку основную массу участников революционной борьбы составляло крестьянство, восстание приобрело присущий крестьянским движениям разрозненный характер. Следствием этого было отсутствие необходимой координации между отдельными восставшими очагами и несогласованность их действий. Как вполне справедливо отметил С. А. Никитин, крестьянские отряды оказались малоподвижными,

²¹ В. Коларов. Там же, стр. 571.

²² В. И. Ленин. Там же, т. 15, стр. 276.

²³ В. Коларов. Там же, стр. 572.

неспособными решать общие задачи восстания. В частности, в Панагюрском округе по этой причине стало невозможным реализовать план, намеченный подготовительной комиссией²⁴.

При подготовке и во время самого восстания в его руководстве существовали острые противоречия между левым и правым течениями по организационным и тактическим вопросам. Вполне понятно, что внутренняя борьба в руководящей организации вносила разлад в ряды повстанцев, ослабляла их силы и уменьшала шансы на победу.

Большое значение имело, в частности, и то обстоятельство, что наиболее решительные и последовательные борцы за освобождение болгарского народа от турецкого порабощения — представители революционно-демократического направления, которые верили в силы народа, в успех задуманного дела и готовы были за него жертвовать своей жизнью, — не имели большинства ни в Гюргевском, ни в окружных комитетах.

Слабость революционно-демократического крыла привела к тому, что в окружных и в некоторых местных комитетах преобладали деятели буржуазно-радикального направления, а то и буржуазно-либеральные элементы, примкнувшие к движению. Большинство из них были присущи колебания по принципиально важным вопросам. Это объясняется тем, что «буржуазия, — как отмечал В. И. Ленин, — стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо»²⁵. Не веря в успех восстания, буржуазные руководители не способны были повести народные массы на штурм турецкого феодализма и довести борьбу до победного конца. Они искали путей для компромисса с болгарскими консервативными кругами, тесно связанными с турецким правительством. Что же касается мелкой буржуазии, из рядов которой в большинстве случаев вышли руководители восстания на местах, то и она в силу своей социальной природы не могла стать на позиции последовательной борьбы за революционное дело. Поэтому возглавляемое ею движение было заранее обречено на гибель²⁶. Опираясь на опыт революции 1848 г. в Германии, Ф. Энгельс отмечал, что мелкая буржуазия «...способна лишь на то, чтобы погубить всякое движение, которое вверяется ее руководству»²⁷.

Одна из причин неудачи восстания заключалась в организационных ошибках болгарских революционеров и в недостаточной подготовленности восстания. Отсутствие единого центра, который руководил бы революционной организацией в масштабах всей Болгарии, лишило повстанцев организационного единства, порождало разногласия и трения между отдельными комитетами. Вследствие этого возникли расхождения в отношении начала выступления. Подготовка восстания в разных округах началась не одновременно, проводилась неравномерно, а в некоторых местностях была совершенно неудовлетворительной.

Восстание не было надлежащим образом подготовлено и в военном отношении. Повстанцы были очень плохо вооружены (главным образом старинными кремневыми ружьями). Среди повстанческих руководителей было очень мало людей, опытных в военном деле. Планы повстанцев составлялись без учета военно-стратегических соображений, не предусматривали, в частности, захвата в первую очередь важнейших турецких военных объектов и административных центров.

²⁴ С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 гг. и Апрельское восстание. «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник статей». М., 1953, стр. 43.

²⁵ В. И. Ленин. Там же, т. 11, стр. 87.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 106.

²⁷ Там же, стр. 104.

Восстание с самого начала приобрело оборонительный характер, что, как известно, является губительным для любого восстания. «Раз восстание начато, — писал Ф. Энгельс, — тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померилось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены...»²⁸. К сожалению, этот важный принцип военного искусства не был освоен руководителями восстания.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в Панагюрском округе восстание началось раньше намеченного срока. Из-за нерешительности и медлительности некоторых руководителей выступления в других округах начались лишь тогда, когда в Панагюрском округе восстание было уже подавлено. Таким образом, в разных частях Болгарии восстание проходило не одновременно и без какой-либо взаимопомощи и поддержки. Оборонительная тактика и разрозненность повстанческих выступлений дали возможность турецкому правительству и местным феодалам расправиться с повстанцами поочередно, перебрасывая войска из одной местности в другую и сосредоточивая против повстанцев в несколько раз большие силы.

Хотя восстание носило массовый характер и приобрело довольно широкий размах, соотношение сил явно было не в пользу повстанцев. Османская империя в военном отношении отнюдь не была слабой. Последовавшая в 1877 г. русско-турецкая война показала, что турецкая армия, вооруженная по последнему слову военной техники того времени, была серьезным соперником даже для такой армии, как русская. Не следует также забывать, что турецкое правительство имело сильную поддержку в лице отрядов вооруженного до зубов и фанатично настроенного мусульманского населения, так называемых башибузуков.

В борьбе с революционным движением поработенных народов турецкие правящие круги опирались также на всестороннюю помощь крупных капиталистических держав Запада, и в первую очередь Англии. Враждебная антиславянская политика западноевропейских держав отрицательно влияла на развертывание национально-освободительной борьбы южнославянских народов. Это сыграло определенную роль и в судьбе Апрельского восстания.

Таким образом, в результате ряда важных причин восстание не могло завершиться успешно. «Ошибочно было бы думать, — писал В. И. Ленин, — что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так „удобно“ для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения...»²⁹. В частности, такая ситуация сложилась в Болгарии в середине 70-х годов XIX в.: в результате предшествующего общественно-экономического развития в стране назрел переворот, но у революционной организации не хватило сил для его осуществления. Это и обусловило в конечном счете поражение Апрельского восстания.

Несмотря на то, что восстание 1876 г. потерпело поражение, самоотверженная борьба болгарского народа и жертвы, которые он понес, не были напрасными. Восстание сыграло большую роль в истории Болгарии. Его историческое значение заключается прежде всего в том, что оно всколых-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 100.

²⁹ В. И. Ленин. Там же, т. 11, стр. 366—367.

нуло народные массы, разбудило их политическую активность. Во время восстания болгарский народ проявил большое мужество, самоотверженность и героизм в борьбе с врагами. Защитники Перушитицы и Панагюришта, Батака и Брацигова, Кривеника и Батошева, повстанцы из отрядов Харитона и Стоила, Хр. Ботева и Т. Стоянова вписали яркие страницы в героическую летопись болгарской истории, стали примером для последующих поколений в деле беззаветного служения своему народу. Восстание было убедительным доказательством непреодолимого стремления болгарского народа любой ценой завоевать себе свободу, отстаивать свое право на самостоятельное развитие.

Жестокое подавление Апрельского восстания еще раз показало всему миру варварство османских поработителей и вызвало возмущение прогрессивной общественности. По всей Европе прокатилась волна протестов против жестоких репрессий Порты в Болгарии. С особой силой развернулось движение в защиту болгарского народа в России. Болгарский вопрос приобрел международный характер.

Начавшись в обстановке острого революционного кризиса, который захватил ряд европейских владений Турции в середине 70-х годов XIX в., Апрельское восстание стало составной частью освободительного движения южных славян против османского господства.

Апрельское восстание обострило ближневосточный кризис. Вскоре после поражения восстания Сербия и Черногория объявили войну Турции, а в апреле 1877 г. началась русско-турецкая война, в результате которой болгарский народ был освобожден от пятивекового османского ига.

По очень точной оценке С. А. Никитина, восстание 1876 г. представляло собой не простую прелюдию к русско-турецкой войне, а исходный пункт для последующей совместной борьбы русского и болгарского народов за освобождение Болгарии во время русско-турецкой войны³⁰. Массовое участие болгарского населения в этой войне было как бы продолжением Апрельского восстания: в результате русско-турецкой войны было не только возрождено болгарское национальное государство, но также решен аграрный вопрос. Болгария стала страной с преобладающей мелкой земельной собственностью, благодаря чему был открыт путь для свободного развития капитализма. «Два фактора, — писал В. Коларов, — создали Болгарию как свободное и независимое государство: русско-турецкая война и болгарская национальная революция»³¹.

Апрельское восстание обогатило трудящиеся массы Болгарии революционным опытом, который был использован ими как при выступлениях в защиту национальных интересов своей страны, так и в ходе классовой борьбы против социального гнета и эксплуатации, за лучшее будущее.

³⁰ С. А. Никитин. Там же, стр. 46.

³¹ В. Коларов. Освобождение на България от турско робство. София, 1948, стр. 6.

В. П. ЧУГАЕВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ В ПОЛЬШЕ» В 1924—1938 ГОДАХ

Острая идеологическая борьба на мировой арене двух противоположных общественно-политических систем, борьба между капитализмом и социализмом на современном этапе исторического развития, все более усиливает значение проблемы пролетарского интернационализма. Марксизм-ленинизм рассматривает пролетарский интернационализм как важнейшую составную часть научного коммунизма, идейную основу классовой борьбы пролетариата за революционное переустройство общества.

Одним из ярких проявлений классовой солидарности пролетариата явилась деятельность Международной организации помощи борцам революции (МОПР). В рамках этой организации активно действовала польская секция МОПР — «Красная помощь в Польше».

Ее деятельность рассматривалась в работах А. Заторского «Красная помощь» в Польше — 1924—1928 гг., Л. К. Пылыпив о «Красной помощи» в Западной Украине и других. Однако всестороннее и глубокое исследование данной проблемы, как справедливо отмечают многие авторы, наталкивается на серьезные трудности, что связано прежде всего с недостатком источников — «Красная помощь» действовала в подполье и подвергалась преследованиям со стороны властей, поэтому многие документы не сохранились.

В течение всего межвоенного периода трудящиеся массы вели самоотверженную борьбу против гнета буржуазии и помещиков, против антинародной политики правящих кругов, насаждавших в стране свирепый террор. Проводились массовые аресты всех тех, кто выступал в защиту классовых и общественных интересов трудящихся. В польских тюрьмах находились тысячи политических заключенных.

Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП) постоянно вела борьбу против политического террора в стране и проявляла заботу о политических заключенных и их семьях. Уже на I съезде КРПП (декабрь 1918 г.) был создан Центральный тюремный комитет (ЦТК) при ЦК партии, который возглавил известный революционный деятель и участник Великой Октябрьской социалистической революции Ф. Гжельщак-Гжегожевский. ЦТК установил связи с самоуправлениями политических заключенных и организовал через них распределение материальной помощи, получаемой от различных организаций международного рабочего класса. Сборы средств среди трудящихся Польши в помощь политзаключенным обычно носили эпизодический характер и проводились с большим или меньшим успехом. Тем не менее следует подчеркнуть, что проведение этой важной и не столь простой работы имело огромное значение для мо-

ральной и материальной поддержки политических заключенных и членов их семей¹.

В конце 1924 г. ЦТК при ЦК партии был ликвидирован и на его базе с использованием налаженных связей создается польская секция МОПР². В августе 1925 г. польская секция МОПР приняла название «Красная помощь в Польше»³. Вначале ее деятельность существенно не отличалась от работы, которую проводил до этого ЦТК, но в течение 1925—1926 гг. произошла ее коренная перестройка. Важное значение при этом имели решения III съезда КПП (январь — февраль 1925 г.) и IV конференции КПП (ноябрь — декабрь 1925 г.), а также большая практическая помощь Исполкома МОПР. На III съезде КПП специальная комиссия обсуждала вопрос о развертывании мопровской работы в Польше. В принятой съездом резолюции были сформулированы конкретные указания, как создать широко разветвленную сеть организаций МОПР и наладить действительную помощь политзаключенным и членам их семей. III съезд КПП поставил задачу «приступить немедленно к созданию районных и местных комитетов и сети ячеек на основах партийной организации»⁴. На IV конференции КПП были даны важные установки по вопросу правильных взаимоотношений между партией и «Красной помощью». Суть проблемы заключалась в следующем: коммунистическое ядро в «Красной помощи», обеспечивая революционное руководство, должно быть законспирировано, чтобы не мешать вовлечению в организацию широких масс рабочих, крестьян и интеллигенции. В резолюции конференции КПП говорилось: «Нелегальный аппарат МОПРа должен быть совершенно отделен от партийного аппарата и защищен от разгрома наравне с партаппаратом. Контакт с партией должен поддерживаться через ЦК и окружные комитеты»⁵.

Тем самым помощь политическим заключенным в Польше, которая до этого была чисто партийной функцией КПП, теперь осуществлялась массовой общественной организацией «Красная помощь». Эта организация должна была носить единый фронтный характер, объединяя под руководством КПП все те же политические силы, которые выступали против политики репрессий буржуазно-помещичьего правительства Польши и стремились к демократизации общественно-политической жизни страны.

Идеологической и организационной платформой деятельности польской секции МОПР являлся Устав «Красной помощи в Польше», принятый в 1925 г.⁶ Он определял цели и задачи организации, состав и обязанности ее членов, организационную структуру.

Основной задачей «Красной помощи» как классовой общественной организации, говорилось в Уставе, является «материальная, моральная и юридическая помощь жертвам белого террора в Польше и других капиталистических странах без различия партийной принадлежности путем:

- а) пробуждения сознания классовой солидарности среди трудящихся масс;
- б) укрепления связи между пролетариатом Польши и пролетариатом других стран;
- в) повышения интереса в широких слоях рабоче-крестьянского населения Польши к вопросам международного рабочего движения;

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 3, д. 914, л. 20.

² Там же, д. 953, л. 22.

³ «Więź Polityczny», 1925, № 5—6, с. 21.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 3, д. 914, л. 21.

⁵ Там же, л. 30.

⁶ См. «Z pola walki», 1967, 2(38), с. 169—175, а также ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 3, д. 905, л. 1—4.

г) объединения широких масс трудящихся для создания тыла революционного фронта и воспитания их в духе международной классовой борьбы»⁷.

Высшими руководящими органами «Красной помощи», согласно уставу, являлись всепольский съезд, Центральный комитет и Ревизионная комиссия⁸. Работа в трудных условиях постоянного полицейского преследования не позволила в период 1924—1938 гг. созвать всепольский съезд «Красной помощи». Сохранилось очень мало документов о структуре и деятельности отделов ЦК «Красной помощи», и это затрудняет возможность проследить организационные изменения в течение всего периода. Известно, что в составе Центрального комитета работали отделы: организационный, пропагандистский, издательский, по оказанию помощи политзаключенным, по оказанию помощи семьям политзаключенных и юридической защиты⁹. Не исключено, что на отдельных этапах структура ЦК изменялась.

В организационном отношении вся польская секция МОПР была разделена на три части: на территории коренной Польши действовало 16 окружных комитетов, каждый из которых непосредственно подчинялся ЦК «Красной помощи в Польше», на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, исходя из политических и агитационных соображений, были созданы автономные организации «Красной помощи Западной Украины» и «Красной помощи Западной Белоруссии» со своими Центральными комитетами, которые также подчинялись ЦК «Красной помощи в Польше»¹⁰. На всей территории коренной Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии действовали окружные, городские и районные комитеты «Красной помощи». Низшим звеном «Красной помощи» являлись кружки, которые действовали под руководством местных комитетов на предприятиях, в деревнях, учреждениях и направляли работу членов МОПР.

Членство в «Красной помощи» было индивидуальное и коллективное. Членом МОПР мог быть каждый, достигший 16-летнего возраста гражданин Польши, признававший Устав, активно работавший в одной из организаций «Красной помощи» и регулярно уплачивавший членские взносы. Прием новых членов производился в низовых кружках «Красной помощи» на основании устного заявления вступающего и поручительства других членов МОПР. Коллективное членство оформлялось на основании резолюции, принятой на общем собрании желающих вступить в «Красную помощь». Нелегальные условия деятельности «Красной помощи» затрудняли учет всех коллективных и индивидуальных членов организации. Тем не менее имеющиеся данные позволяют считать, что ее численный состав колебался от 6 до 12 тыс. человек¹¹. Кроме того, вокруг молдавских кружков постоянно группировалось большое число сочувствующих. В 1930 г. социальный состав членов «Красной помощи» характеризовался следующим образом: 35% составляли промышленные рабочие, 20 — крестьяне, 30 — ремесленники, 15% — трудовая интеллигенция. Среди членов МОПР в Польше было около 70% мужчин и 30% — женщин¹².

Важное место в деятельности «Красной помощи» занимала политическая работа в массах: организация массовых митингов на фабриках и заводах, в учреждениях и селах, проведение уличных демонстраций и

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 3, д. 905, л. 1.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Там же, д. 914, л. 32.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, ф. 539, оп. 3, д. 1004, л. 29, 30.

¹² Там же, д. 953, л. 14—15.

манifestаций у стен тюрем и возле судов во время политических процессов, календарных и международных кампаний в защиту узников империализма, в поддержку борцов революции. Ежегодно проводились массовые кампании по подготовке и празднованию: 18 марта в день памяти Парижской Коммуны — международного праздника МОПР, 20 июня — дня памяти Клары Цеткин и ежегодной массовой вербовки в ряды МОПР, 12 декабря — дня Кантонской Коммуны и второго международного дня МОПР.

«Красная помощь» принимала активное участие в кампании, связанной с Ленинскими днями (21—22 января), в праздновании Международного женского дня (8 марта), дня международной солидарности трудящихся 1 мая, международного юношеского дня (первое воскресенье сентября), годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября), дня Конституции СССР (5 декабря), во многих международных кампаниях солидарности трудящихся, особенно в защиту Г. Димитрова и Э. Тельмана от зверств германского фашизма, против террора фашизма в Италии и Германии, в защиту рабочих-эмигрантов Сакко и Ванцетти и девяти юношей-негров, незаконно арестованных в Скоттсборо в США, в поддержку революционеров Австрии и героической борьбы народа республиканской Испании.

Низовые ячейки «Красной помощи» постоянно участвовали в кампаниях, митингах и демонстрациях протеста против белого террора в Польше. Особо следует выделить их активную борьбу за амнистию политических заключенных. Одна из таких кампаний завершилась амнистией 2 января 1936 г., по которой из тюрем Польши было освобождено около 3500 политических заключенных. * * *

Характерно, что вся политическая работа «Красной помощи», ее агитационно-массовая и пропагандистская деятельность были проникнуты идеями и духом пролетарского интернационализма. Комитеты «Красной помощи» выпускали воззвания и обращения к населению с призывом оказывать помощь политзаключенным и их семьям, крепить международную солидарность трудящихся.

«Красная помощь» проводила большую работу по сбору средств и оказанию материальной и другой помощи политическим узникам и их семьям, которые подвергались преследованиям со стороны буржуазного правительства. Политзаключенным передавались в тюрьмы деньги и продукты питания, одежда, лекарства, книги, проводилась подписка для них газет и журналов.

Значительные средства расходовались на юридическую помощь, особенно, в ходе политических судебных процессов.

Революционерам, освобожденным из тюрем, оказывалась материальная поддержка, принимались меры к организации их лечения.

По неполным данным за 1936 г. помощь политзаключенным в тюрьмах Польши составила около 90 тыс. злотых, а освобожденным революционерам и их семьям — свыше 96 тыс. злотых¹³.

Значительную помощь и финансовую поддержку «Красной помощи» оказывал Исполком МОПР, через который трудящиеся СССР и многих капиталистических стран направляли в Польшу деньги, посылки и письма для политических заключенных.

Большинство организаций «Красной помощи» прекратили свою деятельность в 1937 г. Некоторые организации просуществовали до 1938 г.

Исторический опыт «Красной помощи» имеет огромное политическое значение. В результате ее деятельности были спасены от неминуемой

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 539, оп. 3, д. 1000, л. 33—54.

гибели в тюремных застенках буржуазно-помещичьей Польши тысячи революционеров, которые вели самоотверженную борьбу за социальное и национальное освобождение, за счастливое будущее своего народа. Многие из них с честью прошли через тяжелые испытания и стали впоследствии активными строителями социалистического общества в Польской Народной Республике.

Деятельность «Красной помощи в Польше» как секции Международной организации помощи борцам революции имела огромное значение для укрепления пролетарской солидарности польского народа с трудящимися Советского Союза и капиталистических стран, для формирования единого народного демократического фронта в борьбе против империализма и его наиболее реакционных сил, против фашизма.

Т. Ф. МАКОВЕЦКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В БОЛГАРСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ ВОКРУГ ЗАКОНОПРОЕКТА БЗНС ОБ АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ

Внутриполитическое положение Болгарии после первой мировой войны было весьма сложным. Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала подъему революционного движения в этой стране. Перед болгарской буржуазией возникла реальная угроза потери власти. В 1918—1919 гг. в Болгарии сложилась революционная ситуация: болгарские «верхи» и весь государственно-политический механизм переживали состояние кризиса; как германофильские, так и антантофильские партии¹ уже не могли влиять на развитие событий в благоприятном для них направлении, противопоставить революционным выступлениям масс и нанести им решительное поражение²; болгарский же пролетариат был еще не в силах обеспечить завоевание политической власти, Болгарская коммунистическая партия — его авангард — переживала период становления как партия большевистского типа и на повестке дня у нее в то время не было вопроса о взятии власти³. В этой обстановке к власти пришла мелкобуржуазная крестьянская партия БЗНС, ставшая в годы своего правления (1920—1923) определяющим фактором общественно-политического развития страны.

Управление страной старыми парламентскими методами с помощью дискредитировавших себя буржуазных партий⁴ стало невозможным. Установление режима БЗНС было своеобразной попыткой этой мелкобуржуазной партии найти выход из кризиса буржуазного парламентаризма.

Буржуазные политические партии были поставлены перед необходимостью приспособляться к политической обстановке в стране, однако это не значило, что они отказываются от своих программных установок.

¹ Деление болгарских политических партий на антантофильские и германофильские произошло в самом начале первой мировой войны. В коалиции германофильских, поддерживавших прогерманский курс правительства В. Радославова, вошли три буржуазные партии: либеральная, народно-либеральная, младолиберальная. К числу антантофильских относились следующие оппозиционные буржуазные партии: народная, прогрессивно-либеральная, демократическая. Партии мелкой буржуазии — БЗНС, радикально-демократическая не имели в этот период четко выраженной внешнеполитической ориентации, часто выступали за нейтралитет, но многие лидеры этих партий поддерживали курс антантофильских партий (См. М. А. Б и р м а н. Революционная ситуация в Болгарии 1918—1919 гг. М., 1957, стр. 31—33).

² Там же, стр. 379.

³ «История на Българската комунистическа партия». София, 1973, стр. 212.

⁴ Одни партии потеряли свой авторитет в результате того, что находясь у власти, способствовали вовлечению Болгарии в первую мировую войну, другие — из-за того, что не смогли противостоять этой политической авантюре. Поражение Болгарии в первой мировой войне в составе Четверного союза и тяжелые для нее условия Нейтского мирного договора окончательно подорвали престиж буржуазных партий.

Своей реформаторской деятельностью БЗНС оказал огромное влияние на развитие социально-политических процессов в стране. Руководствуясь в социальной политике положениями сословной идеологии, в которой одним из основных был тезис о возрастании роли крестьянского сословия, БЗНС приступил к его практическому осуществлению. В значительной степени социальная направленность реформ объясняется составом Союза в это время. По данным XV конгресса БЗНС (июнь 1919) 1% членов БЗНС составляли безземельные крестьяне, 51 — владельцы участков до 5 га, 32 — от 5 до 10 га, 14 — от 10 до 20 га, и лишь 2% имели участки свыше 20 га⁵.

Присоединяясь к высказанному в исторической литературе тезису о том, что проводимая в течение трех лет социальная политика правительства БЗНС чрезвычайно усложнила проблему создания массовой опоры для фашистских сил в Болгарии⁶, автор настоящей статьи ставит перед собой задачу выяснить, как в процессе выработки и принятия в рамках Народного собрания закона об аграрной реформе (принят 25 апреля 1921 г.) обнажилась расстановка политических сил в стране, а также охарактеризовать общую атмосферу в болгарском парламенте в это время.

Аграрный вопрос являлся важнейшей внутриполитической проблемой послевоенной Болгарии. Закон об аграрной реформе наряду с тремя другими (о трудовой повинности, об отчуждении частных зданий в пользу государства, об увеличении размера государственных земель) был назван лидером Союза А. Стамболийским «великим». В силу сложившихся исторических условий и особенностей экономического развития Болгарии, 80% населения которой были заняты в сельском хозяйстве, в стране ощущался острейший земельный голод в первом и втором десятилетиях XX в., нарастающий по мере развития капитализма в сельском хозяйстве и во всей экономике в целом. Наличие в аграрной стране большого числа сельскохозяйственных рабочих (в 1910 г. — 161020 человек)⁷, а также малоземелье крестьян, подтверждаемое результатами обследования земельной собственности в Болгарии в 1908 г.⁸ (32,1% владели участками до 2 га, 49,05 — от 2 до 10 га, 17,2 — от 10 до 30 га, 1,5 — от 30 до 100 га, 0,15% — свыше 100 га), были доказательством остроты этой проблемы⁹.

⁵ Л. Б е р о в. Социална основа на режима на БЗНС през 1918—1923 гг. «Исторически преглед», 1972, № 4, стр. 45. В исторических исследованиях последних лет превалирует мнение, что к этому времени БЗНС в основном был партией среднего и мелкого крестьянства. Л. Б е р о в. Там же; Р. П. Г р и ш и н а. Сентябрь 1923 г.: первое народное антифашистское восстание. «Коммунист», 1973, № 14, стр. 78; П. С т о й ч е в. Александър Стамболийски — идеолог на дребноселска демокрация. «Исторически преглед», 1975, № 1, стр. 5—6 и другие исследования.

⁶ Р. П. Г р и ш и н а. Там же, стр. 81.

⁷ «Общи резултати от преброяването на населението в Царство България на 31 декември 1920 г.», кн. III. София, 1928, стр. 5.

⁸ Последнее обследование земельной собственности в Болгарии производилось в 1908 г. до проведения аграрной реформы правительством БЗНС. Исследователи, касаясь аграрных сюжетов после первой мировой войны, пользуются данными этой переписи. Естественно, последовавшие за этим три войны нанесли огромный ущерб экономике страны, сильно ударили по мелким собственникам, способствовали дальнейшему дроблению земельных владений.

⁹ «Статистика на земеделска собственност през 1908 година. Кн. 3. Собственици на земята». София, 1921, стр. 140—147. Безусловно, при характеристике экономического положения отдельных групп сельского населения нельзя абсолютизировать в качестве критерия размер находившегося в их владении земельного надела. Но если при этом учесть низкую оснащенность сельского хозяйства орудиями производства, а также экстенсивный способ ведения хозяйства в то время, то именно размер участка играл в большинстве случаев определяющую роль. Еще до войн (1912—1918)

Небывалых размеров земельный голод достиг после первой мировой войны, подорвавшей и без того слабые производительные силы Болгарии и приведшей к массовому разорению трудящихся крестьян. Это было связано прежде всего с изъятием из сельского хозяйства для военных целей людских ресурсов и рабочего скота¹⁰. Катастрофическое состояние всей экономики препятствовало выходу сельского хозяйства из кризиса.

По условиям Нейского мирного договора 1919 г. Болгария теряла часть своей территории¹¹. К особенно резкому обострению земельного голода в стране привела потеря Южной Добруджи, составлявшей всего 8% территории Болгарии, но располагавшей 13% всех посевных площадей страны. Здесь было сосредоточено около 63% капиталистических хозяйств и производилось 20—25% экспортируемого Болгарией хлеба¹².

Накануне аграрной реформы процентное соотношение площадей, занятых под пропашными и техническими культурами, свидетельствовало о том, что по-прежнему сохранялся экстенсивный характер болгарского сельского хозяйства. Приток в Болгарию беженцев из соседних стран достиг к этому времени примерно 500 тыс. человек¹³, что в значительной степени усиливало перенаселенность болгарской деревни.

Обострение капиталистических противоречий в деревне, усилившихся в результате колоссального урона, нанесенного первой мировой войной, привело к массовой потере крестьянами своих земель. В 1920 г. малоземельные и безземельные составляли примерно 56% общего числа хозяйств¹⁴, в деревне сконцентрировалась огромная армия наемных рабочих — 223,5 тыс. человек¹⁵.

Огромная масса болгарских крестьян была заинтересована в справедливом перераспределении земли.

Этот вопрос был не нов для ВЗНС, впервые он был четко сформулирован на XIV конгрессе Союза в 1913 г. В резолюции конгресса зафиксированы требования ограничения крупной земельной собственности. Максимум земельного владения определялся в 50 га, исключения делались только для больших семей в тех околиях, где для этого были особые хозяйствен-

---

в болгарской деревне существовала многочисленная армия безработных и полубезработных, которую слабо развитая капиталистическая промышленность и крупные земледельческие хозяйства не в состоянии были поглотить. А. Велев. Аграрная реформа правительства Земледельческого союза.

«Actes du premier congres international des Etudes balkaniques et sud-est europeennes», Sofia, 1967, p. 117.

¹⁰ Во время первой мировой войны в армию было призвано 880 тыс. человек — 20% населения страны (И. Н. Ч а с т у х и н. Рабочее движение в Болгарии в 1915—1939 гг. М., 1956, стр. 3). Данные переписи, проведенной 31 декабря 1920 г., свидетельствовали о резком уменьшении поголовья рабочего скота, об очень низкой оснащенности сельского хозяйства орудиями производства: в стране насчитывалось 400 995 сох, плугов лишь 256 600, из них 109 287 — деревянных. В послевоенный период урожайность постоянно падала, из-за недостатка инвентаря и тягловой силы крестьяне вынуждены были сокращать посевы. Занятые под зерновыми площади в 1919 г. составляли 80,3%, а валовый сбор зерна — около 69% по сравнению с уровнем 1911 г. («Статистически годишник на Българското царство, 1913—1922». София, 1924, разд. VI, стр. 70—71, 68, 26—27, 30—31).

¹¹ «Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. III. Мир в Нейи». М., 1926, стр. 21; Б. Д. К е с я к о в. Принос към дипломатическата история на България, т. II. София, 1926, стр. 74, 83.

¹² «Икономиката на България до социалистическата революция», т. I. София, 1969, стр. 479.

¹³ «История на Българската комунистическа партия», стр. 228.

¹⁴ «Общи резултати...», кн. IV, София, 1928, стр. 8.

¹⁵ «История Болгарии», т. II. М., 1955, стр. 66.

ные условия. Земельную площадь, превышавшую установленную норму, предлагалось изымать и передавать малоземельным крестьянам за плату¹⁶.

Впоследствии эта идея легла в основу программного положения Союза о трудовой поземельной собственности (ТПС) (июнь 1919, XV конгресс БЗНС)¹⁷. Автор проекта о ТПС ближайший соратник А. Стамболийского Р. Даскалов следующим образом сформулировал ее принципы: крестьянин-труженик должен быть наделен землей, земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, каждая крестьянская семья должна иметь такое количество земли, обработав которую собственными силами, она обеспечит себе необходимый прожиточный минимум¹⁸.

В 13 пункте резолюции XV конгресса была зафиксирована ранее установленная норма земельного надела. Конгресс призывал бороться за всестороннее экономическое раскрепощение трудовых крестьянских масс.

Для осуществления этой цели будущей земледельческой парламентской группе еще в XVIII Народном собрании, избранном в 1919 г., вменялось в обязанность потребовать аграрной реформы, в основу которой должна быть положена идея ТПС¹⁹.

Придя к власти в составе коалиционного правительства, куда вошли представители БЗНС и двух буржуазных партий — народной и прогрессивно-либеральной, земледельцы включили в программную декларацию нового правительства, оглашенную 10 октября 1919 г. в XVIII Обыкновенном народном собрании (ОНС), свои требования улучшения положения крестьянства, в которых в самой общей форме определялось направление аграрной политики БЗНС: улучшение положения безземельных, полупролетаризированной массы инвалидов, ограждение крестьянства от эксплуатации, осуществление ТПС²⁰.

Симптоматично, что во время обсуждения в Народном собрании программной декларации правительства, депутаты других партий не выступали с замечаниями по поводу включенных в нее аграрных требований. Это, конечно, объяснялось не тем, что лидеры буржуазных партий поддерживали выдвинутые требования, а тем, что они не могли еще оправиться от событий последних лет. К тому же, вряд ли они предполагали, что лидеры БЗНС не ограничатся одними декларациями, а возьмут курс на осуществление провозглашенной ими аграрной политики.

Внимание лидеров буржуазных партий в это время было приковано к Нейи-сюр-Сен, где выработывались условия мирного договора. Кроме того, соотношение сил в Народном собрании наглядно свидетельствовало о том, что игравшие ведущую роль в прошлом буржуазные политические партии потеряли свою популярность и влияние в народе. БЗНС располагал 85 местами, БКП — 47, БРСДП (ш. с.) — 38, демократы — 27, народники — 19, прогрессивно-либеральная партия — 8, радикалы — 8, стамболовисты-петковцы — 2, геннадиевцы — 1²¹.

Принятие XV конгрессом БЗНС упомянутых решений о необходимости реформирования земельной собственности и опубликование 17 февраля 1920 г. проекта закона об аграрной реформе хронологически ограничивают собой очень сложный период в политической жизни Болгарии и в развитии БЗНС.

Обстоятельства складывались так, что БЗНС набирал темп на пути

¹⁶ Д. Т и ш е в. Великата Октомврийска социалистическа революция и Български земеделски народен съюз. София, 1967, стр. 56.

¹⁷ «Земеделско знаме», № 77, 8 юни 1919.

¹⁸ Р. Д а с к а л о в. Борба за земята. София, 1945, стр. 9.

¹⁹ «Земеделско знаме», № 77, 8 юни 1919 г.

²⁰ «Дневници на XVIII ОНС, I п. с.», кн. I. София, 1919, стр. 7.

²¹ Там же, I р. с., кн. II. София, 1920, стр. 1349—1353.

к осуществлению своей цели: формированию однопартийного земледельческого кабинета. Начавшаяся в декабре 1919 г. всеобщая стачка железнодорожников и почтово-телеграфных работников являлась доказательством того, что с революционным движением в Болгарии еще далеко не покончено. Она оказывала парализующее воздействие на запуганную послевоенными событиями болгарскую буржуазию. Это облегчало для БЗНС продвижение к намеченной цели. Однако опасение, что поднявшаяся революционная волна сведет на нет все прежние завоевания Союза, определило резко отрицательное отношение лидеров БЗНС к стачке, а также привело к участию земледельческой «оранжевой гвардии» в ее подавлении.

Опубликование проекта аграрной реформы именно во время стачечных боев пролетариата и накануне выборов в XIX ОНС (они были назначены на 28 марта 1920 г.) было призвано сыграть определенную тактическую роль, так как этот документ приковывал к себе внимание не только сельского населения. Горожане составляли 20% населения страны и среди них был значителен процент так или иначе связанных с сельским хозяйством²².

Все это, как нам кажется, являлось очень существенной и продуманной частью предвыборной кампании БЗНС.

Основные цели законопроекта формулировались следующим образом:

1. Создать «справедливую частную земельную собственность жизнеспособных крестьянских хозяйств».
2. Частично свести раздробленные земельные участки в единые массивы (так называемая комасация земель).
3. Организовать в стране заселение малонаселенных мест.
4. Провести в жизнь принцип: «земля принадлежит прежде всего крестьянам»²³.

Более конкретно впоследствии излагал задачи, которые в данном случае ставили перед собой земледельцы, Р. Даскалов: ликвидировать крупное землевладение и «причины, порождающие его», дать землю безземельным, изъять землю из числа возможных источников эксплуатации трудового крестьянства²⁴.

Требование сохранения частной собственности оставалось неизменным. Выступая против крупной частной собственности, как создающей основу для эксплуатации, А. Стамболийский, Р. Даскалов и их сторонники утверждали, что мелкая, «трудовая» частная собственность должна быть сохранена и укреплена. Это программное теоретическое положение БЗНС изложил А. Стамболийский еще в «Принципах Болгарского земледельческого союза»²⁵.

Позиция Болгарской коммунистической партии по аграрному вопросу была уязвимой, являясь отражением того трудного процесса, который переживала БКП, вырабатывая тактику по отношению к крестьянству. Основной ошибкой, которую приходилось преодолевать БКП, Г. Димитров считал «непонимание революционных возможностей крестьянства как союзника рабочего класса в революции...»²⁶.

Начало поворота во взглядах на крестьянство положила программная Декларация БКП, принятая на I съезде. В нее были включены некоторые

²² «Общи резултати от преброяването на населението... 1920», кн. III, стр. 2.

²³ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. II. София, 1922, стр. 1312—1313.

²⁴ Р. Даскалов. Там же, стр. 10.

²⁵ А. Стамболийски. Принципите на Българският земеделски съюз. София, 1919, стр. 29—33.

²⁶ Г. Димитров. Избранные статьи и речи. М., 1972, стр. 316.

положения по аграрному вопросу²⁷. Но в то же время на I и III съездах выдвигался лозунг национализации земли²⁸, что болгарское крестьянство социально и политически еще не в состоянии было воспринять. Выдвижение этого лозунга препятствовало созданию союза рабочего класса с крестьянством.

III съезд БКП был шагом вперед в отношении коммунистической партии к крестьянству как союзнику пролетариата. Этот съезд уделил большое внимание выработке основ новой аграрной политики партии.

Аграрному вопросу был целиком посвящен третий раздел резолюции съезда. Этот документ был, правда, несколько противоречив: в пункте 5 речь шла о национализации земли, в пункте 6 допускался раздел части национализированных земель, а в 7 пункте утверждалось, что все национализированные пролетарской властью земли будут превращены в общественные коллективные хозяйства²⁹. И БКП в своих оценках внутриполитической деятельности БЗНС игнорировала ее демократический характер и, следовательно, исключала возможность демократического решения аграрного вопроса в сотрудничестве с БЗНС³⁰. В то же время БКП постоянно усиливала свою работу среди крестьянского населения. После стачечных боев 1919 г. авторитет ее значительно возрос. Если к концу 1918 г. в стране было лишь 34 сельских организации и группы БКП³¹, то в 1920 г. их стало уже 1445³².

По решению II съезда БКП началось издание газеты «Селски вестник»³³ тиражом в 12 тыс. экземпляров.

Эволюция позиции партии по аграрному вопросу нашла отражение в выступлении в парламенте депутата-коммуниста Т. Саралиева (апрель 1921 г.) при обсуждении законопроекта о ТПС. Отвечая на волновавший земледельцев вопрос, почему коммунисты обращают свое внимание на село, он изложил точку зрения БКП по вопросу о союзе пролетариата и крестьянства. Суть его ответа была такова: БКП должна иметь в селе сильные позиции. Коммунисты не отказываются от своего теоретического положения о завоевании политической власти в стране, а для осуществления этой цели необходим союз пролетариата и крестьянства³⁴. Но это не распространялось на БЗНС, хотя в своей основной массе крестьянство шло именно за этой партией.

Все это вызывало серьезные опасения у руководства БЗНС, которое в той сложной обстановке не мог не волновать вопрос о сохранении и укреплении социальной базы.

Первые практические шаги земледельческого правительства — опубликование проекта аграрной реформы с четко выраженным в нем принципом трудовой поземельной собственности — сразу же получили резонанс в стране: они явились толчком к массовой распродаже крупными землевладельцами своих участков, спекуляции ими. Перед правительством встали серьезные проблемы: пресечение активной спекуляции землей и не-

²⁷ «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК» (далее — «БКП в резолюции...»), т. II, 1919—1923. София, 1951, стр. 4, 5, 9—10.

²⁸ Там же, стр. 9, 80.

²⁹ Там же, стр. 108—115.

³⁰ Там же, т. II, стр. 71, 74, 111, 140—143.

³¹ «История на Българската комунистическа партия», стр. 214.

³² «БКП в резолюции...», т. II, стр. 92. Данные о росте влияния БКП на крестьянство приводит Л. Бероу на основании анализа результатов выборов в Народное собрание в 1914—1923 гг. Например, при выборах в XIX ОНС (1920) за коммунистическую партию голосовали в селах 121 651 человек, в то время, как в 1914 г. при выборах в XVII ОНС — 30 654 человека (Л. Бероу. Там же, стр. 46).

³³ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 68; «История Болгарии», т. II, стр. 78.

³⁴ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV. София, 1923, стр. 2598.

обходимость решения по-прежнему актуальной проблемы беженцев. Для урегулирования этих вопросов 16 июня 1920 г. земледельцы внесли в Народное собрание законопроект об увеличении размера государственных земель, подчеркивая непосредственную связь между ним и уже обнародованным законопроект об аграрной реформе. Законопроект об увеличении размера государственных земель трактовался как частичное мероприятие аграрной программы ВЗНС, осуществление которой в полном объеме связывалось с законом о ТПС³⁵.

Уже в законе об увеличении государственных земель (принят 30 июня 1920 г.) определялся земельный максимум (30 га) и нашли отражение некоторые требования принципа ТПС: предусматривалось изъятие в государственный поземельный фонд излишков земель, не обрабатываемых самими владельцами, поощрялось возделывание земледельцами интенсивных сельскохозяйственных культур, закладка фруктовых садов, виноградников, а также создание различного рода предприятий, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции³⁶. Земли государственного фонда предполагалось предоставить в распоряжение безземельных и малоземельных крестьян за выкуп. В условиях земельного голода в Болгарии крестьянин мог рассчитывать получить по этому закону лишь очень небольшой надел.

Практические шаги земледельцев имели резонанс и в парламенте. Обсуждение и принятие закона об увеличении размера государственных земель было своего рода пробой сил. Стало очевидным, что в будущем, когда правительство непосредственно займется вопросом об аграрной реформе, оно встретит сильную оппозицию большинства буржуазных партий, которые выразили отрицательное отношение к законопроекту и закону об увеличении размера государственных земель, встав на защиту неизбежности частной собственности и объявив действия правительства незаконными и грабительскими³⁷.

По существу, в дискуссиях по законопроекту об увеличении размера государственных земель выявлялось отношение партий к аграрной политике ВЗНС, а следовательно в какой-то мере и к предстоящей аграрной реформе. Крупнейшие буржуазные партии: народная, прогрессивно-либеральная, демократическая даже в этих предварительных мероприятиях увидели большое социальное зло, посягательство на «устой государства, основанного на принципах частной собственности»³⁸.

Представитель демократической партии Р. Маджаров выражал опасение, что проведение в жизнь закона об увеличении размера государственных земель приведет к тому, что ныне самостоятельные хозяева через 20—30 лет превратятся в пролетариев³⁹. В то же время он пугал земледельцев тем, что созданный государственный поземельный фонд могут изъять⁴⁰ страны-победительницы в счет различного рода выплат, которые Болгария должна была производить на основании ст. 124 мирного договора⁴¹.

³⁵ «Дневници на XIX ОНС, I и с.», кн. II. София, 1921, стр. 996.

³⁶ Там же, стр. 1318.

³⁷ Там же, стр. 1016, 1046, 1048—1050.

³⁸ Там же, стр. 1015—1020, 1035—1040, 1047—1050.

³⁹ Там же, стр. 1016.

⁴⁰ Там же, стр. 1018.

⁴¹ Р. Маджаров ошибочно назвал ст. 124 мирного договора. Речь идет о статье 121 того же договора, определявшей размеры репараций, которые Болгария должна была выплачивать в пользу стран-победительниц. В соответствии с этой статьей выплаты могли производиться не только в денежном выражении, но и в виде движимого и недвижимого имущества, прав и концессий на болгарской территории и вне ее. (Б. Д. К е с я к о в. Принос към дипломатическата история на България, т. II. Ньойски договор. София, 1926, стр. 165—168).

Народняки обвинили правительство в том, что оно не радеет о крестьянстве и своей политикой способствует увеличению притока беженцев ⁴².

Представители прогрессивно-либеральной партии в Народном собрании считали, что попытка проведения в жизнь аграрных мероприятий, предлагаемых земледельческим правительством, будет иметь отрицательные последствия для сельского хозяйства страны и что возможность их реализации весьма сомнительна ⁴³.

Социал-демократы характеризовали законопроект как проявление неподготовленности земледельческого правительства к решению поставленной проблемы. Но в то же время депутаты «широких» рассматривали законопроект как попытку претворения в жизнь принципа социализации, на путь которой, по их мнению, становилось таким образом правительство БЗНС, и расценивали это мероприятие как решительный шаг в направлении экспроприации крупной земельной собственности ⁴⁴. Это еще больше настраивало представителей буржуазии в парламенте против земледельческого правительства и в то же время не могло встретить понимания у широких крестьянских масс, с нетерпением ожидавших возможности получить землю в собственное владение или увеличить свои явно недостаточные наделы.

Представители мелкобуржуазной радикальной партии не определили четко своих позиций в данном вопросе.

Депутаты-коммунисты поддержали законопроект, но настаивали на коллективном землепользовании, возражали против выкупа за землю, продолжая выдвигать ошибочное в то время требование национализации земли ⁴⁵.

Депутаты правящей партии настойчиво защищали законопроект. В результате был принят закон об увеличении размера государственных земель, сохранивший все его основные положения ⁴⁶.

Соотношение сил в парламенте было таково, что земледельцы могли добиться принятия любого законопроекта. Во время обсуждения аграрных законопроектов правительства БЗНС земледельцы были представлены в ОНС 110 депутатами, коммунисты — 43, социал-демократы — 7, радикалы — 8, демократы — 21, народняки и прогрессисты — 21, либералы — 6 ⁴⁷. При обсуждении законопроекта об увеличении размера государственных земель земледельцев поддерживала такая значительная группа, как коммунистическая парламентская фракция. Подобная обстановка в парламенте в значительной мере отражала расстановку политических сил в стране.

В феврале 1921 г., через год после внесения, законопроект о ТПС был поставлен на обсуждение в Народном собрании.

Многие деятели БЗНС, поддерживавшие А. Стамболийского и Р. Даскалова, полагали, что с помощью этой реформы они сумеют изменить положение крестьянства, оградить его от спекулятивных ростовщического и спекулятивного капитала.

Законопроект стал предметом споров в Народном собрании. Дважды его обсуждала специальная парламентская комиссия.

Коммунистическая партия прямо заявила о своем отрицательном отношении к нему, назвав его «полностью реакционным». БКП придерживалась верного мнения, что закон не гарантирует получения земли всеми нуждающимися, так как участки, размер которых превышает 30 га,

⁴² «Дневники на XIX ОНС, I п. с.», кн. II, стр. 1051.

⁴³ Там же, стр. 1038—1039.

⁴⁴ Там же, стр. 1008—1014.

⁴⁵ Там же, стр. 1020—1021, 1023, 1025—1026, 1040—1042, 1054—1055.

⁴⁶ Там же, стр. 996, 1318.

⁴⁷ «Дневники на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 3075—3080.

в Болгарии сравнительно немного. Кроме того, она выступила с объективной критикой таких положений законопроекта, которые предусматривали допущение наемного труда, оплату крестьянами полученной земли, различного рода уступки в пользу монастырей и т. д.⁴⁸ Общую негативную оценку законопроекта о ТПС определяло то, что в БКП с повестки дня не был снят вопрос о национализации земли⁴⁹, не встречавший поддержки у большинства болгарского крестьянства. У БКП еще не было гибкого подхода к политике правительства ВЗНС, по-прежнему не признавались демократические, положительные черты в деятельности этого правительства.

Между представленными в Народном собрании мелкобуржуазными партиями не было единства по вопросу о предстоящей аграрной реформе.

Только радикально-демократическая партия заявила о своей поддержке законопроекта, квалифицируя его как «самый важный»⁵⁰.

Позиция этой партии объяснялась в значительной мере ее составом. Статистика выборов в ОНС за период с 1914 по 1919 г. свидетельствовала об ощутимом увеличении числа поданных за радикалов голосов. Рост рядов этой партии преимущественно за счет крестьянского населения заставлял ее руководство постоянно держать в поле зрения настроения крестьянских масс, претендовать наряду с ВЗНС на роль защитницы интересов крестьянства⁵¹.

Считая, что предполагаемая реформа должна обеспечить благоприятные условия для развития мелкого землевладения, они в то же время призывали проводить реформу очень осторожно, пытались отмежеваться от принципа ТПС. Излагалось это таким образом: «Мы считаем, что не так важен трудовой принцип, который нужно положить в основу наших хозяйств, как важен принцип их жизнеспособности»⁵².

Признавая огромное значение этой реформы для страны в целом, депутаты радикально-демократической партии все же проявляли солидарность с крупными буржуазными партиями в таких вопросах, как увеличение выкупной стоимости земли, повышение максимума землевладения. Последнее аргументировалось тем, что земельный надел в 30 га явно недостаточен там, где земля неплодородна⁵³. По-видимому, такая непоследовательность в значительной мере объяснялась столкновением интересов этой партии и ВЗНС в борьбе за влияние и социальную опору.

Критика проекта аграрной реформы со стороны БРСДП (ш. с.) в целом носила расплывчатый характер. Депутаты БРСДП (ш. с.), признавая важность обсуждаемого законопроекта, вместе с тем подвергали сомнению эффективность его реализации в предложенном виде⁵⁴.

Депутаты БРСДП (ш. с.) утверждали, что если законопроект станет законом, это заденет интересы чиновничества, учителей, жителей сел, работающих на шахте «Перник», так как доходы с имевшихся у них земельных участков являлись существенным подспорьем в их бюджете. «Широкие» социалисты говорили, что в условиях острой политической борьбы, когда любой чиновник, учитель мог быть уволен за участие в митинге или

⁴⁸ Там же, стр. 2599—2603.

⁴⁹ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 108—115.

⁵⁰ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2579, 2614.

⁵¹ В 1919—1920 гг. радикально-демократическая партия состояла из 75 городских и 711 сельских организаций, а в 1921 — из 76 городских и 736 сельских организаций с 29 013 членами. При выборах в ОНС в 1914 г. за нее было подано 27 353 голоса, а в 1920 г.—41 930 (С. Радудов. Кризиса в общественно-политически възгледи на буржоазната демокрация в България. 1919—1923. Академия за общественна наука и социално управление при ЦК на БКП. Научни трудове. Серия «История». София, 1972, стр. 98—104).

⁵² «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2613, 2614.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, стр. 2587.

демонстрации, эта категория населения лишалась средств к существованию. Законопроект о ТПС, по мнению представителя этой партии, был еще одним свидетельством отсутствия у правительства БЗНС заботы о городском населении⁵⁵.

Считая проект о ТПС лишенным теоретической основы, социал-демократы определяли его суть как «фантазмагорию». Вся деятельность земледельцев в этом направлении квалифицировалась «широкими» как дезорганизаторская работа, которая повлечет за собой большие неурядицы в стране⁵⁶.

Не сообразуясь с настроениями болгарского крестьянства, депутаты этой партии предлагали на землях, которые предполагалось изъять в фонд ТПС, создать образцовые государственные хозяйства, что, на их взгляд, способствовало бы улучшению обработки земли, условий труда, обеспечивало бы средства к существованию крестьянства и гарантированный рабочий день⁵⁷.

Как бы объясняя свое бессилие противостоять социальной политике правительства БЗНС, «широкие» социалисты заявляли в Народном собрании: «Болгарский народ всегда был слеп и сейчас, когда он поддерживает вас, он тоже слеп»⁵⁸.

При общем негативном отношении к законопроекту представители буржуазных партий в борьбе с правительством БЗНС по этому вопросу разделились на несколько групп. Сложность ситуации для них была в том, что мелкая буржуазия составляла значительную часть этих партий⁵⁹, а в целом социальная политика правительства БЗНС импонировала мелкой буржуазии. Это заставляло лидеров буржуазных партий, с одной стороны — прибегать к социальной демагогии, допускать иногда (с оговорками) возможность реформирования аграрных отношений, но, с другой стороны — аграрная реформа могла очень ощутимо задеть интересы верхушки этих партий, в которых было довольно много крупных собственников земли, и их интересы нужно было отстаивать. Главными объектами споров и нападок, с которыми обрушились представители буржуазных партий на законопроект земледельческого правительства, были его основные положения, наиболее четко характеризовавшие социальную направленность предстоящей реформы: установление максимума землевладения, влекущее за собой изъятие излишков у крупных землевладельцев и выкуп за изымаемую землю по ценам 1905—1910 гг., когда земля была значительно дешевле, нежели в последнее десятилетие. Особенно резко выступали против этих положений представители народно-прогрессивной и демократической партий, в рядах которых было больше всего крупных землевладельцев.

Особенно обострилась борьба на заключительной стадии обсуждения парламентом вопроса об аграрной реформе, когда представители буржуазных партий поняли, что провалить законопроект не удастся.

Депутаты народно-прогрессивной партии Х. Мутафов, А. Буров, Т. Тодоров, признавая законопроект «самым существенным проявлением социальной политики правительства БЗНС»⁶⁰, считали, что принимая подобный закон, правительство покушается на частную собственность, рискуя расстроить всю экономику страны⁶¹.

⁵⁵ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2587.

⁵⁶ Там же, стр. 2589.

⁵⁷ Там же, стр. 2588, 2591—2593.

⁵⁸ Там же, стр. 2590.

⁵⁹ Я. Й о ц о в. Буржоазна демокрация в България 1879—1923. «Etudes historiques», t. V. Sofia, 1970, p. 397.

⁶⁰ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2565, 2619.

⁶¹ Там же, стр. 2565.

Х. Мутафов излагал свою позицию следующим образом: «...я рассматриваю эту реформу как попытку распатать устои государства, посягнуть на важнейший институт в современном государстве, институт частной собственности. Она (реформа.— Т. М.) внесет смуту не только в земледельческую массу или класс, но и во все общественные слои и классы»⁶².

Ссылаясь на опыт «передовых европейских стран» и на свой политический опыт, лидеры этой партии заявляли, что они не взяли бы на себя смелость заняться разрешением данной проблемы⁶³. Х. Мутафов утверждал, что «в Болгарии нет такого земледельческого движения, которое могло бы питать, поддерживать и давать основания для замысла подобной реформы, для применения закона о ТПС... Недовольство, которое можно было бы увидеть среди малоземельных и безземельных, не столь остро, чтобы оно висело как дамоклов меч над болгарскими правящими кругами и они желали бы, чтобы оно завтра же было ликвидировано...»⁶⁴.

Спекулируя на частнособственнических настроениях болгарского крестьянства, опытный демагог Х. Мутафов квалифицировал изъятие излишков земель за выкуп как экспроприацию⁶⁵. Пытаясь выглядеть объективным и обстоятельным при обсуждении законопроекта, Мутафов очень осторожно, но неуклонно высказывался за оставление нетронутыми крупных земельных владений.

Во всей этой яростной парламентской борьбе центральным было, пожалуй, выступление одного из лидеров народно-прогрессивной партии А. Бурова, отразившее наиболее общие тенденции отношения крупной болгарской буржуазии к социальной политике правительства БЗНС и аграрной реформе, в частности. Учитывая пестрый социальный состав своей партии, не составлявшей в этом отношении исключения из числа остальных буржуазных партий, А. Буров очень осторожно излагал свою точку зрения с претензией на объективность в отношении рассматриваемого законопроекта. В отличие от Х. Мутафова, он на словах признавал чрезвычайную важность для сельскохозяйственной Болгарии попытки реформирования аграрных отношений, однако выдвигал при этом ряд доводов против проведения реформы именно в это время и именно в таком виде. Выдвижение подобного законопроекта, говорил Буров, должны предвдварять тщательные и длительные статистические исследования, необходимо изучить состояние сельского хозяйства за последние десять лет, а также пересмотреть принцип отчуждения земель в пользу государственного фонда с учетом специфики районов. Проведение реформы потребует больших затрат. «Возникнут потребности в аппарате проведения реформы, в средствах, а у вас их нет»⁶⁶, — уточнял А. Буров. Наряду с этими «доводами», он прибегал к запугиванию земледельцев, подчеркивая, что подобными мероприятиями они внесут социальную смуту в болгарское село⁶⁷. Делая акцент на социальной стороне проблемы, А. Буров пытался представить действия правительства БЗНС как крайне непродуманные, направленные против тех собственников-крестьян, которых Союз представляет. Затупившая уже существовавшую классовую дифференциацию болгарского крестьянства, А. Буров пытался «образумить» земледельческих лидеров: подобный законопроект приведет к дифференциации болгарского села, породит массу недовольных⁶⁸.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 2572.

⁶⁶ Там же, стр. 2624.

⁶⁷ Там же, стр. 2625.

⁶⁸ Там же, стр. 2624.

Подобного рода заявления, бесспорно, должны были обратить на себя внимание кулацкой прослойки Союза, а также середняка, составлявшего значительный процент в БЗНС.

Предполагаемое изъятие излишков земли с последующей компенсацией по ценам 1905—1915 гг. А. Буров характеризовал как грабеж, так как, по его мнению, бывшие собственники земли оставались ни с чем, в то время как владевшие другой формой собственности или имевшие вклады в банках не несли материального ущерба⁶⁹. Это был очень искусный прием, так как он обострял антиправительственные настроения крупных земельных собственников и дискредитировал социально-экономическую политику земледельческого правительства. «Проведение реформы в таком виде не в политических интересах Союза»⁷⁰, — подводил итог А. Буров.

Выступление другого лидера народно-прогрессивной партии, опытного политического деятеля Т. Тодорова, отражало позицию крупной болгарской буржуазии. Смысл этого выступления можно свести к нескольким положениям: 1) земельный вопрос в Болгарии еще не стал актуальным, так как земли здесь много; 2) распределение земли в Болгарии в сравнении с другими странами более равномерно, и каждый, кто хочет работать, может купить ее; 3) подобная реформа — захват частной собственности, ее уничтожение, а это зло, так как без частной собственности невозможен прогресс и развитие государства⁷¹.

Анализируя выступления в ОНС представителей народно-прогрессивной партии нельзя не отметить их общей антиправительственной направленности, стремления подчеркнуть недальновидность и несостоятельность лидеров БЗНС, поспешность в решении столь важных для страны проблем.

Общий тон и смысл выступлений представителей демократической партии позволяет причислить их к направлению, которое представлял народный прогрессист Х. Мутафов. Поддержав основную линию защиты крупного землевладения, демократ Р. Маджаров заявлял о том, что правительство затеяло хитрую игру, допуская в качестве исключения существование земельных наделов свыше 30 га, в том случае, если они «представляют интерес для всего сельскохозяйственного производства страны в целом». Но фактически, заявлял Р. Маджаров, это бессмысленно, так как по закону об увеличении размера государственных земель эти земли изъяты в фонд болгарского государства⁷². Демократы пытались уйти от высказывания прямого отношения к идее ТПС, заявляя, что это не ново и что Болгария «и так является страной мелкого и среднего землевладения и никакие реформы ей не нужны»⁷³.

Так же, как и народные прогрессисты, лидеры демократов учитывали настроение рядовых членов партии, что заставляло их быть осторожными в формулировках. Но они не упускали возможности подчеркнуть необходимость сохранения крупных, как они их называли, «образцовых хозяйств»⁷⁴, т. е. крупной земельной собственности. При этом предста-

⁶⁹ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2622, 2625.

⁷⁰ Там же, стр. 2624.

⁷¹ Там же, стр. 2949—2950. Резкий тон выступлений А. Букова и Т. Тодорова был вызван и тем, что они сами являлись владельцами достаточно крупных и многочисленных участков. Так, при проведении в жизнь закона о ТПС Тырновской окружной комиссией ТПС (рапорт № 751 от 3 апреля 1922 г.) было выяснено, что А. Буров и Т. Тодоров не сообщили о землях, которыми владели в разных местах Болгарии. Т. Тодоров имел земли в Еленской и Бургасской околиях, владения А. Букова находились в Горно-Оряховской, Плевенской, Тырновской, Свиштовской, Русенской и Софийской околиях («Известия на Дирекцията за трудовата поземлена собственост», № 8, 18 мая 1922 г., стр. 2).

⁷² «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2573, 2576.

⁷³ Там же, стр. 2574.

⁷⁴ Там же, стр. 2576.

вители демократической партии подчеркивали, что наступление на частные земли вызовет отчаянное и серьезное сопротивление их владельцев, и предупреждали правительство БЗНС: «Вам придется послать войска для осуществления этого закона» ⁷⁵.

Выступления представителей буржуазных партий свидетельствуют о том, что все эти партии, независимо от того, в какой форме они сопротивлялись социальной политике правительства БЗНС, стояли на четко выраженных реставраторских позициях, в большинстве случаев с некоторой адаптацией к значительному полевению масс, мелкобуржуазных в том числе. Их идеалом была, с некоторыми поправками, довоенная, докризисная Болгария, когда положение буржуазии было более стабильным и определенным.

Рассмотрим теперь позицию парламентской фракции БЗНС. При всей сложности ситуации в Союзе и разногласиях в его руководстве в работе над законопроектом об аграрной реформе проявилась одна общая тенденция: реформа необходима, причем чем скорее она будет проведена, тем лучше. Земледельческие депутаты, часто бывавшие в селах и беседовавшие с крестьянами, отмечали, что крестьянство ждет земли с нетерпением и всякого рода промедления могут привести к тому, что реформа начнет осуществляться снизу, а не в централизованном порядке ⁷⁶.

Как и среди депутатов большинства партий, представленных в Народном собрании, среди земледельцев имелись разногласия по отдельным пунктам законопроекта. Это было отражением гетерогенности Союза. К примеру, некоторые рядовые депутаты БЗНС требовали уменьшения максимума оставляемой землевладельцам земли, снижения компенсаций за отчуждаемую землю, уменьшения выкупной цены за землю, которой предполагалось наделять крестьян ⁷⁷. Другие же, наоборот, выдвигали требование увеличения максимума оставляемой владельцам земли, повышения выкупных платежей ⁷⁸.

Солидарность с лидерами буржуазных партий, а также с крупными землевладельцами проявлял министр финансов в первом однопартийном правительстве БЗНС М. Турлаков, ставший впоследствии лидером правых земледельцев. Он, например, поддержал требование демократов исключить из законопроекта пункт об освобождении переселенцев на три года от всех налогов на имущество, что и было осуществлено ⁷⁹. Когда депутат-земледелец С. Пейчев предложил внести в законопроект пункт о праве заинтересованного населения выявлять факты незаконной распродажи земли и о выплате выявителям 10% ее стоимости, М. Турлаков сделал все, чтобы изобразить это предложение как не имеющее никакого смысла ⁸⁰.

Полемизируя с представителями буржуазных партий, критиковавшими проект реформы, Р. Даскалов отверг одно из основных спекулятивных обвинений, выдвинутых Х. Мутафовым, будто бы изъятие излишков земли в таком виде — это экспроприация. Р. Даскалов уточнял, что плата,

⁷⁵ Там же, стр. 2947.

⁷⁶ Там же, стр. 2584.

⁷⁷ Там же, стр. 2584, 2585—2586, 2958—2959, 2964. Изменения в социальном составе Союза в 1921 г., когда шло обсуждение законопроекта о ТПС, свидетельствовали о его заметном полевении. В 1921 г. увеличилось число безземельных членов БЗНС — они составляли 2,8%, собственники участков до 5 га — 61, от 5 до 10 га — 27, свыше 20 га — 1,5%. (См. Л. Б е р о в. Там же, стр. 45.) Это являлось свидетельством популярности аграрной политики правительства БЗНС среди большинства болгарского крестьянства.

⁷⁸ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2957—2958.

⁷⁹ Там же, стр. 2580, 2934.

⁸⁰ Там же, стр. 2970.

которую планировалось взыскивать, находилась в соответствии с теми ценами, по которым эта земля приобреталась. Более того, по мнению Р. Даскалова, цены на землю в законопроекте снижены еще недостаточно⁸¹.

В результате межпартийной борьбы в ОНС, а также противоречий по отдельным вопросам внутри самого БЗНС некоторые статьи первоначального варианта законопроекта были изменены. Если по первоначальному варианту лица, не обработавшие землю своими силами, совсем лишались ее, то в окончательном варианте им оставлялось по 4 га на одинокого и 10 га на семейного. Устанавливался максимум землевладения в 30 га; в больших неразделенных семьях каждая семья получала право на владение таким максимумом (ст. 2). Все доходы, полученные с отчуждаемых земель, вплоть до объявления об их отчуждении, поступали в распоряжение прежнего хозяина (ст. 3 и 4). Не отчуждались те излишки монастырских земель, эксплуатация которых была организована на «культурной основе» (ст. 7). Вводилась дополнительная статья, на основании которой собственник отчуждаемой земли «имел право в течение строго установленного срока определить, какие именно участки земли он желал оставить за собой»⁸².

Анализ статей принятого закона об аграрной реформе свидетельствует о том, что, несмотря на коррекцию его отдельных положений, земледельцы в основном добились искомого. Законом о ТПС утверждался принцип трудового землепользования, устанавливался максимум землевладения, сохранялась плата за землю по ценам 1905—1915 гг. Для проведения его в жизнь предусматривалось создание общинных и окружных комиссий ТПС⁸³. Предлагавшийся принцип их формирования позволял земледельцам играть решающую роль в проведении аграрной реформы.

Принцип формирования аппарата проведения реформы вызвал яростную критику со стороны депутатов, представлявших демократическую и радикально-демократическую⁸⁴ партии. Они дали верную оценку принципа формирования и деятельности комиссий ТПС как средства усиления позиций правительства БЗНС. Радикалы настаивали на том, чтобы сформировать этот орган таким образом, «чтобы не было привилегий ни для одной партии»⁸⁵. Им же принадлежала идея немедленного роспуска комиссий сразу же после раздачи земли с тем, чтобы «крестьянин был уверен, что полученная им земля за ним останется»⁸⁶ и пересмотра решения не будет, а демократы предсказывали даже «крестьянские войны» при условии создания этих комиссий по предложенному лидерами Земледельческого союза принципу⁸⁷.

И демократы и радикалы предлагали передать право распоряжаться землей судьям или сельскохозяйственному банку⁸⁸, где у болгарской буржуазии были прочные позиции.

Тревога представителей этих партий была обоснованной. Добившись законодательного закрепления принципа формирования окружных и общинных комиссий в приемлемом для себя варианте⁸⁹, земледельцы действительно получали возможность еще больше укрепиться в селе.

⁸¹ «Дневници на XIX ОНС, I р. с.», кн. IV, стр. 2972—2973.

⁸² Там же, стр. 2651, 2974—2975.

⁸³ Там же, стр. 2974—2976.

⁸⁴ Там же, стр. 2580, 2589, 2613.

⁸⁵ Там же, стр. 2613.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, стр. 2580.

⁸⁸ Там же, стр. 2580, 2613.

⁸⁹ Там же, стр. 2976.

В аграрной политике правительства БЗНС проявилось стремление к демократизации общественной жизни страны. Поставив своей целью уравнивать, по возможности, в имущественном отношении большинство болгарского крестьянства, подтянуть его до среднего уровня, лидеры БЗНС направили свои усилия на социальное уравнивание большинства болгарского населения. При этом лидеры БЗНС опирались на выдвинутое ими теоретическое положение о том, что «общественная сила, представляющая собой истинную демократию», а таковой земледельцы считали себя, не могла уйти от решения вопроса о перераспределении материальных благ в обществе, так как отсутствие материального равенства членов общества, по их мнению, является причиной существования материальной, духовной и нравственной нищеты⁹⁰.

Выдвигая проект формирования аппарата проведения реформы (общинных и окружных комиссий), принятый с небольшими изменениями, правительство БЗНС стремилось обеспечить участие в общественно-политической жизни страны значительной массы болгарских крестьян, в подавляющем большинстве шедших за БЗНС.

Принятие закона об аграрной реформе свидетельствовало о том, что буржуазные политические партии, несмотря на их отчаянное сопротивление, оказались не в силах легальными парламентскими методами противостоять социальной политике правительства БЗНС и что болгарская буржуазия теряла парламент как важнейший инструмент осуществления своей политики.

Явным стало и отсутствие в лагере болгарской буржуазии в первой половине 1921 г. тактического единства по вопросам борьбы с правительством БЗНС.

Буржуазные политические партии продолжали терять свою популярность и позиции в Народном собрании, где число их депутатов сократилось с 57 (в XVIII ОНС) до 48 (в XIX ОНС). Ситуация в парламенте для этих партий была весьма сложной: в случае солидарности мелкобуржуазных партий (БЗНС, радикально-демократической), «широких» социалистов и коммунистов в XIX ОНС им могли бы противостоять 167 депутатов левой коалиции.

Однако, как показала борьба в парламенте в связи с законопроектом об аграрной реформе, в лагере мелкой буржуазии не ставился вопрос о создании блока наванных партий или выработки ими какой-то общей платформы. БЗНС, правящая партия, действовала в одиночку, не заботясь о союзнике и обеспечении тылов в довольно сложной обстановке острой внутривнутриполитической борьбы в стране. Радикально-демократическая партия претендовала на самостоятельность в решении внутренних проблем, социал-демократы не могли выдвинуть никакой позитивной программы действий.

Соотношение сил в парламенте и сложившаяся там атмосфера были убедительным доказательством того, что народные массы активно пробуждались к политической жизни, в то время как возможности буржуазных партий активно влиять на государственную политику оказались сильно урезанными.

⁹⁰ А. Стамболийски. Там же, стр. 35—37.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СЕРБСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
В СОСТАВЕ РУССКОГО ХРОНОГРАФА

(К истории русско-сербских культурных связей XV в.)

Изучение состава, датировки и происхождения Русского хронографа началось уже более ста лет назад; хорошо известны работы А. Н. Попова, В. Ягича, А. А. Шахматова и других ученых, посвященные различным источниковедческим проблемам, в том числе вопросу об источниках Хронографа¹. Однако до сих пор в историографии еще не завершен анализ сербских источников данного памятника, на основании которых, как известно, написаны его главы по истории Сербии, Болгарии, даже Византии. В частности, в исторической литературе еще не выявлены все сербские источники, послужившие основой для воссоздания на страницах Хронографа истории сербского феодального государства (конец XII — середина XV вв.); не освещен и важный вопрос, как именно составитель Хронографа использовал доступные ему источники (каковы произведенные им сокращения, либо дополнения и т. д.)².

В связи с этим особенно интересно выяснить, были ли в числе сербских источников Русского хронографа сербские летописи; поскольку в историографии по этому поводу существуют разные точки зрения (но явный перевес имеет точка зрения об отсутствии их у составителя Хронографа), целесообразно ознакомиться с аргументацией исследователей Хронографа и их выводами о наличии материалов сербских летописей в составе сербских глав Хронографа.

Как известно, в своем «Обзоре хронографов русской редакции» А. Н. Попов довольно обстоятельно проанализировал источники отдельных глав данного памятника (в том числе и различия глав по разным спискам) и пришел к выводу, что сербские статьи Хронографа в своей со-

¹ См., например, А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1—2. М., 1866—1869; И. Руварац. О Цароставнику или цароставним књигама, с погледом на важност вихову за српску повесницу. «Зборник Илариона Руварца», св. 1. Београд, 1934 (впервые опубликовано в 1873); V. Jagić. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik. «Archiv für Slavische Philologie», Bd. II. Berlin, 1877; А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899; его же. Пахомий Логофет и Хронограф. «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1899, ч. 324; С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции Русского хронографа. «Известия Отделения русского языка и словесности» (далее — ИОРЯС), т. XXX, 1926; Б. М. Клосс. О времени создания Русского хронографа. «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XXVI, 1974; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, и др.

² Ср., например, Е. П. Наумов. Из истории русско-сербских средневековых связей (Второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). УЗИС, т. XXVI, 1963; О. В. Творогов. Там же, стр. 33—43.

вокушности «представляют довольно полный обзор сербской истории, и с достоверностью можно думать, что над собранием их трудился серб»³. Как указал Попов, составитель Хронографа использовал для глав по истории средневековой Сербии следующие сербские источники: житие Саввы Неманича, первого сербского архиепископа (написанное, по его словам, Доментианом); второе житие сербского короля Стефана Дечанского; «из неизвестного сочинения — краткий отзыв о царе сербском Стефане Душане» (в гл. 199); запись монаха Исаяи о Марицкой битве 1371 г.; житие деспота Стефана Лазаревича и, наконец, «из неизвестного, современного событию сочинения заключительная статья под заглавием: «Царство Сербское и о запустении его»»⁴.

Итак, А. Н. Попов насчитал всего шесть сербских источников, использованных составителем Хронографа для его «обзора сербской истории», и среди них мы не находим сербских летописей. Правда, исследуя в выпуске 1 своего «Обзора» отдельные главы Хронографа и их источники⁵, он пришел к иному заключению. В частности, рассматривая раздел «Царство Сербское» (о правлении Душана и Уроша — в гл. 199), А. Н. Попов писал, что «по всем спискам, в том числе и Толстовскому, статья эта представляется отрывком сербской летописи, в котором передается вкратце рассказанное подробно в житии св. Стефана»⁶ (т. е. Стефана Дечанского. — *Е. Н.*).

Позднее Попов, работая над вторым выпуском «Обзора», счел возможным отрицать наличие материалов каких бы то ни было сербских летописей в составе Хронографа. Поскольку его общий вывод о наличии шести сербских источников уже вскоре был в известной мере уточнен и исправлен В. Ягичем, отметившим неточности в выкладках А. Н. Попова (в частности, насчет жития Саввы и заключительной сербской статьи Хронографа)⁷, необходима и проверка его утверждений относительно сербских летописей.

Это, на наш взгляд, представляется тем более важным, что, как уже отмечалось выше, А. Н. Попов заметно изменил свою точку зрения, по крайней мере в отношении текста раздела из гл. 199. Мы поэтому подробнее рассмотрим здесь его аргументацию тезиса об отсутствии сербских летописей в составе Хронографа, приведенную во втором выпуске его труда. Говоря о сербских источниках Хронографа, Попов справедливо замечает, что «родословные сербских деспот, следующие непосредственно за выписками из жития св. Саввы (т. е. из гл. 194 Хронографа. — *Е. Н.*), разнятся по спискам»⁸. Тем не менее, отметив различия в текстах родословных сербских правителей по разным спискам Хронографа, он не провел последовательного сравнения данного раздела целиком по известным ему спискам (и одновременно с текстом жития деспота Стефана Лазаревича, как мы покажем ниже), ограничившись лишь указанием, что в Толстовском списке (не разделенном на главы), есть фраза о римском императоре Лицинии (родоначальнике сербских государей), которая отсутствует во всех других списках Хронографа, где текст разделен на главы.

Обратив внимание лишь на генеалогический пассаж о Лицинии, А. Н. Попов не заметил расхождения между родословной из Хронографа и тем родословием, который содержится в житии деспота Стефана. По

³ А. Н. Попов. Там же, вып. 2, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Там же, вып. 1, стр. 188—195, 198—203, 205—211 (о сербских главах и разделах Хронографа), ср. также вып. 2, стр. 21, 24—25.

⁶ Там же, вып. 1, стр. 201.

⁷ V. J a g i ć. Ibid., S. 37, 43 (прим. 1).

⁸ А. Н. Попов. Там же, вып. 2, стр. 42.

его словам, «что же касается до разницы в родословных, замеченной между списками Хронографа, то по исследованию оказывается, что тот и другой вид родословной (т. е. в списках, разделенных на главы и в списке, неразделенном на них) взяты из одного и того же источника, именно из жития сербского деспота Стефана Лазаревича, причем Толстовский список (№ 172) ближе к своему источнику»⁹. Заметим кстати, что последний вывод привел автора к весьма важному заключению о значении Толстовского списка для выяснения происхождения всего Хронографа. Так, касаясь выдержек из жития Саввы в Толстовском списке, Попов утверждал, что «Толстовский список в этом случае ближе к первоначальному виду Хронографа; тем более, что та же родословная в своем полном составе приводится ниже отдельно»¹⁰.

Впоследствии эта точка зрения была отвергнута А. А. Шахматовым¹¹. Соображения же Попова о сербских родословных не были проверены, что привело к отрицанию всяких следов сербских летописей в составе Русского хронографа.

Дело в том, что А. Н. Попов, вновь подчеркивая «дословное сходство родословной указанного жития (т. е. деспота Стефана.— *Е. Н.*), которое и само внесено в Хронограф, с родословными Хронографа», не считал необходимым при рассмотрении этого раздела гл. 194 данного памятника обратиться к уже опубликованным тогда или находившимся еще в рукописях сербским летописям и родословным. Как известно, к этому времени П. Шафариком уже были изданы десять сербских летописей (в его сборнике югославянских памятников, 1851). Кроме того, в 40—60-х годах XIX в. ряд летописей был издан и другими учеными¹². Все эти летописные материалы были использованы также в работе А. А. Майкова, уделявшего особое внимание источниковедческим вопросам¹³. Между тем А. Н. Попов вместо тщательного сопоставления соответствующего текста Хронографа (т. е. родословной сербских правителей из гл. 194) дает здесь лишь априорные заключения об отсутствии у составителя Хронографа материалов сербских летописей.

По его словам, в тексте Хронографа «за родословными следует извлечение из жития сербского деспота Стефана Дечанского, списанного Григорием Цамблаком (Хронограф, гл. 197—198), следовательно, в Хронографе большой пробел — от смерти св. Саввы, от 1237 г. и до краля Милутина, до 1275 г.; т. е. нет рассказов о Стефане Уроше I (1237—1272) и Стефане Драгутине (1272—1275). Пробел этот свидетельствует, что у собирателя (т. е. составителя Хронографа.— *Е. Н.*) не было под руками сербских летописей, и чтобы загладить его — снова повторяются слова приведенной уже раз родословной»¹⁴.

Вероятно, А. Н. Попов находил аргументацию этого своего тезиса настолько убедительной, что в дальнейшем изложении, касаясь упомянутого выше раздела из гл. 199 (о Душане и Уроше), он даже не считал необходимым допустить возможность использования в данном случае каких-то летописных свидетельств (т. е. так, как он сам это сделал в первом выпуске своего «Обзора»). Напротив, он уже не называет этот «крат-

⁹ А. Н. Попов. Там же, стр. 42—43 (ср. также стр. 24, прим. 1).

¹⁰ Там же, стр. 41—42 (ср. стр. 24).

¹¹ А. А. Шахматов. К вопросу..., стр. 20—24 (о Толстовск. сп.).

¹² V. Jagić. Ibid., S. 54—59.

¹³ А. А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. М., 1857. Как известно, В. И. Григорович использовал и публиковал сербские летописи (см. его работу: О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV—XV столетиях. Казань, 1859, прил., стр. 3, 47—59).

¹⁴ А. Н. Попов. Там же, вып. 2, стр. 43.

кий отзыв о Стефане Душане» отрывком из сербской летописи. Более того, следуя своей концепции и опять-таки не проводя сравнения данного раздела с сербскими летописями и родословами, Попов писал: «По недостатку источников, в Хронографе мы не находим ни о победах Стефана Душана, ни об учреждении патриаршества, ни о судьбе последней отрасли дома Неманичей, молодом Уроше»¹⁵. Вполне понятно, что краткость упоминания о Душане и Уроше в этой главе А. Н. Попова мог расценивать как новый довод в пользу своего тезиса об отсутствии сербских летописей в распоряжении составителя Хронографа, поскольку и этот краткий раздел, по его мнению, в конечном счете восходил к разобранной выше родословной (т. е., по его словам, к тексту жития деспота Стефана)¹⁶.

Следует отметить, что появление труда А. Н. Попова, несмотря на некоторые его недостатки (в частности, при анализе сербских источников Хронографа), заметно повысило интерес югославянских ученых к проблемам средневековой сербской историографии, к истории сербских летописей и хронографов. Примечательно, что уже в 1873 г. сербский историк И. Руварац, в статье, посвященной истории и структуре сербских хронографов, коснулся и их источников. При этом Руварац, отмечая вслед за А. Н. Поповым использование в составе Хронографа жития Саввы (в переработке Феодосия), житий Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича, краткой записи о Марицкой битве 1371 г., иначе решает вопрос о наличии сербских летописей в этом памятнике. По словам Рувараца, «автор Хронографа или цароставника... черпал... и из кратких летописей...»¹⁷.

Однако И. Руварац не считал необходимым подробнее останавливаться на этом, уделяя особое внимание исследованию лишь первоисточников. Без сомнения, эта точка зрения сыграла большую роль, воспрепятствовав фактически всякой дальнейшей разработке источниковедческих вопросов данного плана в сербской и югославской историографии. И. Руварац завершил свою статью о хронографах так: «...описанные цароставники не имеют сейчас того значения для сербского историка, которое они имели в прошлом веке для архимандрита Раича. Нынешний историк не опустится до компиляций, когда он может черпать из самих источников, притом более чистых и обильных, нежели те, которыми пользовался компилятор»¹⁸.

Нельзя не признать, что в известной мере такой пренебрежительный взгляд на хронографы нашел отражение и в монографической статье В. Ягича. Заметим, в частности, что хронографам здесь уделено гораздо меньше внимания, нежели средневековым сербским житиям и летописям, хотя, как мы отмечали, уже в то время проблемы происхождения и состава Хронографа вызвали весьма значительные споры (так, например, вопрос о русском или южнославянском происхождении памятника, об использованных источниках).

Хотя в статье Ягича были исправлены некоторые ошибочные положения А. Н. Попова (кстати, отчасти это было выполнено и И. Руварацем, указавшим на использование жития Саввы в переделке Феодосия и кратких летописей), все же Ягич подробнее остановился лишь на вопросе о происхождении русского Хронографа, не проведя тщательного сравнения его текста с теми сербскими источниками, которые уже были названы в литературе. Вопрос о наличии летописных материалов в Хронографе остался в его статье незатронутым, как и в работе Попова.

¹⁵ Там же, стр. 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ И. Р у в а р а ц. Там же, стр. 59.

¹⁸ Там же.

По словам Ягича, в распоряжении «компилятора Хронографа» были «лишь немногие сочинения, а именно: 1) житие Саввы — (сочинение) Феодосия, 2) житие Уроша Дечанского — (сочинение) Цамблака и 3) житие Стефана Лазаревича — (сочинение) Константина»¹⁹. Как мы видим, здесь вовсе нет ни сербских летописей, ни названной А. Н. Поповым краткой заметки о Душане и Уроше. Резко сокращая круг сербских источников, использованных в Хронографе, В. Ягич писал: «Что не могло быть почерпнуто из этих трех сочинений (здесь нужно еще прибавить короткую заметку Исаяи), вовсе не существовало для компилятора Хронографа. Это свидетельствует о совсем ином литературном направлении, нежели то, которое было у сербских летописцев. Ведь и последним были известны сочинения Цамблака и Константина (Костенчского. — *Е. Н.*), и все же их использование этих источников имеет совсем иной вид!»²⁰

В. Ягич здесь недвусмысленно выступил против тезиса об использовании сербских кратких летописей в Русском хронографе, высказанного Руварацем. Однако при этом Ягич, как и ранее А. Н. Попов, не провел детального и последовательного сравнения известных ему летописей с текстом Хронографа. Вместе этого Ягич дал общее и весьма категорическое заключение: «Сравнение сербских летописей, относящихся к XV и началу XVI в., с соответствующими местами в Хронографе ясно показывает, что между этими двумя относящимися к одному и тому же предмету (т. е. сербской истории. — *Е. Н.*) произведениями нет никакой связи, и всякое знакомство и использование обоюдно исключено». В пользу этого вывода он приводил два аргумента. Во-первых, нет никакой взаимосвязи разделов по всеобщей истории в летописях и в Хронографе. Во-вторых, — продолжал Ягич, — «сербские составные части Хронографа совершенно иначе помещены и выполнены, нежели это мы найдем в летописях; они (т. е. сербские разделы Хронографа. — *Е. Н.*) не примыкают ни к первой, ни ко второй редакции сербских летописей». Ведь в первом случае, прибавляет Ягич, «компилятор Хронографа смог бы изложить более полную последовательность сербских государей», во втором же — обязательно упомянул бы о создании 12 епархий Саввой, первым сербским архиепископом²¹.

Столь решительное и, казалось бы, обоснованное утверждение Ягича, подтвердившего таким образом точку зрения А. Н. Попова об отсутствии материалов сербских летописей в составе Русского хронографа, в конечном счете привело к прекращению всяких попыток анализа сербских источников Хронографа. Так, в своих работах, посвященных Хронографу, А. А. Шахматов упоминает только названные выше три основных (агиографических) сербских источника этого памятника, т. е. жития Саввы, Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича, а также сербскую Александрию²²; такие же ссылки мы находим и в статье С. П. Розанова²³, в работах Д. С. Лихачева²⁴, М. А. Алпатов²⁵, Б. М. Клосса²⁶. Разумеется, иногда в названных трудах обращалось внимание и на необходи-

¹⁹ V. J a g i ć. Ibid., S. 73.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid., S. 72.

²² См., например, А. А. Шахматов. К вопросу..., стр. 6, 21, 24, 72—73; его же. Пахомий Логофет..., стр. 204—207.

²³ С. П. Розанов. Там же, стр. 314—315, 318, 319.

²⁴ См., например, Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947, стр. 333—334; его же. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 81—82.

²⁵ М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.). М., 1973, стр. 154. Ср. также: О. В. Творогов. Там же, стр. 41, 183—184.

²⁶ Б. М. Клосс. Там же, стр. 246, 254 (ср. стр. 255).

мость уточнения отдельных источниковедческих вопросов, связанных с сербскими главами Хронографа, но речь шла лишь о конкретных списках или переделках упомянутых выше агиографических памятников²⁷. Относительно же сербских летописей выводы А. Н. Попова и В. Ягича повторялись и в югославской историографии. В частности, Л. Стоянович указывал лишь на использование в Хронографе так называемого Константинова родослова, т. е. соответствующего раздела из жития деспота Стефана, ссылаясь при этом на труд А. Н. Попова²⁸.

Таким образом, наличие в исторической литературе противоположных мнений по этому вопросу, равно как и отсутствие детального и подробного анализа текста сербских глав Хронографа (в сравнении с известными нам сербскими летописями) заставляет нас обратить внимание на эту проблему. Разумеется, при этом мы будем опираться на уже проделанный анализ сербских глав памятника, останавливаясь прежде всего на тех разделах, которые позволяли предполагать использование в Хронографе каких-то летописных материалов.

Проанализируем сначала первую часть раздела «О серпскихъ деспотехъ» (из гл. 191 Хронографа), которую А. Н. Попов выделил в своем труде как «отрывок из родословной сербских деспот»²⁹, затем — специальный раздел «О родословии серпскихъ деспотъ», включенный в главу 194, и, наконец, упомянутый выше раздел «Царство Серпское» из гл. 199, посвященный правлению царей Душана и Уроша V.

Прежде всего проверим, действительно ли названный «отрывок» из гл. 191 (о происхождении и деятельности Стефана Немани, называемого здесь «великим деспотом») восходит только к тексту так называемого Константинова родослова, включенного в состав жития деспота Стефана, написанного Константином Костенчским, или же — к тексту жития Саввы Неманича, принадлежащего перу сербского агиографа Феодосия. Сопоставление данного раздела Хронографа с этими двумя источниками сразу же убеждает нас, что расхождения по тексту не ограничиваются лишь отмеченным А. Н. Поповым фактом, что в рассказе Хронографа «место о Ликинии (как родоначальнике сербских правителей, имеющееся в соч. Константина. — Е. Н.) совсем опущено, и родословная ведется с Белоуроша»³⁰.

Действительно, мы находим в этом разделе Хронографа еще ряд немаловажных сведений, которые отсутствуют в родослове Константина и которые нельзя отнести за счет использования жития Саввы (к их числу, например, можно отнести именование Стефана Неманей и примечание «иже бысть при цари Гречестемъ Алексие Скимнине») ³¹. К сербским летописям, использованным составителем Русского хронографа, по нашему мнению, восходят следующие весьма важные для истории феодального сербского государства и династии Неманичей сообщения из главы 191:

1) титулование Стефана Немани и его сына Стефана (Первовенчанного) соответственно «великим деспотом» и «деспотом»³², что явно связано с названными выше заголовками «О серпскихъ деспотехъ» и «О родословии серпскихъ деспотъ»; 2) полный титул Вукана Неманича — «великий

²⁷ См., например, А. А. Шахматов. К вопросу..., стр. 71—73 (о сб. Вол. № 655); С. П. Розанов. Там же, стр. 319; О. В. Творогов. Там же, стр. 184—185.

²⁸ Л. Стоянович. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. VIII.

²⁹ А. Н. Попов. Там же, вып. 2, стр. 41.

³⁰ Там же, стр. 43.

³¹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 22, ч. 1. СПб., 1911, стр. 388, ср. Л. Стоянович. Там же, стр. 44; Б. Даничић. Живот св. Саве. Београд, 1860, стр. 3, 51—52, 54.

³² ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 388—389, ср. стр. 395.

князь восонь Зяти и Холмьской земли» (в произведении Константина Костенчского он именуется просто «великим князем») ³³; 3) о достохвальной деятельности Немани по утверждению православия и преследованию ересей; 4) о продолжительности правления Стефана Немани, а именно что он «господствова лет 42»³⁴. Рассмотрим возможные источники этих сведений.

Говоря о титуловании Немани и его сына Стефана «деспотами» (в противовес, кстати сказать, житию Саввы, где Феодосий называет Неманю «великим жупаном») ³⁵, мы должны, естественно, допустить возможность того, что эта особенность текста Хронографа является просто проявлением личных представлений составителя, который знал по собственному опыту, что сербские правители (в XV в.) носили титул деспота. Однако, на наш взгляд, такое предположение недостаточно убедительно, поскольку разбор следующих трех сообщений свидетельствует лишь о наличии каких-либо летописей у составителя Хронографа.

Действительно, уже в 1911 г., при подготовке издания текста Русского хронографа С. П. Розанов в примечаниях к гл. 191 обратил внимание на полное совпадение титула Вукана Неманича в Хронографе и в сербской так называемой Копориньской (Копривницкой или Крушедольской) летописи: «восонь Зяти — по всем спискам вм.: всей Зети — или в[ъ]сои Зете, как в Кропивн. лет.» ³⁶. К сожалению, это меткое наблюдение С. П. Розанова осталось незамеченным в литературе, поскольку и сам автор, как мы указывали выше, обычно не упоминал в числе источников Хронографа летописные материалы ³⁷.

Между тем, данный титул Вукана Неманича приобретает особое значение, поскольку обычно в сербской агиографии XIII в. вообще умалчивается о выделении Вукану этих областей державы Немани ³⁸. Впоследствии эти положения рашской государственно-правовой концепции нашли отражение во многих летописях и родословах, как и в произведении Константина Костенчского, включившего родословную сербских государей в свое житие деспота Стефана.

Это последнее обстоятельство, на наш взгляд, особенно примечательно для выяснения методов работы составителя Хронографа над доступными ему источниками. Уже на примере сообщений о титулах Немани, Стефана Первовенчанного и Вукана, его брата, видно, что составитель вовсе не следовал буквально за текстом жития Саввы или Константинова родослова, а счел необходимым в этих случаях изменить или дополнить их свидетельства, опираясь на материал известной ему сербской летописи.

Правда, мы не должны считать отмеченное С. П. Розановым совпадение титула Вукана Неманича (в тексте гл. 191 и в Копориньской летописи) доказательством того, что составитель имел в своем распоряжении именно эту летопись. Дело в том, что аналогичный титул Вукана имеется не только в Копориньской, но и в Печской, Студеницкой, Цетиньской и Врхобрезницкой летописях ³⁹, которые, как и Копориньская, принадлежат к группе так называемых старших сербских летописей.

³³ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 388, ср. Љ. Стојановић. Там же, стр. 44.

³⁴ Там же, стр. 388, 389.

³⁵ Ђ. Даничић. Там же, стр. 3.

³⁶ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 388, прим. 6 (со ссылкой на: В. В. Качановский. История Сербии. Киев, 1899, стр. 95).

³⁷ Ср., например, П. Попович. Обзор сербской литературы. СПб., 1912, стр. 50 (об использовании в Хронографе «некоторых летописей»).

³⁸ Ср. Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, стр. 189—192.

³⁹ Љ. Стојановић. Там же, стр. 67—68, 101.

В тексте всех этих старших летописей находим почти точное соответствие и для фразы Хронографа об утверждении Неманей в Сербии православия и преследовании ересей. Составитель Хронографа пишет о Немане: «Сей убо оутверди православие во своей земли и ереси отогна»⁴⁰. В Копориньской и Студеницкой летописях дается почти буквально совпадающее определение: «Съи светыи Сумеонъ оутврѣди православие въ земли сръбскѣи, ереси бо потрѣбы...» (Студ. лет.). В Цетиньской летописи дано лишь более пространное название сербской земли — «Далматие, Дакии»⁴¹, а в Печской соответствующая фраза сходна по своему существу, но отличается несколько по стилю (...«потрѣбы ересы въсе дръжавы своее землє сръбскєе, и насады благочюдєи») ⁴². Поскольку в Врхобрезницкой летописи данной фразы о богоугодных деяниях Немани вообще нет⁴³, мы можем предположить, что в распоряжении составителя Хронографа была какая-то сербская летопись (из группы так называемых старших), по своему составу и языку, видимо, близкая к Студеницкой и Копориньской.

Постараемся теперь определить источник четвертого сообщения (о 42-х годах правления Немани). Поскольку во всех пяти старших сербских летописях отсутствует такое свидетельство (впрочем, в этих летописях вообще очень мало дат)⁴⁴, нет этого сообщения и в агиографических памятниках Сербии XIII в. (в частности, в сочинении Феодосия; а в произведении Саввы приведено совсем иное число лет правления Немани)⁴⁵, нам представилось наиболее целесообразным обратиться вновь к летописным материалам, на этот раз — к летописям более поздним, так называемым младшим, которые (в отличие от старших, возникших в конце XIV в.), как указывается в литературе, не могут быть отнесены к периоду ранее середины XV в.⁴⁶.

Весьма любопытно, что именно здесь (среди летописей второй, третьей и четвертой групп по классификации Л. Стояновича) мы и находим источник нашего сообщения о 42-х годах правления Немани. Эту цифру называют нам, например, неизвестные авторы Шафариковой, Габровской, Григоровичевой летописей (из второй группы)⁴⁷, далее — Врхобрезницкой (младшей), Руварчевой I и II, Софийской II, Дорпатской, Рачанской, Подгорицкой и многих других летописей третьей группы⁴⁸, наконец, Сеченицкой и Бранковичевой⁴⁹.

Более того, как нам представляется, именно здесь, в тексте какой-то из младших сербских летописей, которая оказалась в руках составителя Русского хронографа, заключается и объяснение причин титулования Немани и его сына Стефана «деспотами», хотя в сочинении Феодосия Неманя назван великим жупаном (такой же титул приведен и в упомянутых старших летописях — Цетиньской и Печской)⁵⁰. По всей видимости, составитель Хронографа не решился назвать первых правителей из династии Неманичей «царями» или «великими жупанами» (второй титул, видимо, был ему непонятен или же казался непонятным его русским читателям), поскольку он нашел в тексте младшей летописи совсем иное определение.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 388.

⁴¹ Љ. Стојановић. Там же, стр. 67 (ср. стр. 666 — в Копориньск. лет.).

⁴² Там же, стр. 66.

⁴³ Ср. там же, стр. 101.

⁴⁴ Ср. там же, стр. 66—69, 101.

⁴⁵ А именно 37 или 38 лет (ср. Е. П. Наумов. Там же, стр. 185).

⁴⁶ См., например, V. J a g i ć. Ibid., S. 61; «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 2. Титоград, 1970, стр. 389.

⁴⁷ Љ. Стојановић. Там же, стр. 170—171.

⁴⁸ Там же, стр. 174, 175, 177, 181, 184, 190, 193.

⁴⁹ Там же, стр. 196 и 281 (ср. там же, стр. 280—37 лет).

⁵⁰ Там же, стр. 64, 67, ср. там же — «царь» в Студ. лет. (стр. 67).

Вероятно; оно гласило (как, например, в Габровской или Григоровичевой): «В лето... назва се Немаия господин Сръблем, и царствова. МВ. лета... В лето... прее начельство сръбско Стефана Немане (сын) втори Стефанъ жоупань»⁵¹. Вполне возможно, что в этом случае составитель Хронографа руководствовался и заголовком (или заголовками) доступного ему летописного материала, где, быть может, упоминались «господа» и «деспоты» сербские⁵².

Разумеется, определить весь объем сообщений, почерпнутых составителем Хронографа из этих сербских летописей (т. е. старшей и младшей), мы сможем лишь после анализа родословной сербских государей (из гл. 194) и раздела из гл. 199. Сначала сравним родословную из гл. 194 с генеалогией известных нам старших сербских летописей.

В данном случае нам представляется необходимым вновь подчеркнуть, что последовательное сравнение этого текста Хронографа (т. е. первой и второй родословной) и старших летописей при одновременном сопоставлении их с житием деспота Стефана Лазаревича вовсе не подтверждает тезиса А. Н. Попова о «дословном сходстве» родословной этого жителя (так называемого Константинова родослова) «с родословными Хронографа за исключением различия относительно одного Лициния»⁵³. Мифический родоначальник сербских государей — римский император Лициний — исключен из Хронографа, по словам А. Н. Попова, потому, что «писателю хронографа... эта родословная могла показаться слишком уж решительною...»⁵⁴.

Нам кажется правильным иное объяснение этого различия. Причиной здесь была не только (и не столько) эта явная «несообразность» генеалогических построений Константинова родослова. Вероятно, следует учитывать и возможность того, что составитель Хронографа не забыл о крайне неблагоприятной характеристике Лициния (гонителя христиан и поборника «поганых»), которая была дана при изложении событий «начала царствия христианъскихъ царей» (в гл. 119)⁵⁵. Но, по нашему мнению, главную роль при формировании позиции составителя Хронографа сыграло наличие другого (или других) источников, для него весьма авторитетных, более того — не содержавших легенды о родстве государей Сербии с этим «гонителем» Лицинием, полным «еллинского бесовства», казненным по приказу равноапостольного императора Константина I.

Таким источником (или источниками), как нам представляется, были известные уже нам сербские летописи (из числа старших и младших). Действительно, все пять старших летописей начинают свой рассказ лишь со Стефана Немани, не считая необходимым даже упоминать о каких бы то ни было его предках⁵⁶. Как известно, некоторые из младших летописей третьей группы (Дорпатская, Рачанская и Руварчева I) также не дают генеалогической легенды о происхождении Неманичей от Лициния или Константина I, однако упоминают, что дедом Немани был некий Белау-рош, а отцом — Тихомил⁵⁷.

Таким образом, мы имеем основания предположить, что составитель Хронографа внимательно сравнил доступные ему свидетельства о происхождении Немани и Неманичей. Следуя в данном случае тексту летописей (старшей и младшей), он отверг подозрительную версию Константина

⁵¹ См. там же, стр. 170—171.

⁵² Ср. там же, стр. 51, 53, 57, 181 и др.

⁵³ А. Н. П о п о в. Там же, вып. 2, стр. 43.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 267.

⁵⁶ Љ. С т о ј а н о в и ћ. Там же, стр. 62—67.

⁵⁷ Там же, стр. 181 (здесь и о 42-х годах правления Немани).

Костенчского о Лицинии; однако затем, видя совпадение сообщения о Белауроше и Тихомиле младшей летописи и сочинения Константина Костенчского и не находя в этом сообщении ничего предосудительного и «позорного» для рода сербских деспотов, включил его в гл. 191 и гл. 194 Хронографа.

Так же, видимо, он поступал и при редактировании сообщений о последующих представителях сербской династии, явно предпочитая сведения старшей летописи (именно в смысле конкретных фактов), но в целом сохраняя лапидарный стиль Константинова родослова. Примером может служить ряд не замеченных А. Н. Поповым отличий текста родословной из Хронографа от соответствующего раздела жития деспота Стефана.

Так, в частности, стоит особо отметить, что в родословной из гл. 194 составитель Хронографа повторяет вновь полный титул Вукана Неманича, хотя в гл. 191, как отмечалось нами, об этом было сказано⁵⁸. Напротив, сообщение Константина Костенчского о Савве Неманиче (т. е. что Савва был первым архиепископом сербским и венчал своего брата королевской короной)⁵⁹ в Хронографе было опущено, вероятно, потому, что в предшествующем рассказе (гл. 192) об этом говорилось (особенно подробно — о провозглашении его архиепископом)⁶⁰.

Следующее различие текста Хронографа и Константинова родослова также весьма любопытно. Как известно, Константин Костенчский лишь упоминает третьего сына Стефана Первовенчанного — Предислава, тогда как в Хронографе (вслед за старшей сербской летописью) приводится сообщение о его церковной карьере: «Предиславъ же, третій сынъ Стефановъ, поревнова дяде своему святому Саве и бысть мнихъ и паречень бысть Сава, во всемъ же бысть подобенъ стрюю своему святому Савѣ и по святому Арсении бысть третій архиепископъ Сербскій»⁶¹. Примечательно, что уже в Копоринской летописи, написанной в конце 1371 или же 1372 г., мы находим весьма сходный текст, почти без изменений повторенный затем в трех других старших летописях (Печской, Студеницкой и Цетиньской)⁶². Вот этот рассказ о Предиславе: «Прѣдиславъ же, сынъ прѣвовѣнчаннаго краля Стефана... изволи иночское житие. Послѣди же поставлетъсе архиепископомъ въ своемъ отчествѣ по светѣмъ Арсении, трети по светомъ Савѣ, стрии своемъ, и тѣ же Сава наречень бываетъ и въ всемъ подобнъ стрюу своему»⁶³. Из данного летописного текста о Предиславе мы исключили слова (исключенные и составителем Хронографа) о том, что Предислав разгорелся «теплой верой» и пренебрег «всей красотой века сего»; такое обращение с текстом, разумеется, достаточно полно характеризует методы работы составителя Хронографа. Здесь составитель предпочел дать конкретное сообщение по церковной истории Сербии, одновременно свидетельствующее о тесной связи династии и высшего духовенства. Напротив, пышные «слова» о монашеском рвении Предислава (Саввы II) он опускает, точно так же, как и свидетельства старших летописей (Копоринской и др.) о строительстве церквей и монастырей в правление Немани, Стефана I, Владислава и Уроша I⁶⁴.

Если сравнить текст Хронографа (гл. 192—193) с рассказом старших летописей, то можно заметить, что составитель Хронографа не вос-

⁵⁸ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 395 (ср. стр. 388).

⁵⁹ Љ. С т о ј а н о в и ћ. Там же, стр. 44 (ср. там же, стр. 66—68).

⁶⁰ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 390—391.

⁶¹ Там же, стр. 395 (ср. Љ. С т о ј а н о в и ћ. Там же, стр. 44).

⁶² Рассказа о Предиславе нет в Врхобрезницкой летописи (см. Љ. С т о ј а н о в и ћ. Там же, стр. 101—102).

⁶³ Там же, стр. 70, 72 (ср. там же, стр. 71—73).

⁶⁴ Там же, стр. 66—71.

произвел восхваление добродетелей Стефана I и характеристику Уроша I ⁶⁵, с чем, конечно, можно связать замечание А. Н. Попова, приведенное выше («большой пробел» для этого периода).

Однако летописный рассказ о сербском короле Драгутине и его сыновьях, несмотря на умолчание Константинова родослова о Драгутиновичах, вызвал живой интерес у составителя Хронографа, и поэтому он счел возможным привести некоторые сведения из этого летописного рассказа, правда, переставив их (по сравнению с изложением летописи) в конец «первого родословия», после краткого упоминания о царе Уроше V. Заметим, что и в этом случае составитель Хронографа следовал своим привычным методам.

Так, например, чрезвычайно хвалебную и благочестивую оценку достоинств Драгутина, как и фразу о построении им церкви св. Георгия в Расе, он вовсе исключает (ср. выше — в рассказе о Предиславе и о церковном строительстве Немани и других королей). Напротив, он использует в Хронографе свидетельство старших летописей, что Стефан (Драгутин) «роди же и сына два, Владислава краля и Оурошица» ⁶⁶. Особенно любопытен тот факт, что составитель считает необходимым указать на добродетели Урошица, взяв из летописи сообщение, что из его гроба «миро изливаетъ» (заметим снова, что и здесь сокращены прочие церковные детали изложения) ⁶⁷.

Не менее интересно и то, как поступает составитель Хронографа с остальными сведениями летописи о Драгутине. Он использует дату смерти Драгутина (6825 г. от сотв. мира), сообщение о передаче им королевства брагу — Урошу II ⁶⁸, но опять-таки не упоминает о судьбе короля Владислава, названного им здесь (в отличие от Константинова родослова). Дело в том, что согласно старшим сербским летописям «Владислав же изгнанъ бысть Дѣчанскимъ кралем на Угрѣ и тамо коньць приемлетъ» ⁶⁹. Такая фраза, естественно, резко противоречила возвышенной и благоприятной характеристике государя-мученика Стефана Уроша III Дечанского, судьба которого подробно отражена на страницах Хронографа (в соответствии со вторым житием Уроша III).

Именно в этом, а не в «недостатке источников», по нашему мнению, кроется причина отказа составителей Русского хронографа и некоторых (младших) сербских летописей от летописных сообщений (относительно правления Уроша II Милутина и Стефана Душана). Неизвестные нам сербские летописцы так же, как и составитель Хронографа, считали более важным выразить свое негодование «немилосердным и бесчеловечным» поступком Душана, короля-отцеубийцы (этому посвящено в летописи восемь строк), нежели «расписывать» деяния Душана (ему отведено здесь лишь три строки) ⁷⁰. Этими мотивами можно объяснить стремление составителя Хронографа обстоятельно рассказать о страданиях Стефана Дечанского (см. в гл. 197—199) и по возможности обойти молчанием деятельность Милутина, ослепившего своего сына (Стефана Дечанского).

Располагая красочным и обильным материалом о жизни Стефана Дечанского, составитель Хронографа, вероятно, счел возможным более «свободно» обращаться с краткими сообщениями об этом короле в сербских летописях. Поэтому, например, в Хронографе нет даты (1330 г.) Вель-

⁶⁵ Там же, стр. 68—71 (заметим, кстати, что рассказ о судьбе Радослава и его жене дан в Хронографе по житию Саввы: см. ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 392).

⁶⁶ Љ. Стојановић. Там же, стр. 72—73.

⁶⁷ Там же, ср. ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 395. Ср. О. В. Творогов. Там же, стр. 39.

⁶⁸ Љ. Стојановић. Там же, стр. 72—75.

⁶⁹ Там же, стр. 72—73, 75 (ср. ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 395). Ср. также К. Ј и р е ч е к. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 203.

⁷⁰ Љ. Стојановић. Там же, стр. 183—184.

буждской битвы, нет упоминания о третьем сыне Стефана Дечанского — Симеоне и его потомках, которые, как известно, обойдены молчанием и в Константиновом родословии⁷¹. Напротив, «второе родословие» сербских государей (начиная с Вукана и кончая Лазаревичами) почти буквально совпадает в Хронографе с названными выше источниками, т. е. с Константиновым родословием (из жития Стефана Лазаревича), а также с летописными текстами (например, Дорпатской — из младших летописей и протографом Цетиньской — из старших)⁷². Различие здесь только в указании, что Вукан был «вторым» сыном Немани, которое имеется в житии деспота Стефана и некоторых младших летописях, но отсутствует в протографе Цетиньской летописи. Совпадение текста «второго родословия», обусловленное крайней скудостью данных о потомках Вукана Неманича, не дает нам, естественно, возможности решить, какой именно из названных источников был использован в данном случае составителем Хронографа.

Остановимся теперь на спорной проблеме происхождения раздела «Царство Серпцское» (из гл. 199). Сопоставление этого очень краткого раздела с материалами сербских летописей позволяет заключить, что его текст восходит к житию Стефана Дечанского (в известной мере — также и к житию деспота Стефана). Таким образом, следует признать необоснованным возведение А. Н. Поповым этого раздела к «неизвестному сочинению» или к сербской летописи, о чем мы уже упоминали выше. В то же время, как нам представляется, было бы неправомерно отрицать определенное влияние летописных материалов на текст этого раздела. В данном случае мы подразумеваем не столько фактические детали, сколько хронологическую ориентацию, которая присутствует в данном разделе. Например, в тексте Хронографа сказано: «И во дни их бысть (т. е. при Душане и Уроше. — *Е. Н.*) нашествие безбожных Агарен и церквам опустение и пленение и межюсобныа рати»⁷³. Между тем, такой хронологической ссылки, т. е. отнесения всех этих бедствий ко времени правления Душана и Уроша, мы не находим в обоих агиографических памятниках, обильно использованных составителем Хронографа. Напротив, из текста жития деспота Стефана можно скорее заключить, что нашествие «измаильтян» началось уже при князе Лазаре, т. е. значительно позже.

В соответствии с этим, как нам кажется, возможно допустить, что составитель Хронографа для определения хронологической последовательности всех этих событий использовал материалы какой-то младшей сербской летописи, где сказано о переправе турок в Европу (в 1358 или 1359 гг., т. е. при Уроше), об убийстве Уроша тремя братьями — «болярами» Мрнявчевичами и о разделе ими сербских земель⁷⁴. По нашему мнению, именно эти свидетельства младших летописей, согласуясь в целом с соответствующими сведениями двух названных житий (т. е. о междоусобиях, нападениях на монастыри, набегах турок), помогли составителю Хронографа дать более точное хронологическое определение всех этих событий, которое к тому же вполне отвечало и его представлениям о «божьей каре» за прегрешения Душана.

В то же время, как и в других случаях, отмеченных выше, составитель Хронографа отказался от включения в свой текст некоторых известных ему из летописей фактических подробностей и дат, относящихся к этому периоду. Быть может, это обусловлено иногда расхождением летописных оценок с оценками других источников (например, оценкой Вука-

⁷¹ Там же, стр. 78—81 (ср. стр. 44).

⁷² ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 395—396; ср. Љ. С т о ј а н о в и ћ. Там же, стр. 44, 87, 210—211 (см. также стр. 210, 211—213 — в др. младших лет.).

⁷³ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 409.

⁷⁴ Љ. С т о ј а н о в и ћ. Там же, стр. 206.

шина и Углени в записи Исайи о Марицкой битве), иногда — стремлением составителя в сербских разделах ограничиваться лишь наиболее важными датами (в частности, 1371 г. — дата Марицкой битвы).

Вполне понятно, что последующий рассказ о событиях сербской истории (конец XIV — начало XV вв.), где составитель Хронографа располагал весьма подробным и красочным материалом жития деспота Стефана, уже не требовал привлечения сообщений сербских летописей, которые к тому же в известной мере совпадали с повествованием Константина Костенческого.

Таким образом, рассмотрение сербских глав и разделов Русского хронографа позволяет нам признать необоснованным отрицание (в работах А. Н. Попова, В. Ягича, названных выше) наличия сербских летописей в числе источников Хронографа. Достаточно напомнить о том, что об использовании сербских летописей говорится и в заглавии самого Хронографа («... и от рускых летописець и Сербских и Болгарских») ⁷⁵. Этот вывод наглядно подтверждается сравнением текста Хронографа и сербских (старших и младших) летописей. Вместе с тем, такое последовательное сопоставление сербских известий Хронографа и сообщений известных нам сербских летописей дает нам возможность уточнить мимолетные (но оставшиеся незамеченными в литературе) наблюдения С. П. Розанова, И. Руvaraца и П. Поповича об использовании в этом памятнике некоторых сербских летописей.

В частности, анализ текста дает основания утверждать, что в распоряжении составителя Хронографа была не только какая-то из так называемых старших летописей, но и одна из младших (вероятно, именно последнюю подразумевал И. Руvaraц, говоря о «кратких» летописях). В известной мере, по тексту Хронографа можно судить и о взаимоотношениях и связях этих летописных списков с известными нам сербскими летописями. Вероятно, следует предположить близость старшей летописи к Копориньской и другим старшим летописям (но не к Врхобрезницкой). Что же касается использованной составителем Хронографа младшей летописи, то в данном случае, видимо, можно допустить сходство ее с дошедшими до нас так называемой Дорпатской и близкими к ней летописями.

Вместе с тем рассмотрение сообщений Русского хронографа по истории феодального сербского государства в сравнении с известиями сербских летописей, дает нам возможность представить, как именно работал над текстом Хронографа его составитель ⁷⁶.

Наконец, проведенный анализ летописных известий в составе Русского хронографа, по нашему мнению, позволяет нам получить и гораздо более полные представления о русско-сербских культурных связях XV в. Сам факт использования сербских летописей в Русском хронографе свидетельствует о том, что уже в XV в., в эпоху османского завоевания Сербии и других балканских стран, литературные связи Сербии с Русью не исчерпывались появлением на Руси сербских агиографических памятников (таких, как второе житие Стефана Дечанского или житие деспота Стефана). Живой интерес к судьбе Сербии обусловил появление на Руси и сербских летописей.

⁷⁵ ПСРЛ, т. 22, ч. 1, стр. 24.

⁷⁶ О Хронографе см. также: В. И. Буганов. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

НИКОЛАЙ ТОДОРОВ

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ И БАЛКАНЫ

Тема «Славянские культуры и Балканы» ставит перед научной мыслью ряд проблем культурно-исторического и теоретико-методологического характера.

С точки зрения истории следует внести ясность в сам термин «Балканы». В данном случае речь идет о Балканах как регионе, в котором начиная с VI в. происходит формирование культурной системы, обладающей своими самобытными чертами и закономерностями, сыгравшей большую роль в европейской и мировой цивилизации.

В развитии этой культурной системы с различной степенью интенсивности принимал активное участие и славянский компонент, служивший посредником между византийской цивилизацией и культурными движениями западных и восточных славян. Эта последняя его особенность приобрела важное значение позднее — в эпоху османского владычества и начала формирования наций на Балканах.

Таким образом, славянская культура на Балканах являлась интегрирующей величиной в культурной жизни Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

С теоретической точки зрения особенно актуален вопрос о комплексном развитии культурного процесса в указанном регионе и о его типологии.

Начало формирования самобытной средневековой культурной общности на Балканах с участием славянского элемента следует относить к VI в. — к тому периоду, когда на Балканском полуострове осели славянские племена с устойчивыми культурно-этническими традициями, которые еще более окрепли в период создания первого славянского государства — Болгарии (681 г.) и государственного объединения других южнославянских племен. С этого момента балканскую культурную зону представляла уже не только одна Византия.

Южнославянская культура привносила в мировой культурный процесс свои ценности, а также играла роль своеобразного моста между европейской и средиземноморской культурой, между Востоком и Западом. На Балканах осуществлялся творческий обмен между молодой южнославянской культурой и самой высокоразвитой культурой средневековья — византийской. Славянская культура стала основным компонентом балканской цивилизации. Она оказывала на эту цивилизацию решающее воздействие, внося в нее тенденции, которые способствовали общей ее демократизации.

Подобному развитию способствовала и сама Византия, в которой при помощи административных мер все более пресекалась римская традиция, а материальная и духовная культура строилась на крайне разнородной ос-

нове, что было предопределено этнической пестротой Византийской империи, а также разнообразием культурного наследия ее территорий. Здесь происходило естественное взаимодействие с греко-эллинистическим миром, наблюдалась культурная преемственность античных традиций на Юго-Востоке и Севере, существовали плодотворные контакты с Востоком. Нельзя не принимать во внимание новую сильную славянскую струю, оказавшую воздействие вначале на народную, а затем на материальную и официально-письменную культуру Византии.

В 865 г. Болгария официально приняла христианство и через два десятилетия превратилась в центр славянской письменности, типологически принадлежавший к византийскому христианскому миру. Но картина культурного присутствия славян на Балканах на протяжении нескольких веков в дописьменный период также представляет большой научный интерес. Славянская этническая общность до и после образования южнославянских государств обладала богатой народной культурой, которая не могла бесследно исчезнуть и, благодаря своей языческой основе, стала источником живучести языческого мироощущения во всех областях культуры на Балканах, особенно в культуре художественной. Позднее она станет источником ряда идейных концепций философско-еретических учений.

Этот начальный этап до создания славянской письменности в культурном единстве Юго-Восточной Европы недостаточно изучен по причине малого количества источников.

К этому же периоду раннего средневековья относится и культурное балканское единство, осуществлявшееся посредством письменной культуры на общем для всех этнических групп официальном греческом языке. Оно было заложено до принятия христианства южнославянскими государствами и осуществлялось в сфере дипломатии, дворцового этикета и т. д., являясь главным средством для поддержания международных культурных связей. В силу указанного обстоятельства это единство имело элитарный характер.

Новый переломный этап наступает с созданием славянской письменности в IX в. Инициатором этого сдвига и постепенной «девизантинизации» Юго-Восточной Европы стала сама Византия. Этот исторический парадокс давно получил объяснение в науке как результат противоборства Востока и Запада, как следствие обострения борьбы римской и константинопольской церковью за сферы влияния в обширном славянском мире Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

За основу славянской письменности Константину-Кириллу, Мефодию и их ученикам послужила народная речевая культура салоникских славян, которые принадлежали к южнославянской племенной группе. Необходимость создания славянской письменности была продиктована стремлением Византии вырвать великоморавских славян из сферы культурно-политического влияния Рима.

Как известно, кирилло-мефодиевская миссия в Великой Моравии окончилась неудачно, и внимание Византии сконцентрировалось на других районах Европы и Азии. Однако период двадцатилетнего существования славянской письменной культуры среди западных славян не прошел бесследно. Значительная часть образованных людей Великой Моравии и в дальнейшем была связана с развитием славянской культуры, тайно распространяя произведения на «кирилло-мефодиевском» языке и создавая легенды о славянских просветителях. С другой стороны, западнославянские книжники, эмигрировавшие в Болгарию и Византию, внесли свой вклад в тот культурный переворот на Балканах, который в древнеболгарской поэзии характеризуется словами: «Теперь дети, славянское племя!»

Таким образом, специфика культурных процессов на Балканах в первые века после создания славянской письменности (IX — XIII вв.) ставит перед наукой многочисленные проблемы культурных и литературных связей между Византией, славянскими, а также неславянскими балканскими народами, Великой Моравией и Киевской Русью.

Характерной чертой этого периода является стремление всех славян к культурному единству. Без учета или недооценки этой главной тенденции невозможно правильно понять особенности развития балканской культуры того времени.

Слависты-этнографы приводят доказательства существования феномена славянской культурной общности в IX в., используя самые различные сферы материальной и духовной культуры. Эта общность прекрасно осознавалась просветителями Кириллом и Мефодием — они посвятили ее утверждению всю свою жизнь. В своем стихотворном обращении «Проглас к евангелию» Константин-Философ призывал: «Слушайте весь славянский народ, слушайте слово...».

Другой характерной чертой этой эпохи является высокая степень развития славянского фольклора, который салоникийские братья, согласно «Прогласу к евангелию», стремились вооружить письменами для борьбы против врагов.

На основе культурного единства и высокоразвитого фольклора Кирилл и Мефодий заложили фундамент новой письменной культуры, веря в ее историческую перспективу. Суд над Мефодием в Регенсбурге завершился знаменательным предсказанием этого стойкого борца, духовника и книжника: «...берегитесь: задумав пробить лбом железную стену, вы сломаете себе голову!» В этих словах звучит исторически оправдавшее себя убеждение в неистребимости славянской культуры, в неисчерпаемости ее духовных сил, позволивших ей бросить вызов европейскому традиционализму.

Незыблемость корней славянской народной культуры подтверждается тем фактом, что уже в IX в. она оформилась как устойчивая жизнеспособная система. В славянской письменности использовался живой разговорный язык. Именно это языковое тождество между молодой письменной славянской культурой и вековой традицией устного народного творчества стало мощным двигателем культурного развития. По этой причине развитие письменной культуры каждого славянского народа, в частности болгарского, в IX—X вв. быстро превращалось в общеславянское достояние. Этот процесс в одном из звеньев культурной системы неизбежно и закономерно отражался на всех остальных ее звеньях. Таким образом и протекал процесс распространения письменной культуры среди славян, созданной сначала в Великой Моравии, затем в Киевской Руси, а впоследствии и у других славянских народов. Следовательно, не только повторяемость, но и сама суть этого процесса распространения является закономерной и специфичной чертой славянской культурной общности.

Тот факт, что славянская письменная культура строилась на основе устной традиции, определил демократический характер славянской культуры в целом. Эта культура не являлась элитарной, кастовой или классово ограниченной — в ее основе лежал разговорный язык самых широких слоев народа, и поэтому ей всегда были присущи прогрессивные и гуманистические порывы.

Перечислим, хотя бы схематично, некоторые характеристики процесса создания славянской письменности и ее расцвета на Балканах, ставшего новой вехой в истории европейской цивилизации.

Во-первых, важен результат. Этот процесс распатал и вынудил европейский традиционализм признать равноправие молодой славянской культуры. Вплоть до XIV в. в Европе продолжают распространяться доку-

менты, узаконивающие подобное равноправие. В 1384 г. по поручению герцога Альберта III с латыни на немецкий язык был переведен текст рукописи, оговаривающий право богослужения на греческом, латинском и в и н д с к о м, т. е. славянском, языках.

Во-вторых, наличие перспективы. Создание славянской письменности было началом процесса необратимого развития новой славянской культуры в истории человеческой цивилизации — культуры демократической, гуманистической и прогрессирующей.

В-третьих, эта письменность представляла собой одно из звеньев в цепи культурных эпох. Мы уже отмечали, что в отличие от устной славянской традиции письменная культура славян была христианской и типологически связанной с византийским миром, что предопределило ее особую функцию восприятия, сохранения и распространения античных традиций в Европе. По общему мнению, Балканы — колыбель античной цивилизации. Молодые славянские культуры с античным наследием связывались многочисленными нитями — в области материальной культуры, народного искусства и мировоззрения, официальной христианской культуры при посредничестве Византии, в области воинствующей оппозиционной культуры — первоначально в славянском язычестве, а затем с новой силой в еретических учениях.

В той или иной форме античное прошлое присутствовало на различных этапах развития средневековых славянских культур на Балканах. Все это придавало яркие своеобразные черты предренессансным и ренессансным процессам в славянском мире в более поздние времена, что обуславливает постановку вопроса о традициях и новаторстве в культурных процессах славянского средневековья.

К сожалению, роль Балкан в западноевропейском Ренессансе зачастую сводится к роли греческого влияния. При этом не учитывается специфика Балкан XIII — XIV вв. как культурного региона, в котором славянское участие осуществлялось наравне с византийским. Трудно кратко охарактеризовать все новые черты предренессанской культуры на Балканах. Однако нельзя не отметить наиболее важные структурные особенности балканского общества и его культуры в период позднего средневековья.

В начале XIII в. Византийская империя окончательно распалась. Став равноправными политическими партнерами Византии, южнославянские державы также раздирались внутренними классовыми противоречиями. Но эти государства в то время уже имели многовековые культурные традиции. Константинопольская патриархия утратила свою «вселенскую» роль, превратившись в обычную государственную патриархию такого же масштаба, как и независимые болгарская, сербская и другие церкви. Константинополь перестал играть роль единственного объединительного центра культуры на Балканах. А новый центр славяно-византийского общения — Афон — включал представителей различных народностей.

Это придавало новый облик культуре, для которой характерны: а) девизантинизированность — наличие ярко выраженных патриотических черт в творчестве отдельных балканских народностей, и греческого в том числе; б) децентрализованность — тенденция к созданию местных школ общегосударственного или общепалканского значения; в) политическая направленность — обязательная государственная или еретическая идейная регламентация; г) классовая непримиримость, ведущая к острым идейно-философским и эстетическим конфликтам.

Этот процесс, неизбежно способствовавший формированию культуры нового типа, был насильственно прерван турецким завоеванием Балкан. Первой реакцией на это эпохальное событие был возврат к славяно-византийскому синтезу в культурной жизни всего региона. Объединяющей

силой на Балканах в XV в. становится пафос единой православной культуры, в противовес господствующей мусульманской религии.

Возврат к славяно-византийскому синтезу на Балканах укреплял традиции в таких значительных культурных и книжных центрах прошлого как Афон, Константинополь, Охрид, Печ, Рильский монастырь, Сер, София, Мессемврия, Мосхополис и т. д. В османской империи именно они поддерживают богатые литературно-письменные балканские традиции, способствуя, вместе с фольклором, сплочению покоренных народов в борьбе против угрозы турецкой ассимиляторской политики.

В эту эпоху южнославянские языки утрачивают свою основную функцию официально-государственных языков — их применение сужается до сферы бытового и религиозного общения угнетаемых народов. Это неизбежно приводило к замедлению эволюции письменной культуры, низводя ее почти на уровень бесписьменной.

Другое направление развития южнославянских культур создают литературные и культурные деятели, покинувшие свою родную землю. На всем континенте обнаруживаются следы их деятельности, поражающей обилием смелых идей, ставящих цель побудить Европу к освобождению Балканского полуострова. Обыкновенно эти деятели стояли во главе отдельных балканских школ и являлись создателями самобытных философско-эстетических концепций, имея большие заслуги на культурном поприще. Их культурное наследие побуждает исследовать важную проблему многогранных культурных связей между южными славянами и другими балканскими народами — греками, румынами, албанцами — в тот сложный исторический период. Невольно возникает и вопрос о роли балканского компонента в культурной жизни Центральной и Восточной Европы.

Качественно новый этап развития наступает на Балканах в эпоху формирования наций и национальных культур.

В период просвещения и в преддверии романтизма в Европе обостряется интерес к самобытным племенам и народам. Именно тогда ее внимание привлекли славяне и вызвавшая восторг славянская народная культура. Присутствие славян в Центральной Европе рассматривалось как чисто «географическое», а не историческое. Не вступая в запоздалую дискуссию по поводу тогдашней расплывчатой научной терминологии, мы все же должны уточнить, что под «географическим» присутствием здесь понимается «этническое» — в сущности здесь имеется в виду этническое единство, характерное для всех этапов развития славянских культур.

Восторг Европы перед славянской народной культурой выразил Иоганн Гердер в своем классическом труде «Идеи к философии истории человечества». XVIII век был эпохой бурного национального развития славян, чего не мог не заметить Гердер. Ощущая масштабы культурного движения, этот восторженный романтик предвещал славянам главную роль в будущем культурном развитии человечества. Он призывал к незамедлительному поиску и — фиксации «исчезающих остатков обычаев, песен и саг» славянских народов, с тем чтобы дополнить ими общую картину цивилизации.

Разумеется, культурные проблемы славян в XVIII в. не могли быть решены без предварительного разрешения политических проблем. В начальную эпоху капиталистического развития Центральной и Юго-Восточной Европы южные славяне жили разрозненно, отделенные друг от друга границей между двумя большими империями. Таким образом, формирование национальной культуры у южных славян было неразрывно связано с их борьбой за национальную независимость. Это придавало большой политический резонанс идее славянского единства и накладывало политический отпечаток на все культурные процессы.

В это время развитие получает и идея балканского единства, проповедуемая племенными мыслителями и революционерами всех балканских народов и реализованная в ходе национально-освободительной борьбы в XIX в.

Вполне естественно, что романтически-идеалистический восторг Гердера передался его единомышленникам, начиная с великого Гете и кончая такими деятелями славянской культуры, как Ян Коллар, Павел Шафарик, Франтишек Палацкий и др. Но проблема славянской культуры всегда воспринималась как проблема независимого политического существования славянских наций. В своем письме В. Априлову, написанном в 1837 г., русский ученый Ю. И. Венелин следующим образом передает свое восхищение четырехтомником сербских народных песен: «Эти песни переведены на немецкий, французский и английский языки. И как ни слабы эти переводы, все-таки эти образованные народы не могут налюбоваться гомеризмом этих песен... Сербские и болгарские песни я ставлю наравне с так называемыми Гомеровыми...».

Так культурное движение европейских славянофилов укрепляло эстетические основы многозначной идеи славянского единства. Эта идея укрепляла культурные взаимоотношения балканских народов с прогрессивными движениями в Европе, на Западе и Востоке, и особенно в России. В указанную эпоху балканские славяне становятся проводниками сильного русского влияния, способствовавшего развитию национальной культуры не только славянских, но и других балканских народов.

Из множества важных аспектов роли России на Балканах в то время следует выделить несколько. Роль России в национальном движении балканских народов в XVIII—XIX вв. усиливалась традиционностью культурных связей балканских народов и России, начавшихся еще в период раннего средневековья, и поэтому она проявлялась во всех сферах культурного развития поработенных славянских народов — в церковно-религиозной жизни, школах, культурных институтах, печатании и распространении книг, литературе и искусстве, идейно-философских движениях.

В эпоху формирования национальных культур на Балканах важным было то обстоятельство, что отдельные народности осуществляли национальную консолидацию, не взирая на территориальную разобщенность; даже при возникновении независимых балканских государств происходило объединение лишь части какой-либо нации. Общая религиозная принадлежность к православию, в котором главенствующее положение занимал греческий элемент, препятствовала быстрому процессу формирования наций. В эту эпоху первостепенное значение приобрели народные языки, которые, не будучи государственными, поднимаются деятелями балканского Возрождения до уровня литературных и национальных языков. Новую прогрессивную роль играла и народная культура. Исторические предания и зарождающаяся историография начинают служить важным публицистическим целям. Эти элементы черпают свою силу и аргументы в общеславянском пафосе русской общественной мысли — ее философии и историографии XVIII—XIX вв.

Таким образом, борьба балканских народов за национальную независимость, опиравшаяся на всестороннюю поддержку прогрессивной части русского общества, сыграла самую важную роль в культурном развитии Балкан в эпоху Возрождения.

Не следует забывать, что эти политические и культурные связи диктовались новым капиталистическим развитием Европы. Поэтому русское влияние на Балканах несет на себе печать внутренних противоречий Российской империи. Не умаляя значения официальных контактов, необходимо отметить, что решающую роль сыграли взаимосвязи прогрессивно

настроенной русской революционно-демократической интеллигенции с балканским освободительным движением. Связи с Россией имели громадный эффект — прежде всего укажем хотя бы на тот факт, что большинство балканских народов добились свободы с русской помощью. В то же время известное сходство социальных условий и задач общественного развития предопределило быстрое включение основной массы балканской интеллигенции в мощные революционно-демократические движения Восточной Европы, а чуть позднее и в социал-демократическое движение. Таким образом, центр революционного движения постепенно перемещался на Восток — в Восточную Европу, на Балканы и в Россию.

Тема «Славянские культуры и Балканы в IX—XIX вв.» была рекомендована на совещании экспертов славянского проекта ЮНЕСКО, состоявшемся в Варшаве 23—24 августа 1973 г. Это совещание наметило области сотрудничества, предусматривающие интернациональный принцип реализации проекта. Этот принцип имеет два взаимопределяющих аспекта: а) славянская культура должна рассматриваться в контексте всей мировой культуры; б) к исполнению научно-исследовательской программы следует привлечь не только славянские страны, но и подавляющее большинство имеющихся в мире центров славистики, компетентных институтов и специалистов. Совещание выдвинуло идею комплексного междисциплинарного подхода при изучении славянских культур. В научный план были включены фундаментальные проблемы, связанные с вкладом славянских культур в общеевропейскую культуру.

Первым шагом в реализации этой комплексной программы стала международная конференция на тему «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)», проведенная в ноябре 1974 г. в Москве. На конференции был затронут широкий круг комплексных проблем, выявляющих своеобразие и типологию историко-культурных процессов у славянских народов в XVIII—XIX вв.

На второй международной конференции в рамках реализации славянского проекта ЮНЕСКО (Варна, сентябрь 1975) новым моментом была интернациональная постановка самой темы: «Славянские культуры и Балканы». В данном случае Балканы рассматривались не как географическое понятие, а как культурная зона, в которой, с одной стороны, происходили важные динамические процессы европейской культуры, а с другой — эти процессы протекали на границе двух миров, которые условно продолжают называть Востоком и Западом. Так, например, влияние славянских элементов в культурной зоне Балкан не ограничивалось географическим расположением живших здесь южных славян, а способствовало объединению сложных явлений, тенденций и процессов в культурном развитии южных, а также западных и восточных славян. По этой причине проблематика конференции охватывала громадный хронологический период — целые десять веков.

Третья научная конференция на тему «Славянские культуры и Западная Европа (XVIII—XX вв.)» будет проведена в Берлине в октябре 1976 г.

Перед исследователями стоят задачи — раскрыть и обобщить многообразие тех процессов и закономерностей, которые служат импульсом для развития славянских культур и обуславливают их участие в европейской и мировой культуре столь явственно, что сегодня невозможно себе представить наш мир без важной, прогрессивной, а в ряде областей нередко ведущей, роли славянства, без его больших художественных, идейно-философских и общественно-политических завоеваний.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ В СЛАВЯНСКОМ ЭПОСЕ

Активизация исследований в области славянского фольклора, усиленное внимание к тому или иному из многочисленных и многообразных методических аспектов в таких исследованиях должны, естественно, отвечать наиболее важным целям нашей славистики. К ним относится задача установления «общих закономерностей исторического процесса», которая «требует обобщения опыта исторического развития ряда стран и народов», причем «в качестве основного метода исследований на этом этапе выдвигается сравнительно-исторический метод»¹. Степень актуальности данной проблематики возрастает, и это обстоятельство побуждает вспомнить, что конкретная постановка подобного рода методических задач в области исследования фольклора имеет свою историю. Уже давно обращалось внимание на то, что «усилия должны быть направлены на сравнительно-историческое изучение фольклора как русского и болгарского, так и других славянских народов», что такое изучение «позволит осветить и выяснить многие еще неясные и нерешенные вопросы фольклористики»². С тех пор были достигнуты определенные успехи, но они не уменьшили, а скорее увеличили необходимость нового обсуждения некоторых конкретных теоретических проблем.

Героический эпос любого народа неотделим от его истории; сравнительное изучение памятников устного эпического творчества, созданных несколькими народами, должно базироваться на сравнении их исторических судеб. Общность происхождения, сходство условий дальнейшего исторического развития, географическая близость и связанная с этим тысячелетняя традиция почти не прерывавшихся культурных контактов должны были оставить достаточно заметные следы по крайней мере на некоторых из произведений героического эпоса. В самом общем виде все это представляется истинами, не требующими доказательств. Но при обращении к конкретному материалу необходимо исследование конкретных фактов. Оно не может быть заменено простой констатацией случаев более или менее близкого сходства, объясняемых более или менее суммарно с позиций общей концепции, разделяемой исследователем. Между тем именно так, к сожалению, обстоит еще дело в ряде работ, посвященных взаимоотношениям русских былин и южнославянских юнацких песен.

¹ Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 81.

² И. М. Шептунов. Об эпической традиции в болгарском фольклоре. В кн. Основные проблемы эпоса восточных славян. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 345.

Для серьезного сравнительного изучения эпоса этот материал представляет особенно благодарное поле деятельности по нескольким причинам: во-первых, все перечисленные выше общие условия здесь налично; во-вторых, реализация этих условий облегчалась в особенно сильной степени языковой близостью и тождеством вероисповедания, игравшего весьма существенную роль в идеологии средневекового общества; в-третьих, на протяжении нескольких столетий рукописная литература этих народов в значительной своей части была единой — существовал большой комплекс произведений (в том числе таких, которые тематически и идейно были близки устному эпосу), распространенных в рукописной традиции как русских, так и южных славян.

Надо сказать, что обстоятельства эти учитывались уже филологами XIX столетия, которым принадлежит несколько убедительных конкретных сопоставлений южнославянского и русского эпического материала. К наиболее интересным работам этого рода принадлежит относительно небольшой, но весьма содержательный этюд крупного болгарского историка, этнографа и фольклориста М. С. Дринова, обнаружившего в болгарском эпическом материале поразительно близкие параллели русской былине «Святогор и тяга земная»: здесь, помимо тождества основных мотивов, настолько явное сходство деталей их разработки, что не возникает никаких сомнений в существовании генетической связи между русским произведением и болгарским³.

Вначале обнаруженные сходжения не столько исследовались, сколько констатировались и описывались. Позднее усиливаются поиски источников заимствования сюжетов и мотивов — преимущественно в эпосах азиатских и западноевропейских народов. Миграционистские увлечения некоторых филологов конца XIX в. и первой половины XX в. приводили подчас к тому, что констатация более или менее близкого сходства — иногда только кажущегося — почти автоматически влекла за собой предположение о заимствовании. При этом обычно не ставился вопрос о возможности заимствования, например, русскими у болгар, болгарам у русских, или шире — о взаимодействии восточнославянского и южнославянского эпоса: искали общий источник чаще всего в иранском, монгольском, византийском, германском или романском устном эпосе, либо в памятниках средневековой литературы этих и других народов.

В качестве своеобразной реакции на такие увлечения может отчасти рассматриваться известная работа В. М. Жирмунского — видного исследователя древнегерманского и тюркского эпоса, представленная им как доклад IV Международному съезду славистов⁴. Автор ее писал: «При сравнении между собою исторических явлений необходимо четко дифференцировать различные, хотя и взаимосвязанные проблемы исследования, смешение которых неизбежно приводит к путанице, отражающейся в выводах сравнительно-исторического анализа. Мы различаем в дальнейшем:

1. Простое сопоставление сходных литературных явлений.

2. Сравнение историко-генетическое, рассматривающее сходство как результат генетического родства, происхождения из общего источника и последующих исторически обусловленных расхождений.

³ См. М. Дринов. Сказание о Святогоре и земной тяге в южнославянской народной словесности. Труды восьмого археологического съезда в Москве, 1890, т. II. М., 1895, стр. 10—19. Переиздано в кн. Съчинения на М. С. Дринова, т. II. София, 1911, стр. 460—473.

⁴ См. В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., Изд-во АН СССР, 1958. Переиздано с небольшими изменениями в кн. В. Жирмунский. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.-Л. ГИХЛ, 1962, стр. 75—194 (далее сокращенно — Жирмунский).

3. Сравнение *историко-типологическое*, объясняющее сходство генетически не связанных между собой явлений сходными условиями общественного развития.

4. Сравнение, устанавливающее связи между явлениями на основе *международных культурных взаимодействий*, „влияний“ и „заимствований“, обусловленных исторической близостью данных народов и культурным обменом между ними. Связи такого рода тоже имеют генетический характер, но они не предполагают первоначальной общности происхождения (генетического „родства“) исторически сходных явлений и представляют результат относительно более позднего, вторичного сближения в условиях сходного общественного и культурного развития⁵.

Ясное понимание таких различий свойственно было и многим предшественникам В. М. Жирмунского. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к трудам А. Н. Веселовского. В. М. Жирмунский в теоретических формулировках отразил здесь те представления, которым практически следовал не только А. Н. Веселовский, но и другие исследователи международных явлений в области культуры. Полемический пафос В. М. Жирмунского направлен против «беспринципного смешения „взаимосвязей и взаимодействий“ разного типа, сводящегося в практике зарубежного и русского компаративизма старого стиля к объяснению всякого сходства между явлениями литературы или культуры механически понимаемыми „влияниями“ и „заимствованиями“⁶». Правда, увлекшись критикой работ, относимых им к компаративизму старого стиля, автор допустил значительные неточности в изложении критикуемых представлений, что вызвало сразу же возражения одного из крупных югославских филологов⁷. Поставив в центр своих широких обобщений именно славянский эпос, В. М. Жирмунский почти совершенно не привлек болгарский и украинский материал, а в привлечении материала сербскохорватского и русского проявлял иногда недостаточную осведомленность, что было поставлено ему в упрек еще участниками конгресса славистов⁸. Несмотря на это, выступление В. М. Жирмунского сыграло положительную роль тем, что привлекло особенное внимание к историко-типологическим сравнениям.

Главенствующую роль именно этой разновидности сравнительно-исторического изучения эпоса и постарался продемонстрировать в своей работе В. М. Жирмунский. Демонстрация проводилась им преимущественно двумя способами.

Если прежними исследователями отмечалась общность сюжетной ситуации в эпосе разных народов (например, южных славян и германцев), и на основании одинаковых деталей делались выводы о заимствовании, то В. М. Жирмунский приводил еще несколько примеров. Отразивших аналогичную ситуацию, восходящую, в конечном итоге, к типичным жизненным фактам. Типичность исходной жизненной ситуации отводит, по его мнению, предположения о заимствовании в отражавших такую ситуацию фольклорных произведениях. Предшественники В. М. Жирмунского отмечали, например, сходство между южнославянской песней, где Вукашин,

⁵ Ж и р м у н с к и й, стр. 76—77.

⁶ Там же, стр. 78—79.

⁷ См. Н. Б а н а ш е в и й. В. М. Жирмунский. Эпическое творчество Славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор., књ. XXV, св. 3—4. Београд, 1959, стр. 296—304.

⁸ См. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 49—50, 478—479, 483, 484 (выступления М. Я. Гольберга, Х. Вакарельски, И. М. Шептунова, Н. И. Кравцова). Недостаточное знакомство В. М. Жирмунского с болгарским материалом отмечают в новейшем издании болгарского эпоса Р. Ангелова, Ст. Стойкова и Цв. Романска. См. «Български юнашки епос». София, 1971, стр. 176, 181.

пригласив на охоту Уроша, которому он должен был уступить царство, убивает его в тот момент, когда Урош наклонился к воде, чтобы напиться, и Песней о Нибелунгах, где Хаген во время охоты убивает Зигфрида при аналогичных обстоятельствах. Эта деталь была отмечена и в некоторых других произведениях южнославянского, а также старофранцузского эпоса. В. М. Жирмунский приводит другие примеры из средневекового эпоса европейских народов, свидетельствующие, что об убийстве во время охоты повествовалось довольно часто, а сами описания такого убийства в целом довольно разнообразны. Автор справедливо объясняет распространенность в эпосе мотива убийства на охоте «типичностью» злодеяния такого рода в реальной жизни феодального общества. Это верное само по себе наблюдение, по-видимому, и приводит В. М. Жирмунского к утверждению, что при явном сходстве деталей убийства Уроша и Зигфрида «вряд ли, однако, кто-нибудь решится утверждать, что здесь имеет место и генетическая зависимость»⁹. Фактически перед нами подмена тезиса: одно дело — типологическое сходство общей эпической ситуации (убийство на охоте), порожденной аналогичными, но независимыми друг от друга жизненными фактами, довольно обычными для данной стадии развития общества; другое дело — описание способа, которым совершается убийство: впечатляющая картина предательского удара сзади в момент, когда не ожидающий дурного герой наклонился к источнику. Данные средневековых письменных памятников не оставляют сомнений в том, что убийство на охоте совершалось при чрезвычайно разнообразных обстоятельствах.

Категоричное отрицание В. М. Жирмунским генетической зависимости для подобного рода случаев вызвало возражения уже при обсуждении его доклада. Так, А. Н. Робинсон замечал, что «с позиций типологии нам еще трудно разъяснить совпадение таких конкретно-поэтических ситуаций, как убийство на охоте в тот момент, когда герой наклонился испить воды, и т. п. В подобных случаях типология может засвидетельствовать совпадение единичных фактов действительности в их адекватно-поэтическом отражении. Иначе говоря, подобные схождения выступают как единообразно опозитизированная случайность. Таким образом, исходя из наиболее широких закономерностей исторического развития, типологический принцип в его последовательном применении к поэтическому материалу едва ли может избежать апелляций к совпадению случайностей. Поэтому в этих и подобных случаях, как нам кажется, было бы еще рано оставлять в стороне попытки разыскания генетических и исторических связей»¹⁰.

Можно заметить, что в данном случае, как и в ряде подобных, В. М. Жирмунский по существу впадает в противоречие со своей собственной общей оговоркой, что «наличие типологических схождений (...) не снимает, разумеется, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий» и что «напротив, именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий»¹¹. Впрочем, сама эта оговорка фактически почти снимается заключительным утверждением автора: «... черты сродства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер»¹².

Соглашаясь с тем, что «в позднем эпосе (рыцарском романе, „балладе“) большое распространение получают международные сюжеты новеллисти-

⁹ Ж и р м у н с к и й, стр. 143.

¹⁰ А. Н. Р о б и н с о н. Выступление по докладу В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». «Русский фольклор», т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 308.

¹¹ Ж и р м у н с к и й, стр. 150.

¹² Там же, стр. 194.

ческого характера, удовлетворяющие требованию занимательности»¹³, В. М. Жирмунский почти начисто исключал что-либо подобное для эпоса, стадияльно предшествовавшего рыцарскому роману и балладе. Полемически заостряя свою мысль, он писал: «В таких случаях сопоставления, рассматривающие всякое сходство или тень сходства как заимствование, легко опровергаются указанием на более широкий типологический характер данной черты»¹⁴. В этом, собственно, и состояла сущность второго способа демонстрации автором исключительной, по его мнению, роли типологических совпадений.

Оспаривая, например, правомерность сравнения Юговичей южнославянского эпоса «с семью сыновьями Эмери Нарбоннского, которые все хотят принять участие в битве, даже самый младший из них», В. М. Жирмунский писал: «... это сопоставление теряет убедительность при более широком охвате типологически сходных сюжетов: мотив героизма молодого витязя, который рвется в бой вопреки советам старших, тщетно пытающихся уберечь его от опасности, принадлежит к числу широко распространенных шаблонов героического эпоса всех народов»¹⁵. Автор вспоминает в данной связи «такой же героический задор молодого Константиноушки, сына Саула Леванидовича (Кирша Данилов, № 26 и др.), или юного Ермака Тимофеевича, который спешит выехать на бой с татарами, несмотря на запрещение своего дяди князя Владимира. Ср. Гильфердинг, II, № 2:

Дядюшка, князь Владимир стольнокиевский!

А ты дашь прощеньице, повьеду,

Аль не дашь мне прощеньице, повьеду!»¹⁶.

Приходится отметить фактические неточности автора в обращении с русским материалом: Константин Саулович в тексте Кирши Данилова № 26 отправляется в поход не «вопреки советам старших», но напротив, во исполнение отцовского завета¹⁷, а под «и др.» может подразумеваться лишь единственная запись в собрании П. В. Киреевского, где дело обстоит так же¹⁸; других записей этой былины не существует¹⁹. Из собрания А. Ф. Гильфердинга В. М. Жирмунским цитирован (не вполне точно) текст № 92 (а не № 2 — такого вообще нет во II томе). При этом не упомянуто о существовании двадцати других записей этой же былины, в подавляющем большинстве которых запрещения нет. Надо думать, что в указаниях на эпос западноевропейских и азиатских народов автор более точен, поскольку знание материала позволило ему в этих случаях обойтись без библиографических ссылок.

Аргумент В. М. Жирмунского в данном примере, как и в ряде аналогичных, сводится к следующему: если бы наличествовало сходство только между южнославянским эпосом и западноевропейским, то оно могло бы иметь значение для поисков генетической связи сходных мотивов, но раз подобные мотивы есть, кроме того, в русском эпосе, в эпосе калмыцком, узбекском и казахском, то это значит, что перед нами «шаблон», свойственный «всем народам», т. е. типологическое совпадение. Автор, однако, воздержался при этом (как и в других подобных случаях) от исторического объяснения: читателю остается неясно, какая же конкретная закономерность общественной жизни всех народов порождала этот независимо воз-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 155.

¹⁶ Там же, стр. 16—17.

¹⁷ См. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 403—408.

¹⁸ См. «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 3. М., 1861, стр. 113—116.

¹⁹ См. В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 252—253.

никавший у них мотив. Не вполне ясною осталась здесь и логика основного рассуждения: если в принципе могло существовать общение южнославянского эпоса с французским, то почему не могло существовать культурного обмена между южными и восточными славянами, почему не могло быть такого же общения между народами, несколько столетий входившими в состав монгольской империи?

При обсуждении доклада В. М. Жирмунского славист Б. Ринчен (Монгольская Народная Республика) советовал точнее привлекать материалы монгольских и тюркских народов: «Двуязычие существовало с XII—XIV вв. у монгольских нукаров и русских дружинников, у русских и монгольских служилых людей и значительных масс простого народа славянского происхождения, попадавшего в Золотую Орду или в глубинную Монголию в этот период. Русские слушали исполнение монгольскими сказителями монгольских былин, и монголы, понимавшие русскую речь в ту эпоху, также интересовались русскими богатырскими сказаниями и сказками. Взаимовлияние в эпическом творчестве этих народов несомненно. Знакомство печенегов, половцев и других тюркских народов со славянскими относится к эпохе еще более ранней и продолжалось дольше, чем взаимосвязи монгольских и славянских народов»²⁰.

Нельзя не признать, что в соображениях подобного рода наличествуют историзм и логика, которых порой недостает чрезмерно категоричным «историко-типологическим» построениям в области фольклора с их далеко не всегда оправданным порицанием «компаративистов старой школы», исследования которых будто бы создавали «убеждение, что эпос данного народа не столько отражает героические воспоминания его национального прошлого, сколько пересказывает своими словами литературные сюжеты, занесенные из-за рубежа»²¹.

Можно предположить, что при написании этой работы В. М. Жирмунский исходил из представления, что заимствование фольклорного мотива, а тем более сюжета, одним народом у другого вообще является чем-то унижающим престиж самобытного эпического творчества. Ошибочность подобного мнения легко видеть на примерах письменной литературы: никто не ставит заимствование сюжетов в упрек Шекспиру, Байрону или Пушкину. С другой стороны, никто пока не засвидетельствовал в доступной всестороннему изучению литературе нового времени случаев независимого появления одинаковых сюжетов у разных народов посредством типологических совпадений, столь свойственных эпосу минувших эпох, по мысли В. М. Жирмунского и его немногочисленных в этом убеждении последователей.

Последователи кое в чем пошли далее В. М. Жирмунского. В книге Б. Н. Путилова, который называет ее именно «сравнительно-типологическим исследованием» русского и южнославянского героического эпоса, прямо утверждается, что вообще «возможность прямых контактов (равно, впрочем, как и связей через посредников) в эпическом творчестве восточных и южных славян должна быть практически исключена»²². К такого рода работам в наибольшей степени следует отнести замечание Н. Банашевича, сделанное им еще по поводу доклада В. М. Жирмунского: изучение международных культурных взаимодействий в эпосе — это, по словам Н. Банашевича, «по меньшей мере такая же важная и интересная работа, как и отыскание типологически сходных черт в литературе и фольклоре народов, которые не имели никаких взаимных контактов. Притом это го-

²⁰ «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. 1, стр. 513.

²¹ Ж и р м у н с к и й, стр. 150.

²² Б. Н. П у т и л о в. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971, стр. 23.

раздо более трудная работа, ибо в таких исследованиях количество проблем, которые приходится решать, гораздо больше, чем когда констатируются и поясняются „типологические сходства“²³. Впрочем, упомянутая нами книга фактически не является «историко-типологическим» исследованием (по терминологии В. М. Жирмунского), так как автор ее сознательно абстрагировался от бесперспективного, по его мнению, соотнесения эпоса с конкретной историей; рецензент этой работы справедливо замечает, что «лейтмотивом сквозь книгу проходит мысль о неисторичности персонажей, сюжетов, ситуаций, эпического пространства» и что «отмечаемый типологическими соответствиями» путь развития славянских эпосов «читатель видит преимущественно в эволюции, свободной от конкретной истории народов»²⁴.

Освобожденное и от обращения к истории и от выявления каких бы то ни было взаимосвязей, исследование подобного рода фактически представляет собой, согласно определению В. М. Жирмунского, «простое сопоставление сходных литературных явлений». В данном случае оно основано на параллелях, подавляющее большинство которых уже было выявлено предшественниками Б. Н. Путилова, не разделявшими, однако, его нежелания видеть конкретные связи национального эпоса с национальной историей и с эпическим творчеством родственных соседних народов.

Следует отдать должное В. М. Жирмунскому: несмотря на дефекты его аргументации, натяжки и фактические неточности в обращении с конкретным славянским материалом, автор был прав в исходном тезисе (хотя, может быть, и не сформулировал его достаточно четко). Действительно, культурные влияния не возникают беспричинно. Сходство исторических стадий и конкретных исторических условий развития общества порождает сходство культурных запросов, которые вызывают к жизни сходные по своим основным идеям произведения устного эпоса. Заимствование же эпических мотивов или сюжетов одним народом у другого возможно лишь при наличии сходства общественных запросов заимствующей среды с теми запросами, которые вызвали к жизни объект заимствования. Кроме того, необходимы условия коммуникации: географическое соседство народов или реальные контакты при его отсутствии, языковая близость этих народов или существование двуязычия у части исполнителей и т. п. При наличии же этих условий обмен в области фольклора не может вызывать сомнений. Вопреки мнению В. М. Жирмунского, нет оснований делать исключение для героического эпоса: его несомненная связь с историей народа не есть простая регистрация одних только фактов этой истории.

Необходимо внимательно исследовать все многообразие соотношений южнославянского и восточнославянского героического эпоса. При этом, если русские былины достаточно резко отличаются от украинских дум, то принципиального общего различия между болгарскими и сербскохорватскими юнацкими песнями не существует (хотя частные различия имеются). Поэтому для предварительного выяснения некоторых принципиальных вопросов представляется не только уместным, но и неизбежным сопоставление былин и южнославянских юнацких песен в их совокупности. Позволим себе очень коротко остановиться здесь на двух фактах, представляющих, с нашей точки зрения, принципиальный интерес.

В начале 90-х годов прошлого столетия М. Кордунаш записал в «бившој Горьой Крајини» юнацкую песню «Бој Руса са Татарима». Произведение неоднократно изучалось. Выяснилось с полной очевидностью, что этот текст (объем которого более двухсот сорока строк) представляет собой

²³ Н. Банашевич. Там же, стр. 298.

²⁴ Ф. М. Селиванов. Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. «Русский фольклор», т. XIV. Л., 1974, стр. 303.

южнославянскую обработку сюжета, появившегося на Руси в качестве поэтического отклика на Куликовскую битву 1380 г. Две другие версии этого сюжета были записаны в России: одна дошла в средневековой литературной обработке, другая — в фольклористической записи XIX в. Версия, записанная на Балканах, несет на себе следы длительного бытования в среде южнославянских исполнителей и следы взаимодействия с другими юнацкими песнями, местными по происхождению, но отчасти близкими тематически песне «Бож Руса са Татарима»²⁵. Перед нами, таким образом, не вызывающий сомнений факт заимствования у русских целого сюжета и его усвоения в репертуаре южнославянского юнацкого эпоса.

Среди записей русских былин, посвященных отражению татарского нашествия, более пятидесяти вариантов содержат мотивы убийства русским богатырем вражеского царя, предводительствовавшего татарским войском. Все остальные главные мотивы данных былин могут быть соотнесены с засвидетельствованными в письменных источниках реальными фактами борьбы Руси против татарских нашествий и предшествовавших им вторжений степных кочевников. В ряду подобного рода фактов нет случая, когда русскими был бы убит хан, возглавлявший иноземное войско. Такой факт засвидетельствован в истории южных славян: в 1389 г., во время Косовской битвы, Милош Кобилич убил султана Мурада I. Событие получило широкое отражение в косовском цикле юнацких песен у южных славян и других балканских народов. Этот цикл слагался одновременно с циклом русских былин об отражении татарского нашествия, главным отправным фактом которых была Куликовская битва 1380 г. После Косовской битвы резко усилилась эмиграция южных славян на Русь, что способствовало активизации культурных контактов, которые именуется обычно «вторым южнославянским влиянием» на русскую культуру. Естественное предположение, что переселенцы с Балкан принесли с собой и устные произведения о Косовской битве, подтвердилось сравнительным анализом текстов. Выяснилось, что в русских былинах, где описывается убийство вражеского царя, отразился целый комплекс соответствующих мотивов косовского цикла. При этом — именно тех мотивов, которые присутствовали в нем на ранней стадии эволюции самого этого цикла и наиболее близко отражали исторические факты. Степень сходства деталей в русских былинах с отражающими реальную историю деталями косовских песен настолько значительна, что исключается правдоподобность иных объяснений, кроме усвоения косовских мотивов слагателями былин. Возникновение этих былин было достаточно удалено географически и хронологически от реальных событий 1380 и 1389 гг., что обусловило совмещение воедино отзвуков двух разных событий освободительной борьбы славянских народов²⁶.

Перед нами два факта взаимодействия южнославянского и русского героического эпоса. В первом случае южными славянами заимствовано у русских произведение, идейное содержание которого — победа над мусульманскими поработителями — было особенно актуально для славян на Балканах в период кровавого османского владычества. Во втором

²⁵ См. А. Погодин. Српска народна pesma о Куликовом боју 1380 г. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. XVIII, св. 1—2. Београд, 1938; Н. И. Крацов. Историко-сравнительное изучение эпоса славянских народов. В кн. Основные проблемы эпоса восточных славян, стр. 308; Л. С. Шептаев. Сербская песня о Куликовской битве. «Русский фольклор», т. VIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963; С. Н. Азбелев. Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре. «Советское славяноведение», 1970, № 6.

²⁶ См. С. Н. Азбелев. Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях. В кн. Славянский и балканский фольклор. Отв. ред. И. М. Шептугов. М., 1971.

случае русскими заимствован у южных славян комплекс мотивов, которых как бы недоставало для наибольшей художественной убедительности в материале, почерпнутом былинами об отражении татарского нашествия из реальных исторических событий и из «собственного» эпического наследия — более ранних былин о борьбе с вражескими вторжениями.

Оба заимствования произошли в типологически сходных исторических обстоятельствах и представляют собой примеры культурного обмена типологически близким эпическим материалом. В этих случаях факты заимствования оказались более или менее просто доказуемы вследствие того, что сами объекты заимствования являлись отзвуками исторических событий, достаточно уникальных и достаточно полно освещенных современными им письменными свидетельствами. В подавляющем большинстве случаев установить «исходный пункт» заимствования или даже его направление бывает труднее, либо сами выводы оказываются менее обязательными. В особенности это относится к таким случаям, когда один и тот же мотив, комплекс мотивов или даже сюжет обнаруживаются в эпосах нескольких народов, а исходное историческое событие не установлено или не является уникальным. Именно такого рода сложности делают соблазнительной интерпретацию подобных фактов как типологических совпадений, которая «автоматически» избавляет исследователей от чрезвычайно трудной, но весьма увлекательной работы по распутыванию клубка, нить которого может иной раз тянуться через Среднюю Азию, Европейскую Россию и Балканы в Западную Европу, либо в обратном направлении, или иным каким-нибудь путем, — через пеструю цепь культурных контактов, осуществляющихся между соседними народами в типологически сходных исторических условиях.

При решении подобных задач особый интерес представляют контакты русско-болгарские, так как каждый из этих народов, многовековое культурное взаимодействие которых временами оказывалось особенно интенсивным, в свою очередь связан был с эпической традицией как азиатской (пестрые культурные ареалы монгольской и османской империй), так и европейской (связи Новгорода со Скандинавией и Германией, Болгарии — через сербов, хорват и далматинцев — с итало-французским культурным ареалом) — не говоря уже о более древних контактах с представителями иранских, тюркских и других языковых групп, с Византией и т. п.

Однако для плодотворной работы в данной области недостаточно, конечно, потенциальных возможностей существования подобного рода взаимосвязей. Нужны реальные их следы в дошедших до нас частях средневекового эпоса (некогда, несомненно, гораздо более богатого, чем тот репертуар, который оказался записан в XIX — XX вв.). Материала, к сожалению, сохранилось не очень много. Болгарские исследователи, некогда подготовившие на эту тему доклад VI Международному съезду славистов, замечали, что «одинаковые сюжеты с общими подробностями в болгарских юнацких песнях и русских былинах встречаются редко»²⁷. Обстоятельство это не дает оснований полагать, что вообще сходство болгарского и русского эпоса имеет только типологический характер. Второй из описанных выше конкретных примеров, относящийся и к болгарскому юнацкому эпосу, доказывает, что заимствования здесь тоже имели место. Есть и другие конкретные факты, которые не поддаются сколько-нибудь убедительному объяснению, если исключать зависимость подобного рода.

²⁷ Р. Ангелова, Т. Ив. Живков, Цв. Романска, Ст. Стойкова. Генетически връзки и типологични сходства на българския юнашки епос със сръбохърватските юнашки песни, руските билини и украинските епически песни. «Славянска филология», т. VI. София, 1968, стр. 195.

В частности, результаты наблюдений, сделанных более восьмидесяти лет назад М. С. Дриновым, как мы видели, типологическим сходством объяснены быть не могут²⁸.

Что касается упомянутых уже русских былин об отражении татарского нашествия, то в них присутствуют и другие мотивы, в которых сходство с болгарским эпосом относится к деталям такого рода, которые не могут быть результатом типологических совпадений²⁹. Мотив воскресения убитых врагов в увеличивающемся числе (обычно вследствие кощунственного хвастовства) давно уже отмечался как имеющий явные параллели в болгарском эпосе — А. Н. Веселовским и в двух работах М. Г. Халанским³⁰. Публикации относящихся сюда болгарских текстов появлялись и позже этих указаний³¹. Данный мотив встречается, как известно, не только в русском и болгарском эпосе. Его ареал несомненно, гораздо шире, но это не снимает наличия связи между материалом болгарским и русским — тем более, что в данном случае общность, как правило, не ограничивается только этим мотивом.

Вторая версия русской быliny «Илья и Калин» содержит комплекс мотивов, которые В. М. Жирмунский относил к первому из рассматривавшихся им специально «типологических схождениям»: «Государь несправедливо бросает в темницу (или изгоняет из царства) лучшего из своих богатырей. При нашествии врага освобожденный (или возвращенный) богатырь становится спасителем государства»³². При столь обобщенной формулировке часть подпадающих под нее эпических мотивов действительно может быть объяснена типологией сходных исторических ситуаций. Но конкретные совпадения материала русского и болгарского в целом значительно полнее и вряд ли могут получить удовлетворительное объяснение без учета собственно фольклорных взаимодействий³³.

Столь же любопытная параллель в колядной песне — к упоминавшейся уже быline «Ермак и Калин», а возможно — и к послужившей одним из ее источников быline о малолетнем богатыре Михаиле: в болгарском тексте фигурирует именно это имя, хотя сам ее герой по имени не назван³⁴. Можно было бы значительно увеличить круг примеров, относящихся к былинам данного цикла. Позволим себе отослать к упомянутой книге М. Г. Халанского, сопоставления которого заслуживают более пристального внимания, чем это могло бы показаться после критики В. М. Жирмунским некоторых его лингвистических промахов при обращении к немецким средневековым текстам.

Довольно многочисленны чрезвычайно близкие схождения некоторых болгарских юнацких песен с так называемыми новеллистическими были-

²⁸ Конкретные болгарские материалы, относящиеся к данному примеру, не исчерпываются тем, что было некогда привлечено М. С. Дриновым. Ср., например, «Сборник от македонски български народни песни». Събрал Н. К. Тахов. София, 1895, стр. 35—36.

²⁹ Перечень записей тех из этих былин, о которых далее пойдет речь, обзор их содержания и основных русских источников см. в статье: С. Н. Азбелев. Былины об отражении татарского нашествия. «Русский фольклор», т. XII. Л., 1971.

³⁰ См. суммарные указания в кн. М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1893—1896, стр. 730—731.

³¹ См., например, А. П. Мартинов. Народописни материали от Граово. «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XLIX. София, 1958, стр. 65.

³² Жирмунский, стр. 130.

³³ Ср., в особенности «Болгарские песни». Сборник П. Р. Славейкова. СПб., 1855, стр. 19—24.

³⁴ См. Ст. Ватйов. Песни периодически и религиозни от Софийско. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. III. София, 1890, стр. 9—10.

нами. Такова, например, былина о Ставре³⁵, имеющая несколько соответствий в записях болгарских песен по своим главным мотивам³⁶.

Немало совершенно очевидных генетических, а не типологических параллелей к былине «Добрыня и Алеша»³⁷. Столь же очевидна генетическая связь ряда болгарских песен с финальными эпизодами былины о Дунае³⁸. Можно было бы привести и немало других данных для дополнения сведений, использованных авторами упомянутого доклада на VI Международном съезде славистов³⁹.

Сравнительное изучение русского и южнославянского героического эпоса — достаточно многообещающая область, разработка которой на современном уровне по существу только начинается. Поэтому особенно важно не упускать из виду тех методологических координат, без которых продуктивность всякого сравнительного изучения культурных явлений существенно снижается. Наша наука исходит из представления о закономерности исторического развития. Единые закономерности порождают типологически сходные процессы в экономической, социальной и политической истории народов. Как следствие этого неизбежны типологические сходства в области культуры. Но само по себе типологическое сходство практически не может оказаться совпадением. Когда исследователь сталкивается с близкими совпадениями в конкретных проявлениях общей типологической параллели (при потенциальной возможности иных ее проявлений), следует искать генетическую связь: либо заимствование, либо восхождение к общему культурному архетипу. В области героического эпоса подобного рода поиски нередко облегчаются, но порой — и усложняются его связью с реальной историей. Большинство мотивов и сюжетов средневекового эпоса восходит в конечном счете к реальным фактам. Поэтизация фактов происходила, конечно, по единым для человеческого мышления законам, но на основе собственной художественной традиции каждого национального эпоса. Появление эпического произведения всегда обуславливалось множеством специфических для каждого случая конкретных обстоятельств, как правило, не поддающихся полному учету, но всегда в совокупности своей исключавших практическую возможность независимого возникновения у разных народов одинаковых эпических сюжетов — даже тогда, когда исходные факты были типологически тождественны. Напротив, само существование таких типологических соответствий в истории разных народов как раз и побуждало заимствовать уже существующий в фольклоре соседнего народа (или ставший известным «издалека») сюжет, если он отвечал собственным культурным потребностям. Переработка заимствованного сюжета (как мотива, или совокупности мотивов) соответственно особенно-

³⁵ См. перечень ее записей в кн. «Былины Севера», т. II. Подг. текста и комментарий А. М. Астаховой. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 797.

³⁶ См., например, «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар». Издал П. Бессонов. М., 1855 (далее — Бессонов), стр. 19—31; «Български народен сборник». Събран, нареден и издаден от В. Чолакова. Болград, 1872 (далее — Чолаков), стр. 353—355.

³⁷ См. перечень ее записей в кн. «Добрыня Никитич и Алеша Попович». Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974, стр. 413—415. Болгарские параллели см., например, «Български книжици», год. I. ч. II, кн. 13. Цариград-Галата, 1858, стр. 208—211; Ч о л а к о в, стр. 322—323.

³⁸ См. перечень ее записей в кн. «Добрыня Никитич и Алеша Попович», стр. 383. Ср. болгарские параллели: Б е с с о н о в, стр. 63—66; «Български книжици», год. II, ч. II, кн. 12. Цариград-Галата, 1859, стр. 388—389; «Зборник от разни български народни приказки и песни» ч. 1. Собрани и издади Г. Х. П. Лачоглу, А. М. Астарджиев. Русчук, 1870, стр. 112—113; Ч о л а к о в, стр. 263; «Български народни песни». Publiées et traduites par A. Dozon. Paris, 1875, p. 118—119.

³⁹ Полезный в этом отношении материал содержится в кн. Ю. И. С м и р н о в. Славянские эпические традиции. М., 1974, стр. 113—143.

стям собственной эпической традиции в подобном случае оказывалась несравненно более целесообразной, чем практически совершенно пенужное формирование сюжета заново.

Цель этой статьи состояла, разумеется, не в том, чтобы, «восстановив в правах» исследование исторических взаимосвязей славянского эпоса, умалить реальное значение типологических соответствий. Отдавая себе отчет в том, что «славяноведение не следует понимать узко — лишь как изучение зарубежных славянских стран», необходимо «широко развивать сравнительные исследования общественно-культурного процесса в славянских странах»⁴⁰. А отсюда с неизбежностью следует, что «область исторических и культурных связей славянских народов» — это «несомненно объект славистики, к тому же очень важный»⁴¹. К числу таких важных объектов нашей славистики относится, несомненно, и конкретное исследование связей славянских народов в области их героического эпоса.

---

⁴⁰ Д. Ф. Марков. Об основных направлениях научной деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР. «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 3.

⁴¹ Там же, стр. 4.

ТЕРМИНЫ ТКАЧЕСТВА В БАЛКАНСКИХ БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ МОЛДАВИИ

Ткачество относится к числу самых древних занятий у славян. Оно очень архаично и в ряде случаев до настоящего времени сохраняет особенности, восходящие еще к праславянскому периоду. Это хорошо показано в известной монографии О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках»¹. Автор опирается на большой материал почти всех славянских языков. Однако приводимый в его труде болгарский материал значительно беднее материала из других славянских языков. Это объясняется тем, что болгарская ткаческая терминология до сих пор изучена слабо. О. Н. Трубачев указывает всего лишь две небольшие публикации². После выхода в свет труда О. Н. Трубачева появились новые работы по болгарскому ткачеству, содержащие и ткаческие термины³.

Богатый материал по народной ткаческой терминологии содержится в картотеке Идеографического диалектного словаря болгарского языка, которая хранится в Софийском университете⁴. Автору данной работы представилась возможность познакомиться с этой картотеккой. Были просмотрены словарные статьи, содержащие народные названия ткацкого станка и его частей. Указанные публикации и материалы далеко не исчерпывают болгарскую народную ткаческую терминологию. Она остается еще мало изученной и представляет широкое поле деятельности для исследователей, храня в себе много интересного и важного для изучения славянской древности.

¹ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 5—143. В последние годы вышли из печати фундаментальный труд Б. Фалинской: В. F a l i ŋ s k a. Polskie słownictwo tkackie na tle słowiańskim, t. I. Słownik polskich gwarowych nazw tkackich. Wrocław²—Warszawa—Kraków, 1974 (416 стр.) и работа Н. Г. Владимировой «Полесская терминология ткачества». Сб. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 193—281, представляющая собой довольно подробный словарь ткаческой терминологии Полесья.

² S t. M l a d e n o v. Etymologisches aus einer Kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache. Сп БАН, кн. XLIII, 1930, стр. 102—103, § 5. Weberei; С т. С т о й к о в. Названията на тъкачния стан в български език. Известия на Етнографски институт и музей (далее — ИЕИМ), кн. VI, 1963, стр. 311.

³ Х р. В а к а р е л с к и. Добруджа. София, 1964, стр. 99—105. Домашно прядене и тъкане; В. В е н е д и к о в а. Хоризонталният тъкачен стан у българите. ИЕИМ, VII, 1964, стр. 45—82; М. В е л е в а, В. В е н е д и к о в а. Тъкани и тъкачни техники от югоизточна и северозападна България. София, 1967; М. Г у м н е р о в а. Видове тъкани и тъкачни техники в Смолянско. ИЕИМ, 1972, кн. 14, стр. 71—110; Х р. В а к а р е л с к и. Етнография на България. София, 1974.

⁴ См. С т. С т о й к о в и М. С л. М л а д е н о в. Проект за «Идеографски диалектен речник на българския език». «Български език», 1969, кн. 2, стр. 155—170.

В предлагаемой статье дается сравнительное лексико-семантическое описание ткаческой терминологии трех болгарских балканских говоров Молдавии. Материал собран автором в 1967—1969 гг. в трех селах Молдавской ССР — Кирютне, Твардице и Кирсове, а также в пунктах Кортене, Твырдице и Жеравне Сливенского округа Болгарии, из которых переселились болгары указанных сел. Обращение к материалу балканских говоров вызвано тем обстоятельством, что они оказали сильное влияние на формирование болгарского литературного языка⁵.

Автор стремился изучить наиболее детально и полно ткаческую терминологию, применив для этой цели метод группового, или тематического изучения лексики, который способствует рассмотрению слов в их связи с другими словами в рамках определенной лексико-семантической группы. Именно такой подход может обеспечить наиболее полное выявление семантических связей слов.

В программу по сбору ткаческой терминологии были включены названия не только орудий прядения и ткачества и их частей, но и таких производственных процессов, как обработка сырья (шерсти, конопли), заготовка пряжи для тканья, обработка тканей, действия ткачихи в процессе тканья, а также названия изделий — тканей, одеял, ковров, половиков, поясов и т. д. и их узоров.

Область Болгарии, включающая в себя Сливен и Котел с прилежащими к ним селами, издавна славилась производством домотканых шерстяных и шелковых тканей. Сырьевой базой ткачества в этой области служило овцеводство и шелководство⁶. Традицию домашнего ткачества продолжали на новом месте болгары, переселившиеся из этих мест в Бессарабию в первой трети XIX в.⁷ До недавнего времени, еще в 50-е годы, они были одеты в домотканое. В последнее десятилетие производство домашних тканей сократилось, и ткачество свелось в основном к производству тканей для стеганых одеял, тюфяков и соломенных подушек, а также к выделке ковров и половиков. Однако ткаческая терминология довольно хорошо сохраняется. Из рассказов самих болгар можно сделать вывод, что ткачество раньше наиболее полно было развито в селе Кирютне. Там оно сохраняется и до сих пор в большей степени, чем в Твардице и Кирсове. Соответственно, и ткаческая терминология в говоре Кирютни более разнообразна.

В изучаемых пунктах на территории Болгарии — Кортене, Твырдице и Жеравне Сливенского округа — ткачество также развито до сего времени. В Кортене мы наблюдали разнообразие декоративных изделий — покрывал на кровать, одеял, ковров, половиков. Домотканую одежду уже не носят и ткани не производят. В Твырдице старые женщины еще носят домотканую одежду, однако производство ее прекращается. Из декоративных изделий производят в основном половики. В Жеравне есть ковровая мастерская, однако развито производство ковров, одеял и половиков и на дому. В домотканой одежде можно еще видеть стариков.

Из орудий прядения и ткачества, применяемых в изучаемых районах, следует особо остановиться на ткацком станке и прялке. У болгар Молдавии и Болгарии орудия прядения и ткачества сохраняются в старинном их виде. Болгары Молдавии пользуются только горизонтальным станком. В Кортене и Твырдице Сливенского округа также употребляется

⁵ Особый интерес к балканским говорам отмечается и в Болгарии. Ср. В. Радева Рангелова. Селскостопанската лексика на централния балкански говор. Автореферат. София, 1973, 24 стр.

⁶ М. Велева, В. Венедикова. Тъкани и тъкачни техники..., стр. 7—9.

⁷ А. А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, стр. 129—130.

только этот станок. А в Жеравне Сливенского округа, как мы наблюдали в 1972 г., имеют применение и горизонтальный станок — для производства тканей, и вертикальный станок, служащий исключительно для производства ковров.

У болгар Молдавии применяется видоизмененный тип так называемой конусообразной прялки, характерной для древних славян⁸, так как она, по мнению исследователей, ближе других к простейшей прялке — палке⁹.

Как было сказано выше, наиболее полно терминология ткачества сохраняется в говоре Кирютни. Здесь не знают лексику, связанную с обработкой льна и конопли, так как природные условия не позволяли возделывать эти культуры. Важно отметить, что и в Кортене, откуда происходят болгары Кирютни, находим то же самое положение. В Твардице и Кирсове ее помнят, но не полностью, хотя раньше там возделывали и лен и коноплю, как и в родных им пунктах Болгарии. Ввиду того, что ткани, из которых шили одежду, теперь уже почти не производятся, терминология, связанная с их обработкой после тканья, постепенно забывается. Почти полностью утрачена техника и соответственно лексика, связанная с выделкой поясов.

Собранный материал насчитывает 262 лексических единицы, которые образуют группу терминов ткачества, распадающуюся на семь тематических подгрупп: а) термины, связанные с текстильным сырьем; б) термины, связанные с обработкой шерсти; в) термины прядения; г) названия частей ткацкого станка; д) термины, связанные с подготовкой к тканью; е) термины, связанные с процессом тканья; ж) термины, обозначающие виды тканей, другие изделия, детали отделки тканей, меры тканей.

Почти все собранные термины ткачества, за исключением четырех, являются в изучаемых говорах ископными. Критерием ископности слов в языке болгар Молдавии является наличие этих слов или однокоренных в болгарских источниках: в первую очередь в словарях, а также в исследованиях по диалектологии и этнографии Болгарии. Однако необходимо учитывать возможность заимствования в болгарском языке различных терминов уже после переселения болгар в Бессарабию.

Три термина можно определить как заимствованные из русского языка:

1. *ручка* *ръчка* ж. Кир. Тв. Кирс. 'ручка мотального колеса' — ср. *ръка* Кир. Тв., *ръкъ* Кирс.: *на* ∞ 'вручную (о прядении)', ср. также болг. литер. *ръчка* 'ручка' (БТР, стр. 803).

2. *кубики* *ку́бики* мн. Кир.: *на* *ку́бики* — узор домотканой материи — клетка, наполненная разным цветом в шахматном порядке. Этот термин служит названием и для узора кружев — *на* *ку́бики* Кирс.

3. *вата* *вата* ж. Кир. Тв. Кирс. 'вата (иду́щая на пряжу)'; произв. *ватен* *ват'ан*, *-а*, *-у* прил. Кир. Тв. 'изготовленный из ватной пряжи' Кир.; 'изготовленный из ваты' Тв. Ср. *вата* ж. Кир. Тв. Кирс. 'хлопчатник *Gossypium hirsutum*'. С ватой, а позднее и с хлопчатником болгары Молдавии познакомились на новом месте жительства. До начала XX в. в юго-восточной Болгарии не засвидетельствовано возделывание хлопчатника¹⁰. Однако хлопок (вероятно, в виде хлопчатобумажных ниток)

⁸ K. M o s z y ŋ s k i. Kultura ludowa Słowian. Cz. I. Kultura materialna. Warszawa, 1967, s. 348.

⁹ О. Н. Трубачев. Там же, стр. 15. Такие прялки, представляющие собой обыкновенные гладко обработанные заостренные палки, нам довелось видеть в юго-восточной Болгарии в 1956—1959 гг. во время диалектологических экспедиций по сбору материалов для «Болгарского диалектологического атласа».

¹⁰ М. Велева, В. Венедикова. Там же, стр. 8.

начал ввозиться в Болгарию уже в XIX в.¹¹ Еще до переселения в Бессарабию носители изучаемых говоров были знакомы с хлопчатобумажными нитками, и поэтому для них служит названием исконное слово *памук* *памѹк* м. Кир. Тв., *памѹк*² Кирс. Слово *вата* есть в болгарских словарях, но оно имеет только одно значение, относящееся к сфере одежды: 'подпльнка на дреха' БЕР, т. I, 123; 'памучна плъст за подпльване на дрехи' БТР, 69; без значения Млад. Е. р., 58. Авторы словарей считают это слово заимствованным из немецкого языка.

Один термин *кептен* *кѣптен*³ м. Тв. 'гребень с ручкой в виде щетки, которым трепали коноплю' не был найден в словарях. Его можно сопоставить с рум. диал. *kértene* 'щетка для трепания льна', имеющим распространение в восточных районах Румынии¹².

Термины ткачества в данной работе анализируются в плане их номинативной функции, их взаимодействия в сфере так называемой «лексической парадигматики». Вопросы, связанные с лексической сочетаемостью слов, с их функционированием в условиях семантического контекста, т. е. вопросы «лексической синтагматики»¹³, в работе не рассматриваются. Таким образом, сходства и различия между говорами, наблюдаемые в изучаемой группе лексики, выявлены на уровне инвентаря лексических единиц с учетом как формальной стороны — лексической (набор лексем), так и внутренней — семантической (набор семем)¹⁴.

Сравнение материала из трех говоров показало, что из 262 собранных слов 110, т. е. 42%, являются общими для сравниваемых говоров. Это термины, относящиеся к следующим подгруппам внутри изучаемой группы лексики:

а) термины, связанные с текстильным сырьем: *вата* *вѹта* ж. Кир. Тв. Кирс. 'вата'; *вълна* *вѣлна* ж. Кир. Тв., *вѣлна* Кирс. 'овечья шерсть', *вълнен* *вѣл'н'ан*, -а, -у прил. Кир. Тв., *вѣл'нен* Кирс. 'изготовленный из овечьей шерсти', *калчица* *кал'чишта* мн. Кир. Тв. Кирс. 'обработанное конопляное волокно', *калчица* *кал'чишна* прил. ж. Кир. Тв. Кирс. 'изготовленная из конопли', *конец* *кунѣц* м. Кир. Тв. Кирс. см. *конци*; *конци* *кунѣц* мн. Кир. Тв. Кирс. 'нити (фабричные)', *коприна* *купрѣна* ж. Кир. Тв. Кирс. 'шелковые нитки, получаемые из кокона', *копринен* *купрѣн'ан*, -а, -у прил. Кир., Тв., *купрѣнен* Кирс. 'изготовленный из коприна', *кукла* *кѹкла* ж. Кир. Тв. Кирс. 'большая шпулька хлопчатобумажных ниток', *макара* *мѹкара* ж. Кир. Тв. Кирс. 1. 'катушка ниток', 2. 'катушечные нитки', *памук* *памѹк* м. Кир. Тв., *памѹк*² Кирс. 'самые тонкие хлопчатобумажные нитки', *памучен* *памѹчан* -а, -у прил. Кир. Тв., *памѹчен* Кирс. 'сотканный из памук', *сакъз* *сѹкѣс* м. Кир. Тв. Кирс. 'хлопчатобумажные нитки средней толщины', *серива* *с'арѣва* прил. ж. Кир. Тв., *серѣва* Кирс. 'покрытая жировым налетом (о шерсти)', *тиреплик* *тирѣплик*³ м. Кир. Кирс., *тирѣплик* Тв. 'тонкие белые хлопчатобумажные нитки, не принимающие краску';

б) термины, связанные с обработкой шерсти: *вляча* *ѹлѹча* гл. нсв. Кир. Тв., Кирс. 'чесать (шерсть)', *дрѣб* *дрѣп* м. Кир. Тв. Кирс. 'кудель, сделанная на чесальной машине', *извляча* *изѹлѹча* гл. св. Кир. Тв., *извѣлѹча* Кирс. см. *вляча*, *изсуша* *иссушѹ* гл. св. Кир. Тв., *иссушѹ* Кирс. см. *суша*,

¹¹ Г. Т. Д а н а и л о в. Ленъг, конопът и тяхната индустрия в България. Псп, кн. 65, св. 1—4. София, 1948, стр. 27.

¹² Atlasul lingvistic român, v. II. București, 1956, карта № 433.

¹³ О терминах «лексическая парадигматика» и «лексическая синтагматика» см. А. А. У ф и м ц е в а. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 251.

¹⁴ О двух сторонах, которые следует учитывать при изучении словарного состава языка, см. Н. И. Т о л с т о й. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II. «Вопросы языкознания», 1966, № 5, стр. 16.

изсъхна *иссѣхна* гл. св. Кир. Тв. Кирс. 'высохнуть (о шерсти)', **къделка** *кадѣлка* ж. Кир. Тв., *кадѣл'а* Кирс. 'кудель, сделанная на чесальном гребне', **оченкам** *учѣнкам* гл. св. Кир. Тв. Кирс. см. **чепкам**, **паря** *пър'а* гл. нсв. Кирс., **попаря** *пупър'а* гл. св. Кир. Тв. 'заливать шерсть горячей водой', **пера** *п'арá* гл. нсв. Кир., *перá* Тв., *перѣ* Кирс. 'стирать (шерсть)', **пран** *пран*, -á, -у прич. Кир. Тв. Кирс. 'стиранный (о шерсти)', **разшибам** *расшѣбам* гл. св. Кир. Тв. см. **шибам**, **разшибам** *расшѣбувам* гл. нсв. Тв. = **шибам**, **суша** *сушá* гл. нсв. Кир. Тв., *сушѣ* Кирс. 'сушить (шерсть)', **шибам** *шѣбам* гл. нсв. Кир. Кирс. 'бить (шерсть)', **чепкам** *чѣпкам* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. 'теребить (шерсть)'; **чепкан** *чѣпкан*, -á, -у прич. Кир. Тв. Кирс. 'теребленный (о шерсти)', **фъндѣк** *фандáк* м. Кир. Кирс., *фандáчи* с. Тв. 'клочок шерсти';

в) термины прядения: **въртя** *вѣрт'á* гл. нсв. Кир. Тв., *вѣрт'ѣ* Кирс. 'вертеть (веретено)', **забучвам**, *забѣчвам* гл. нсв. Кир. *набѣчвам* Тв. Кирс. 'надевать (кудель на прялку)', **запримча** *забрѣнча* гл. св. Тв. см. **запримчам**, **запримчам** *забрѣмчам* гл. нсв. Кир., *забрѣнчам* Тв., *запрѣнчам* Кирс., 'завязывать узелок на верхнем конце веретена', **опреда** *упр'едá* гл. св. Кир. Тв., *упредѣ* Кирс. см. **преда**, **подвезка** *пудлѣска* ж. Кир., *пудвѣска* Тв., *пудѣска* Кирс., 'кожаная подвязка для кудели', **преда** *пр'едá* гл. нсв. Кир. Тв., *предѣ* Кирс. 'прясть', **прежда** *прѣжда* ж. Кир. Тв. Кирс. 'пряжа', **на ръка** *на рѣка* Кир. Тв., *на рѣкѣ* Кирс. 'вручную (о прядении)', **тъна** *тѣнá* гл. нсв. Кир. Тв., *тѣнѣ* Кирс. 'тонко прясть', **хурка** *хѣрка* ж. Кир. Тв., *хѣрка* Кирс. 'прялка';

г) названия частей ткацкого станка: **бърдо** *бѣрду* с. Кир. Тв., *бѣрду* Кирс. 'бердо', **ватали** *вáтали* мн. Кир. Тв. Кирс. 'рамка берда', **зъб** *зѣп* м. Кир. Тв. Кирс. 1. 'зуб берда', 2. 'зуб гребня для чесания шерсти **красно крусно** с. Кир. Тв. Кирс. 'навой', **кутелец** *куталѣц* м. Кир. Тв., *кутелѣц* Кирс. 'вертикальная нить в нитах', **мужделник** *мужданѣк* м. Кир. *мужденѣк* Тв. Кирс. 'горизонтальная нить в нитах', **вицелник** *ништ'ал'ник* м. Кир. Тв., *ништелник* Кирс. 'нит', **севалка** *суфáлка* ж. Кир., *сѣуáлка* Тв. *сувáлка* Кирс. 'челнок', **сърце** *сѣрцѣ* с. Кир. Тв. Кирс. 'стержень челнока', **укрепалка** *укупáлка* ж. Кир. Тв., *укупáлка* Кирс., 'узкая планка с дырочками, служащая для закрепления переднего навоя';

д) термины, связанные с подготовкой к ткацкому: **вдявам** *вѣдáвам* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. 'вдевать нити основы в бердо', **въртежки** *вѣртѣшки* мн. Кир. Тв., *вратѣшки* Кирс., 'орудие для разматывания мотков', **калмукан** *калмуқан* м. Кир. Кирс., *калмуқан* Тв. 'большая камышовая цевка для основы', **клувия** *клув'á* ж. Кир., *клув'á* Тв., *клув'ѣ* Кирс. 'орудие для заготовки основы', **колело** *кул'áлб* с. Кир. Тв., *кулелб* Кирс. 'колесо мотального колеса', **колец** *кблиц* м. Кир. Тв. Кирс. 'кольшек с крестовиной — деталь орудия **въртежки**', **крѣстовище** *крѣстбичи* с. Кир., *крѣстбѣишти* Тв., *крѣстбѣишти* Кирс., 'крестовина мотовила', **кълбо** *калб* с. Кир. Тв. Кирс. 'клубок', **масур** *масѣр* м. Кир. Тв. Кирс. 'цевка для утка', **мотая** *мутáйá* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. 'наматывать пряжу на мотовило', **превързалка** *превѣрзáлка* ж. Кир. Тв. Кирс. 'палочка, на которую привязывают конец основы', **прѣт** *прѣт* м. Кир. Тв. Кирс. 1. 'деталь орудия для заготовки основы — стержень, вокруг которого вращаются рамы', 2. 'длинная палка, служащая для закрепления заднего навоя', **основа** *уснувá* гл. св. Кир. Тв., *уснувѣ* Кирс. см. **снова**, **ручка** *рѣчка* ж. Кир. Тв. Кирс. 'ручка мотального колеса', **снова** *снувá* гл. нсв. Кир. Тв., *снувѣ* Кирс. 'заготавливать основу для тканья', **чекрък** *чѣкрѣк* м. Кир. Тв. Кирс. 'мотальное колесо', **четенка** *чѣтѣн'ка* ж. Кир., *чѣтенка* Тв., *чѣтѣница* Кирс. 'мера счета нитей основы — три нити';

е) термины, связанные с процессом тканья: **вѣтък**, *вѣтáк* м. Кир., *вѣтáк* Тв. Кирс., 'уток', **изтъка** *истѣкá* гл. св. Кир. Тв., *истѣкѣ* Кирс.

см. **тъка**, **мятам** *м'атам* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. 'метать челнок', **набивам** *набивам* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. 'набивать уток, ткань', **натра** *натра* ж. Кир. Тв. Кирс. 'часть основы, находящаяся в процессе тканья между нитами и задним навоем', **основа** *уснбеа* ж. Кир. Тв. Кирс. 'основа', **повръщам** *пуврѣштам* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. 'поворачивать передний навой', **тъка** *такá* гл. нсв. Кир., *тъка* Тв., *тъкъ* Кирс., 'ткать', **тъкан** *такан*, -а, -у прич. Кир. *тъкан* Тв. Кирс. 'тканый', **урезало** *урезáлу* с. Кир. Тв. Кирс. 'остаток основы', **уста** *устá* ж. Кир. Тв., *устá* мн. Кирс. 1. 'зев', 2. 'часть основы между нитами и тканью', **юрнек** *йурне́к* м. Кир. Кирс., *йурне́к* Тв. 'образец ткани';

ж) термины, обозначающие виды тканей, другие изделия, меры ткани, отделку тканей: **ален** *áл'ан*, -а, -у прил. Кир. Тв., *áлен* Кирс. 'красный (о цвете ткани)', **бабчено** *бапчану* с. Кир. Тв., *бапчену* Кир. 'вид ткани, выполняемый на пяти нитах', **боя** *буйá* ж. Кир. Тв., *буйѣ* Кирс. 'краска (порошок)', **дебел** *дибéл*, -а, -у прил. Кир. Тв. Кирс. 'толстый (о ткани)', **кадрел** *кадрéл* Кир. Тв. Кирс. 'клетчатая ткань, выполняемая на четырех нитах в двух цветах: красный — зеленый или красный — черный', **кодуче** *кудучи* с. Кир. Кирс., *кудуч* м. Тв. 'узкая цветная полоска на ткани', **лакът** *лакът* м. Кир. Кирс., *лакът* Тв. 'мера ткани — локоть', **мармародено** *мармарод'ану* с. Кир. Тв., *мармародену* Кирс. 'вид ткани, выполняемый на пяти нитах', **маса** *мáса* ж. Кир. Тв. Кирс. 'скатерть', **навои** *науи* мн. Кир. Тв., *наушта* Кирс. 'портянки', **педа** *пéда* ж. Кир. Кирс., *пéд'а* Тв. 'мера ткани — расстояние между большим и указательным пальцами', **пешкир** *пишкír* Кир. Кирс., *пишкír* Тв. 'полотенце', **плат** *плат* м. Кир. Тв. Кирс. 'ткань', **платно** *платно́* Кир. Кирс., *платну* Тв. 'полотно', **пояс** *пóяс* Кир. Тв. Кирс. 'мужской пояс', **тънък** *тѣнак*, -нка, -нку, прил. Кир. Тв. Кирс. 'тонкий (о ткани)', **чаршаф** *чарша́ф* м. Кир. Тв. Кирс. 'хлопчатобумажное покрывало'.

В рамках изучаемой группы лексики при сопоставлении материала из трех говоров выявились следующие виды различий: 1. инвентарные, т. е. различия в наборе лексем при одинаковых для всех трех говоров семемах, лексемные различия; 2. различия в наборе семем — семемные различия; 3. различия, связанные со структурой лексем, т. е. структурные различия; 4. различия в сегментации внеязыковой действительности; 5. различия, обусловленные внеязыковой действительностью.

1. **Лексемные различия.** В данной группе лексики в наборе лексем наблюдаются два типа различий (табл. 1). Первый (I), максимальный, тип лексемных различий характеризуется наличием одной одинаковой для всех трех говоров семемы, которой соответствуют три лексемы, разные во всех трех говорах. Например: семеме 'утолщенный конец веретена' соответствуют три лексемы: *кѣжсал* м. Кир., *глава́* ж. Тв., *петѣ* ж. Кирс.

Для второго типа (II) лексемных различий характерно наличие одинаковой для всех трех говоров семемы, которой соответствуют две лексемы, одна из которых зафиксирована в одном пункте, а вторая в двух пунктах. Например: А. 'мотушка' в говоре Кирютни называется *мутувѣлка* ж., а в говорах Твардицы и Кирсова *пасму* с. Тв., *пасмо́* Кирс.; Б. 'узкий полосатый ковер' — *чѣрга* ж. Тв. и *килий* м. Кир. Кирс.; В. 'подножки' — *пóднужи* мн. Кирс. и *крака́* мн. Кир. Тв.

Выделяются три случая лексемных различий (не внесенных в таблицу), когда (в говоре Кирсова) одной и той же семеме, общей для всех трех говоров, соответствуют две лексемы как варианты в языке разных лиц, что может свидетельствовать о смешанном характере говора. Причем в говорах Кирютни и Твардицы употребляется одна и та же лексема или ее варианты.

Таблица 1

Тип различий	Семема	Лексема			
		Кир.	Тв.	Кирс.	
I	1. 'сновалка вертящаяся'	<i>вѣртѹшка</i>	<i>снѹѡл'ница</i> и <i>снѹѡйка</i>	<i>чарк</i>	
	2. 'утолщенный конец веретена'	<i>кѣжал</i>	<i>глава</i>	<i>петѣ</i>	
II	A. 1. 'мотушка'	<i>мутѹѡйка</i>	<i>пѡсму</i>	<i>пѡсмѡ</i>	
	2. 'техника тканья на двух нитах'	<i>лѣту</i>	<i>ф'ина устѡ</i>	<i>ф'устѡ</i>	
	3. 'шнур, передающий движение колеса к стержню со шпулькой (мотального колеса)'	<i>гайтѡн</i>	<i>връф</i>	<i>връф</i>	
	4. 'ткань, выполненная на четырех нитах, основа которой тоньше, чем уток'	<i>нахтарлийѡну</i>	<i>масѹрѡну</i>	<i>масѹрѡну</i>	
	5. 'одноцветный (о ткани)'	<i>чист</i>	<i>гладѡн</i>	<i>гладен</i>	
	6. 'широкий ковер'	<i>силѹѡн килим</i>	<i>кавѡн</i>	<i>кавѡн</i>	
	7. 'кайма ковра'	<i>пѣтка</i>	<i>край</i>	<i>край</i>	
	B. 1. 'железные пластины, накладываемые на вытканый кусок, чтобы он не стягивался'	<i>вѣпци</i>	<i>пѣрк</i>	<i>вѣпци</i>	
		2. 'выполненный на четырех нитах и четырех подножках'	<i>дѣм'атѡн</i>	<i>читѡрѡн</i>	<i>дѣметен</i>
		3. 'узкий полосатый ковер'	<i>килим</i>	<i>чѡга</i>	<i>килим</i>
		4. 'смаывать (в клубок)'	<i>навѣсам</i>	<i>насѹксам</i>	<i>навѣсам</i>
		5. 'перелный (о навое)'	<i>вѡрну (кросно)</i>	<i>прѣнн'у (кросно)</i>	<i>вѡр'ну (кросно)</i>
		6. 'задний (о навое)'	<i>дѡлну (кросно)</i>	<i>зѡнн'у (кросно)</i>	<i>дѡл'ну (кросно)</i>
	V. 1. 'стержень мотального колеса, на который надевается шпулька'	<i>лѣтка</i>	<i>лѣтка</i>	<i>вѣртѣну</i>	
2. 'подножки'		<i>кракѡ</i>	<i>кракѡ</i>	<i>пѡднѹжи</i>	
3. 'гвоздь, служащий для закрепления переднего навоя'		<i>вѡздей</i>	<i>вѡздей</i>	<i>пирѡн</i>	
4. 'красить (ткань, пряжу)'		<i>валѹѡсам</i>	<i>валѹѡсам</i>	<i>бѡйадѣсам</i>	
5. 'разноцветный (о ткани)'		<i>пѣсан</i>	<i>пѣсан</i>	<i>пѣстѣр</i>	
6. 'цветная полоса на ткани, ковре'		<i>писѡ</i>	<i>писѡлка</i>	<i>клѡтка</i>	
7. 'нить (в тканье)'		<i>жѣца</i>	<i>жѣца</i>	<i>нѣшка</i>	
8. 'обшить край ткани, чтобы не распускалась'		<i>пурѣба</i>	<i>пурѣба</i>	<i>навѣрѣза</i>	

1. 'кольцо прялки' — *кѣжал* Кир. и Тв., *кулилѣнци* и *тѣркѡлѣнци* Кирс.
 2. 'чесальная машина' — *ѹлѡчѡлка* Кир., *ѹлѡчка* Тв., *дарѡк* и *вѣл'ночѣска* Кирс.
 3. 'широкая цветная полоса на ковре' — *пѣтка* Кир. Тв., *дам* и *дѣскѣ* Кирс.

Итак, в изучаемой группе лексики отмечено 26 случаев лексемных различий. Наиболее распространенным типом лексемных различий является II тип В (8 случаев в таблице + 3 случая особых), который характеризуется наличием одинаковой лексемой для говоров Кирютни и Твардицы и отличной от нее лексемой для говора Кирсова, т. е. наличие противопоставление Кир.Тв. ↔ Кирс.

Таблица 2

Тип различий	Лексема	Семема		
		Кир.	Тв.	Кирс.
I	1. суча <i>súča</i>	‘навивать (пряжу на шпульку мотального колеса)’	‘навивать (пряжу на шпульку мотального колеса)’	‘сучить пряжу’
II	A. 1. мотовилка <i>му тувилка</i> 2. стыга <i>стъга</i>	1. ‘мотовило’ 2. ‘мотушка’ 1. ‘одна из двух поперечин, скрепляющих основание станка’ 2. ‘одна из двух дощечек, на которых держится рамка берда’	‘мотовило’ ‘одна из двух поперечин, скрепляющих основание станка’	‘мотовило’ ‘одна из двух поперечин, скрепляющих основание станка’
	3. кенар <i>к'анар'</i> Кир., Тв., <i>кенар'</i> Кирс.	1. ‘кайма, состоящая из одной широкой полосы, обрамленной двумя узкими’ 2. ‘тесьма с одной широкой полосой, обрамленной двумя узкими’	‘кайма, состоящая из одной широкой полосы, обрамленной двумя узкими’	‘кайма, состоящая из одной широкой полосы, обрамленной двумя узкими’
	Б. 1. глава <i>глава</i> Кир., Тв., <i>глава'</i> Кирс.	‘мера счета нитей основы — 60 нитей’	1. ‘мера счета нитей основы — 60 нитей’ 2. ‘утолщенный конец веретена’	‘мера счета нитей основы — 60 нитей’
	В. 1. стан <i>стан</i>	‘горизонтальный ткацкий станок’	‘горизонтальный ткацкий станок’	1. ‘горизонтальный ткацкий станок’ 2. ‘основание станка’
	2. веретено <i>ѳ'р'тѳену и ѳ'ретѳену</i> Кир., Тв., <i>ѳ'р'тѳену</i> Кирс.	‘веретено’	‘веретено’	1. ‘веретено’ 2. ‘стержень мотального колеса, на который надевается шпулька’
III	1. навивам <i>навивам</i>	1. ‘наматывать (основу на навой)’ 2. ‘сматывать (пряжу в клубок)’	‘наматывать (основу на навой)’	1. ‘наматывать (основу на навой)’ 2. ‘сматывать (пряжу в клубок)’
IV	1. къжел <i>къжел</i>	1. ‘кольцо прялки’ 2. ‘утолщенный конец веретена’	‘кольцо прялки’	
V	1. насуквам <i>насуквам</i>		‘сматывать (пряжу в клубок)’	‘навивать (пряжу на шпульку мотального колеса)’

2. *Семемные различия.* Различия в значении одинаковых для трех или двух говоров лексем делятся на пять типов (табл. 2). Первый (I) тип семемных различий, представлен лишь одним случаем. Одинаковой для всех трех говоров лексеме *суча* соответствует семема, одинаковая для двух говоров (Кир. Тв.), а другая семема зафиксирована в говоре Кирсова.

Второй (II) тип семемных различий характеризуется наличием одинаковой для всех трех говоров лексемы, которой соответствует одна одинаковая для всех трех говоров семема, а вторая, соответствующая ей, семема зафиксирована в каком-либо одном говоре. Например: А. лексема *мотовилка* употребляется во всех трех говорах в значении 'мотовило', а в говоре Кирютни она имеет еще второе значение — 'мотушка', которую обычно делают на мотовиле; Б. лексема *глава* имеет значение 'мера счета нитей основы — 60 нитей' во всех трех говорах, а в говоре Твардицы она означает еще и 'утолщенный конец веретена'; В. лексеме *вретену* соответствует общее для всех трех говоров значение 'веретено', а в говоре Кирсова она приобрела еще второе значение 'стержень мотального колеса, на который надевается шпулька'; основанием для такого переноса послужило, видимо, то обстоятельство, что и с тем и с другим предметом производятся вращательные движения, в результате которых на них наматывается пряжа.

Третий (III) тип семемных различий представлен одним случаем. Одинаковая для трех говоров лексема *навивам* имеет общее для них значение 'наматывать (основу на навой)', а в говорах Кирютни и Кирсова она имеет еще и второе значение 'сматывать пряжу в клубок'.

Четвертый (IV) тип семемных различий тоже представлен одним случаем. Общая для двух говоров — Кирютни и Твардицы — лексема *кѣжел* имеет одинаковое для этих говоров значение 'кольцо прялки', а в говоре Кирютни она служит еще и названием для утолщенного конца веретена.

Пятый (V) тип семемных различий встретился один раз. Одинаковая для двух говоров Твардицы и Кирсова лексема *насуквам* имеет в этих говорах разные значения: 'сматывать пряжу в клубок' Тв., 'навивать пряжу на шпульку мотального колеса' Кирс.

Итак, в изучаемой группе лексики удалось установить 10 случаев семемных различий. Наиболее распространенным является II тип семемных различий, связанный с образованием вторичных значений. Половина случаев (5) семемных отклонений представлена в говоре Кирютни, именно за счет вторичных значений (см. табл. 2). В говоре Кирсова представлено 3 случая вторичных значений, а в Твардице всего лишь один. Только 2 случая семемных различий не связаны с образованием вторичных значений (I и V типы).

3. *Структурные различия.* Между изучаемыми говорами наблюдаются различия, связанные с чисто формальной стороной — со структурой лексем, с их звуковым обликом, грамматической формой и словообразовательной моделью. Они могут быть трех основных типов, исходя из формального признака, который положен в их основу: а) фонетические — связанные со звуковым составом слов и их акцентуацией; б) морфологические — связанные с грамматической формой слов; в) словообразовательные — связанные со словообразовательной моделью слов. Остальные типы структурных различий устанавливаются на основании указанных трех или двух признаков. В изучаемой группе лексики удалось установить следующие типы структурных различий:

а) фонетические: *бáпчану* Кир. Тв.— *бáпчену* Кирс¹⁵. *ýлас* Тв.— *влас* Кирс., *врѣф* Тв.— *врѣф* Кирс., *въл'н'ан* Кир. Тв.— *въл'нен* Кирс., *ýр'tену* Кир.— *вѣртену* Тв. Кирс., *вѣртешки* Кир. Тв.— *вратешки* Кирс., *вѣтаж* Кир.— *вѣтѣк* Тв. Кирс., *глад'анѣ*(плат) Тв.— *гладен* Кирк., *гбрну* (кросно) Кир.— *гбр'ну* Кирс., *дарáк'* Кир. Кирс.— *дарáк* Тв., *джидийа* Кир.— *жидийа* Тв., *дѣлп* Кир.— *длап* Кирс., *дблну* (кросно) Кир.— *дбл'ну* Кирс., *зѣнци* Кир.— *зѣнци* Кирс., *иссушá* Кир. Тв.— *иссушá* Кирс., *йурнѣк'* Кир. Кирс.— *йур'нѣк* Тв., *калмукáн'* Кир. Кирс.— *калмукáн* Тв., *к'анáр'* Кир.— *к'анáр* Тв.— *кенáр'* Кирс., *крѣстбичи* Кир.— *крѣстбичи* Тв.— *крѣстбичи* Кирс., *кул'алб* Кир. Тв.— *кулелб* Кирс., *купрín'ан* Кир. Тв.— *купрíнен* Кирс., *куталѣу* Кир. Тв.— *кутелеу* Кирс., *лáкът'* Кир. Кирс.— *лáкат* Тв., *мармароб'ану* Кир. Тв.— *мармаробену* Кирс., *мужданйк* Кир.— *мужденйк* Тв. Кирс., *манáлка* Тв.— *мънал'ка* Кирс., *нйшт'ал'ник* Кир. Тв.— *нйштелник* Кирс., *нйшт'ал'ки* Кир. Тв.— *нйштел'ки* Кирс., *памýк* Кир. Тв.— *памýк'* Кирс., *памýч'ан* Кир. Тв.— *памýчен* Кирс., *пáсмó* Тв.— *пáсмó* Кирс., *пѣда* Кир. Кирс.— *пѣд'а* Тв., *п'арá* мн. Кир.— *перá* Тв., *пишкйр'* Кир. Кирс.— *пишкйр* Тв., *платнб* Кир. Кирс.— *плáтну* Тв., *с'арйва* Кир. Тв.— *серйва* Кирс., *суфáлка* Кир.— *суфáлка* Тв.— *сувал'ка* Кирс., *тириплйк'* Кир. Кирс.— *тириплйк* Тв., *такáну* Кир.— *тѣкáну* Кирс., *укрипáлка* Кир. Тв.— *укрипáл'ка* Кирс., *фýрка* Кир. Тв.— *хýрка* Кирс.;

б) фонетические во флективных морфемах: 1. *буйá* Кир. Тв.— *буйѣ* Кирс., *главá* ж. Кир. Тв.— *главѣ* Кирс.; 2. *вѣрт'а* гл. Кир. Тв.— *вѣрт'ѣ* Кирс., *истѣкá* гл. Кир. Тв.— *истѣкѣ* Кирс., *снóвá* гл. Кир. Тв.— *снóвѣ* Кирс., *сушá* гл. Кир. Тв.— *сушѣ* Кирс., *такá* гл. Кир.— *тѣкá* Тв.— *тѣкѣ* Кирс., *тѣнá* гл. Кир. Тв.— *тѣнѣ* Кирс., *уснóвá* гл. Кир. Тв.— *уснóвѣ* Кирс.;

в) морфологические: *сѣрейá* ж. Кир.— *сѣрей* м. Кирс., *устá* ж. Кир. Тв.— *устá* мн. Кирс.;

г) словообразовательные: *ýлáчáлка* ж. Кир.— *ýлáчка* ж. Тв., *зabýчвáм* гл. Кир.— *нabýчвáм* Тв. Кирс., *кáдѣлка* ж. Кир. Тв.— *кáдѣл'а* ж. Кирс., *мáсýр'ану* с. Тв.— *мáсýрчену* Кирс., *нáуи* мн. Кирс. Тв.— *нáуштá* мн. Кирс., *шйбáм* гл. Кир. Кирс.— *рáсшйбувáм* Тв., *зabрймчвáм* гл. Кир.— *зabрйнчáм* Тв.

д) различия по двум признакам: 1. *чѣтѣн'ка* ж. Кир.— *чѣтенка* ж. Тв.— *чѣтеница* ж. Кирс.; 2. *кудýчи* с. Кир. Кирс.— *кудýк* м. Тв., *писмб* с., Кир.— *писáлка* ж. Тв., *фандáк'* м. Кир. Кирс.— *фандáчи* с. Тв.

Итак, в изучаемой группе лексики отмечено 62 случая структурных различий. Как видно из приведенного материала, наиболее распространенным (36 случаев) является тип а — фонетические различия. Они наблюдаются в основном в безударном вокализме и в произношении отдельных согласных и групп согласных. Выделяются фонетические черты говоров: гласный 'а на месте литературного безударного гласного переднего ряда е в говорах Кирютни и Твардицы (*кула'алб*, *въл'ан*) и гласный е в говоре Кирсова (*кулелб*, *въл'нен*); мягкость конечных согласных в говорах Кирютни и Кирсова (*дарáк'*, *лáкът'*, *калмукáн'*) и их твердость в говоре Твардицы (*дарáк*, *лáкат*, *калмукáн*).

Вторым по распространенности (9 случаев) является тип б — фонетические различия во флективных морфемах. Гласный á в окончаниях слов женского рода и глаголов находим в говорах Кирютни и Твардицы (*главá*, *снóвá*), а гласный ѣ в говоре Кирсова (*главѣ*, *снóвѣ*).

Словообразовательные различия (6 случаев) отражают различия в моделях слов женского рода и глаголов. В говорах Кирютни и Твардицы

¹⁵ Материал приводится полностью.

отмечены модели с суффиксом *-ка* (*кадёлка* ж. Кир. Тв., *четён'ка* ж. Кир., *чётенка́* Тв.), а в говоре Кирсова другие модели (*кадёл'а* ж., *чётеница* ж.).

4. *Различия в сегментации внеязыковой действительности.* Такие различия можно наблюдать при одинаковом наборе реалий. Родственные диалекты, каковыми являются изучаемые говоры, представляют богатый материал, так как их носители часто обладают одинаковым хозяйственно-экономическим укладом жизни¹⁶. Сопоставляя набор терминов ткачества, существующий в каждом из сравниваемых говоров, можно наблюдать различия в сегментации следующих участков внеязыковой действительности: а) части прялки; б) части станка; в) виды тканей соответственно типам одежды, которые шьются из них и др.; г) расцветка и узоры тканей; д) обработка шерсти. Приведем материал по говорам.

а) **крьстче** *крѣщи* Кир. 'верхушка прялки'. В Твардице и Кирсове нет специального названия, хотя во всех трех пунктах прялка одинаковая, заканчивающаяся в верхней своей части резным наконечником, который и называется *крѣщи* в говоре Кирютни.

б) 1. **сабица** *сабица* Тв. 'продольная планка рамки берда'. В Кирютне и Кирсове эта деталь не имеет названия. 2. **стрѣк** *стрѣк* Кир. Тв. 'половина основания станка'. В говоре Кирсова нет названия для половины основания станка, а все основание целиком называется *стан*, причем этот же термин служит названием и для самого ткацкого станка.

в) 1. **гацено** *гайт'ану* Кир. 'материал, из которого шьют брюки'. В Твардице и Кирсове нет названия. 2. **роклено** *рѣкл'ану* Кир. 'материал, из которого шьют платья'. В Твардице и Кирсове нет названия; **роклен** *рѣкл'ан* Кир. Тв. 'плательный'. В говоре Кирсова нет названия. 3. **килимев** *килим'аф* Кир. 'ковровый'. В Кирсове нет названия, а в Твардице ковер называется другим словом — *черга*, от которого прилагательное также не употребляется, и др.

г) 1. **кадрелен** *кадрѣлен* Кирс. 'клетчатый'. В Кирютне и Твардице это прилагательное не употребляется, а есть существительное *кадрел*; 2. **пиша** *пѣша* гл. нсв., *напѣша* св. Кирс. 'ткать узор'. В Кирютне и Твардице этот глагол не употребляется, хотя употребляются существительные *писмѣ* Кир., *писѣлка* Тв. в значении 'цветной полосы в ткани'. 3. **стрункен** *стрѣнк'ан* Кир. Тв. 'в мелкую клетку'. В Кирсове нет названия. 4. **питки** *пѣтки* Кир.: *на пѣтки* 'в крупную клетку'. В Твардице и Кирсове нет названия. 5. **кубики** *кѣбуки* Кир.: *на кѣбуки* 'в среднюю клетку'. В Твардице нет названия. В Кирсове нет названия узора домотканой материи, но для узора кружев служит такое же название.

д) 1. **влас** *ѣлас* Тв., *влас* Кирс., 'клок чесаной на гребне шерсти'. В Кирютне нет названия. 2. **патка** *пѣтка* Тв. 'клок шерсти, приготовленной для чесания на гребне'. В Кирютне и Кирсове нет названия. 3. **опечена** *упѣчена* Тв. 'хорошо испряденная'. В Кирютне и Кирсове нет названия.

Из 23 случаев различий в сегментации наибольшее число (8) случаев встретилось в говоре Кирютни, 4 случая — в говоре Твардицы, 4 случая — в говоре Кирсова, 5 случаев объединяют говоры Кир. и Тв., 1 случай — Тв. и Кирс., 1 случай — Кир. и Кирс.

5. *Различия, обусловленные внеязыковой действительностью.* Как уже было отмечено, в изучаемых пунктах ткачество было развито в разной степени, что влекло за собой разный набор реалий и соответственно разный набор терминов. Наиболее ярко это проявляется в названиях узоров тканей, частично в названиях изделий ткачества и орудий. В каждом из сел существовали какие-то свои узоры тканей, свои изделия ткачества, хотя основная масса изделий была одинаковой.

¹⁶ О подобном см. Н. И. Т о л с т о й. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II. «Вопросы языкознания», 1966, № 5, стр. 17.

В говоре Кирыотни отмечено семь названий узоров тканей, которых нет в Твардице и Кирсове: на гайтани на *гайтани*, на джамове на *джамуви*, на захарчета на *захарчета*, на кривуци на *криул'ци*, на очички на *учички*, на кръстченца на *кръччанца*, на къщички на *къщички*.

В говоре Кирсова отмечено четыре таких случая: на кукички на *кукички*, каламфир *каламфир'* и котешки стъпки *котешки стъпки*, на тръндафили на *тръндафили*, на тръкальца на *тръкальца*. В Твардице — один: на градинки на *градинки*. В Кирыотне и Кирсове отмечено одинаковое название узора — на совалки на *сувал'ки* Кир., на *сувал'ки* Кирс.

Различия в видах изделий ткачества влекут за собой разный набор их названий. Например: аба *абз* Кирс. 'толстое сукно', которое не производилось в двух других селах, поэтому в них этот термин отсутствует; лавишник *лавишник* и *лаушник* Тв. 'постилка на глиняную лавку (в доме)'; таких лавок не было в Кирыотне и Кирсове; еднолико *инулику* Кир. 'односторонний коврик (на стену)', юбкено *йупк'ану* Кир. 'материал, из которого шились особые платья под названием юбка'. В Твардице и Кирсове не шили таких платьев, и др.

Ввиду того, что в Кирыотне не возделывали коноплю и лен, терминология их обработки в этом говоре почти полностью отсутствует. В Твардице употреблялись свои особые орудия для трепания, которых нет в Кирсове: раджал *ражал* Тв. 'гребень', кептен *кептен'* Тв. 'щетка'.

В Кирсове изготавливали синюю краску для шерсти из жирового налета на овечьей шерсти, которая называлась синило *синилу*, чего не делали в Кирыотне и Твардице, поэтому в них подобный термин отсутствует. Можно было бы привести еще целый ряд примеров, но этого не позволяет объем статьи.

Итак, проведенное сравнение показало, что 42% терминов ткачества составляют общие для всех трех говоров слова. Это не только общebolгарские слова, но и общие для этих говоров диалектизмы (*кадрел, маса, подвезка, сакъз, тиреплик, урезало, фъндък, юрнек* и др.). Все это говорит о генетическом родстве сравниваемых говоров.

Численное распределение лексемных различий по говорам показало, что более близкими являются говоры Кирыотни и Твардицы, говор Кирсова противопоставлен им (см. табл. I, тип II B), что подтверждается и структурными различиями. Различия в значении одинаковых для говоров слов связаны большей частью с развитием вторичных значений (см. табл. 2, II тип). Наибольшее число различий в сегментации отмечено в говоре Кирыотни.

Д. С. ПРОКОФЬЕВА

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ТАДЕУША ЛАДА-ЗАБЛОЦКОГО

Поэзия, а порой и личность поэта, оказывали могучее влияние на формирование мировоззрения различных поколений польских революционеров. Об этом в последнее время писали советские исследователи В. А. Дьяков, Д. Б. Кацнельсон¹ и другие, вводя новые архивные документы, конкретный фактографический материал в исследования важной проблемы взаимоотношений романтической литературы с общественно-политической мыслью и освободительным движением. На допросах по делу русских декабристов говорилось о том, что запрещенные стихи возбуждали мысль о свободе, подобно этому и в показаниях польских конспираторов значительное место принадлежит литературе, поэзии. И это естественно, поскольку в сложных условиях общественно-политической жизни, в условиях потери национальной независимости литература становилась активным средством борьбы за свободу. При этом особое значение приобретала литература, распространяемая в списках, — литература потаенная, подпольная, вольная. Во-первых, это была одна из наиболее действенных форм пропаганды, а кроме того, она способствовала демократизации как патриотического движения, так и самой литературы. Расширяется круг читателей. Поэзия становится более доступной, доходчивой, особенно в песенном ее «приспособлении». «Списочная» литература имеет большое значение и для современных исследователей общественно-политической и культурной жизни XIX в. Как писал декабрист Н. И. Тургенев, «в странах, подчиненных деспотизму, общественное мнение проявляется также с помощью рукописной литературы»².

Списки стихов, найденные у арестованных, ссыльных, пленных, дают представление о читательских интересах представителей достаточно специфической среды, позволяют проследить ж и з н ь поэтического произведения в его ином бытовании. Новое переосмысление, само по себе уже являющееся продлением активного существования песни или стихотворения, позволяет обнаружить подчас второй план, которым читатель-современник обязан либо воле автора, либо самому себе и новому времени.

¹ См. В. А. Дьяков. Литературные интересы польских конспираторов 30—40-х годов XIX в. В сб. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973; D. B. Kacnelson. Z dziejów polskiej pieśni powstańczej XIX wieku. Folklor powstania styczniowego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974.

² «Литературное наследство», т. 59, М., стр. 684.

В материалах Центрального Государственного военно-исторического архива СССР был обнаружен список стихотворения польского поэта Тадеуша Лада-Заблоцкого, главного представителя так называемой кавказской группы польских писателей. Если об этом поэте в 1954 г. можно было писать как о «забытом поэте-заговорщике», то за прошедшие 20 лет появилось немало работ и публикаций польских и советских исследователей, посвященных «кавказской группе», которая внесла свой «вдовый грош на алтарь национальной словесности»³. Новые архивные материалы, обнаруженные доктором ист. наук В. А. Дьяковым и др., дополняют наши представления как о личности поэта, так и о месте поэзии в общественно-политическом и освободительном движении.

В ЦГВИА СССР хранится немало следственных дел, где подсудимым — сосланным в Сибирь полякам — инкриминируется хранение стихов, которые, как определяется в судебных бумагах, «особенно замечательны оскорбительными выражениями, относящимися к священной особе его императорского величества».

Так, в связи с военно-судным делом в Омске у двух подсудимых случайно обнаружены стихи «возмутительного содержания»: «Некоторые из этих стихов особенно замечательны дерзким содержанием. В них описывается, что поляк невольник, что господином его есть шайка шарлатанов, что этот господин поедает его доходы и обдирает под видом милостей, а в заключение помещены оскорбительные выражения, относящиеся к особе его императорского величества»⁴. Речь идет о стихотворении, которое приводится в выписке, составленной в военном министерстве на основании материалов военно-судного дела. Русский текст стихотворения из этой выписки дается с незначительными поправками:

2

Молодой лях, где твой конь,
 Молодой лях, где твое оружие,
 Разве ты не слышишь, какой гром,
 Звук оружия и пушечный гул,
 Стук картечи, крик людей.
 Седлай лошадь, бросай дом
 Ибо друг твой, ибо брат твой
 Строгий с врагом производит бой.
 Ах жестокий этот враг
 Он твоим отцам сковал руки,
 Он твою любезную взял.
 Молодой лях! огорчительное положение.
 Ты невольник, он твой господин.
 На нем светит золота блеск,
 А на тебе множество заплат.
 Он тебя грабил столько лет
 И хвалился многими милостями.
 Не один раз насмеялся посторонний человек,

Что эти паны — шайка шарлатанов,
 Что у тебя съедают годовой урожай,
 Он похищает хлеб из твоих рук,
 А за столько братьев мученья
 Мщенье, мщенье или смерть.
 Едва ночи ходит тень
 Едва новый рассветает день,
 Уж указов летает куча,
 Неверному угрожает кнут,
 От податей плачет люд,
 И в рекруты идет лях.
 А Сибирь бешеная собака
 Еще насмеяется над нашими слезами.
 Адом для нас царев трон,
 На нем ныне сидит черт.
 Висельницы едва стоит он.
 Мщенье, братья, или смерть.

³ В числе последних работ статья М. Ингло, который не раз обращался к этой теме (M. In g l o t. Rosja i rosjanie w oczach polskich kaukazyków. W: Spotkania literackie. Z dziejów powiazań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Warszawa, 1973), статья Д. С. Прокофьевой (Поэзия «кавказской группы» польских поэтов. В сб. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973) и др.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 83, 4 отд., 1 ст., 1840, д. 27, ч. 3, л. 279.

Последнее четверостишие («Адом для нас царев трон») опубликовано М. Поляковым в работе, посвященной В. Г. Белинскому⁵. Польский исследователь Я. Рейхман⁶, рассказывая об открытиях советского ученого, также приводит эти строки стихотворения Тадеуша Лада-Заблочкого.

Среди материалов дела № 183 III отделения⁷, использовавшихся в работах Полякова, Дьякова и др., есть донесение князя Хованского, генерал-губернатора Смоленской, Витебской и Могилевской губерний, шефу жандармов и начальнику III отделения Бенкендорфу: «... сей Заблочкий, по показанию Михаловского, исправив списанную им (Михаловским. — Д. П.) по частям от Брама и от Пржисецкого песню и почти преобразив ее вновь, прибавил к ней два последних куплета, содержащие самые преступные против высочайшей особы его императорского высочества выражения»⁸. Таким образом, можно считать вариант, находящийся в деле № 183, а также список стихотворения-песни в бумагах, отобранных у подсудимого С. Дзышко рядового Сибирского батальона, уроженца Кракова, стихотворением Тадеуша Лада-Заблочкого. Вероятно, можно отнести это сочинение к разряду так называемых контаминационно-модифицированных. Переработка стихов и песен, соединение фрагментов разных сочинений — достаточно типичная черта для повстанческой поэзии, так же широко распространенная, как, скажем, фольклоризация произведений известных поэтов, их анонимизация. Эта особенность характерна и для поэзии Тадеуша Лада-Заблочкого.

Вряд ли польский солдат Сибирского батальона «Степан Герасимов сын Дзышко» знал, кому принадлежат крамольные стихи. Песня приобрела анонимный, фольклоризированный характер. В то время, как автор за сочинение песни-стихотворения был, подобно Прометею, «прикован к скалам Кавказа»⁹, тот, кто переписал и хранил стихи, был осужден и сослан в арестанские роты в Усть-Каменогорскую крепость сроком на восемь лет.

Жизнь и история стихотворения Лада-Заблочкого представляет собой интересный документ времени. Стихотворение можно определить как поэзию «среднего» участника восстания, «среднего» пленного, «среднего» ссыльного, как своеобразный «литературный фольклор», так называемую массовую поэзию того времени. Оно распространялось наряду с поэзией А. Мицкевича, Ю. У. Немцевича и других крупных поэтов, чьи сочинения также нередко анонимизировались, переходя в иную категорию литературы. Все вместе эти произведения составляли ту часть национальной поэзии, которая сохраняла в себе идеи освободительного движения, была «в строю», боролась с тиранией, помогала сохранить «национальный дух», веру в будущее, оптимизм и вне пределов «географической» родины. Жизнь стихотворения была продлена за счет изменения его функции, за счет формального бытования.

⁵ См. «Литературное наследство», т. 56.

⁶ J. R e y c h m a n. Wyjaśniona zagadka zapomnianego poety-spiskowca. «Twórczość», 1954, № 6.

⁷ ЦГАОР, III отд., I экзп., 1833, № 183, ч. 1.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Романтический стереотип поэзии «кавказцев».

Ниже приводится польский текст стихотворения:

Młody lachu, gdzie twój koń,
 Młody lachu, gdzie twoja broń,
 Czy nie słyszysz jaki grom
 Szczęk oręża i dział ryk
 Stuk korteczy, ludów krzyk ¹⁰
 Siodłaj konie, rzucaj dom
 Bo przyjaciel, bo brat twój
 Srogi z wrogiem toczy bój ¹¹.
 Ach! okrutny jest to wróg
 On twym ojcom ręce skół,
 On kochankę twoją wziął,
 I tuż bluźni, gdzie ich Bóg ¹².
 Młody lachu! smutny stan,
 Tyś niewolnik on twój pan!
 Na nim błyszczy złota błysk ¹³
 A na tobie mnóstwo tat.
 On cię zdziżał tyle lat
 I się chlubił z mnogich lask.

Nieraz obcy sztydził czelek,
 Ze ci panem lotrów stek,
 Co ci roczny zjada plon.
 On wydiera chleb z twych rąk,
 A za tyle braci mąk
 Zemsta, zemsta albo zgon.
 edwie nocy chodzi cień ¹⁴,
 Ledwie nowy świta dzień
 Juz ukazów lata strach,
 Niewinnemu grozi knut,
 I w rekruty idzie lach,
 A (z) Sybiru wściekły pies
 Szydzi jeszcze z naszych łez.
 Piekłem dla nas carów tron
 Na nim teraz siedzi czart,
 Szubienicy ledwie wart.
 Zemsta bracia albo zgon.

¹⁰ В варианте, который находится в ЦГАОР, эти строки звучат так:

«Swist korteczy i dział ryk
 Szczęk orężu, ludu krzyk».

¹¹ В деле № 183 в ЦГАОР: «Тoczy z wrogiem krwawy bój».

¹² В рукописи, находящейся в ЦГАОР, иной смысл и содержание: «I tam bluźnił, gdzie twój Bóg». В переводе, находящемся в судебной выписке, эта строчка пропущена.

¹³ Другой вариант: «świeci złota blask».

¹⁴ Здесь: «Skoro posny minie cień».

К. И. ЛОГАЧЕВ

К ВОПРОСУ О ТОМ, КТО БЫЛ ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СЛАВЯНСКОГО АЛФАВИТА

В первом номере «Советского славяноведения» за 1976 г. опубликована статья А. С. Львова «О записи про Константина-Кирилла философа в календаре Остромирова евангелия». Поскольку статья посвящена очень важному вопросу о том, кто был изобретателем первоначального славянского алфавита, кажется уместным сказать два слова по поводу ее основных положений, тем более, что А. С. Львов высказал заинтересованность в обсуждении своих выводов.

Главный тезис, выдвинутый А. С. Львовым в его статье, сводится к следующему. Изобретателем первоначального славянского алфавита (а также и создателем самого первого перевода на славянский язык с использованием этого алфавита) был Мефодий, связь же изобретения этого алфавита (и первого опыта использования его для перевода на славянский язык) с именем Кирилла — результат своего рода дезинформации, предпринятой Мефодием с целью защитить дело распространения славянской письменности от нападок немецкого духовенства.

А. С. Львов, ничего не говоря о том, что до него мнение о Мефодии как единственном изобретателе первоначального славянского алфавита уже высказывалось, ссылается как на решающее доказательство своего тезиса на запись о Константине-Кирилле в Остромировом евангелии. По мнению А. С. Львова, эта запись сделана в Моравии в период между смертью Кирилла и смертью Мефодия (т. е. до 885 г.).

Целый ряд фактов заставляет усомниться в правильности мнения А. С. Львова относительно этой записи и тем самым в правильности его главного тезиса.

Прежде всего следует сказать следующее: А. С. Львов необоснованно считает (стр. 88), что греческий текст, приведенный А. Х. Востоковым в его издании Остромирова евангелия, является оригиналом для текста этого славянского памятника. Греческий текст в издании А. Х. Востокова является на самом деле — и этого не скрывал издатель — искусственным, текстом, взятым из печатных изданий XVIII—XIX вв. и подогнанным под славянский текст. Естественно, что все выводы на стр. 88, основанные на сравнении текста Остромирова евангелия с искусственным греческим текстом, достоверными быть не могут.

Далее, А. С. Львов, как показывает начало его статьи, путает две принципиально разные вещи: месяцеслов (куда вносились имена тех лиц, память которых праздновалась) и диптих (куда вносились имена лиц, которые поминались). Не всяким и не во всякий диптих могло быть внесено имя «известного церковного деятеля» сразу же после кончины последнего.

Тем более не просто обстояло дело с внесением чьего-либо имени в месяцеслов церковных праздников. Уже давно указывалось, что считать кого-либо из умерших святым совсем еще не значит праздновать его память. Для празднования памяти какого-либо лица требовалась его канонизация, а это предусматривало создание в его честь специальных песнопений и т. п. При этом для празднования своей памяти канонизирован должен был быть и тот, кого именовали *ἀγιος* и тот, кого именовали *δσιος*.

Поскольку в Остромировом евангелии находится не диптих, а месяцеслов, анализировать разбираемую А. С. Львовым запись можно лишь исходя из того, что ее оригинал появился после канонизации Константина-Кирилла.

А. С. Львов не упоминает ни одной работы, посвященной вопросу о времени и обстоятельствах этой канонизации. Но обратиться к этим работам следовало бы не только потому, что в них уже высказывалось мнение (предложенное А. С. Львовым как новое) об очень ранней канонизации Кирилла, но и потому, что из этих работ ясно видно отсутствие каких-либо точных данных о времени и месте его канонизации. Можно лишь предполагать, что доканонизационное почитание Кирилла, которое вело к его канонизации, началось в Риме.

Было бы, разумеется, неверным утверждать, что в принципе недопустимо строить выводы о времени и месте канонизации Кирилла на основании языкового анализа записей о нем в месяцесловах, т. е. делать то, что делает А. С. Львов. Но языковой анализ записи в Остромировом евангелии, проведенный А. С. Львовым, кажется недостаточно корректным в том смысле, что А. С. Львов исключает все другие возможности объяснения языковых особенностей этой записи.

А. С. Львов считает стяженную форму на *-аго* моравизмом. Но ведь форму на *-аго* можно рассматривать и как русизм. Далее, А. С. Львов считает, что «*нареченаго въ чръньчство*» — это моравская конструкция с местным смыслом. Но ведь есть другое объяснение сущности этого словосочетания. Допустимо думать, что «*въ* + вин. пад.» употреблено в рассматриваемой записи с естественным *направительным* смыслом, потому что *нареченаго* можно считать здесь связанным по смыслу с направлением. Ведь вступление в монашество предполагало обязательное изменение имени, причем практически одновременно с принятием монашеского звания. Значит, ничто не препятствовало аттракции *словом нареченаго* направительного смысла. Наконец, А. С. Львов считает моравизмом *чръньчство*. Но ведь если это слово и не является ни в коем случае болгаризмом, совсем не значит, что оно обязательно должно быть моравизмом.

Помимо того, что говорилось выше, следует сказать еще о двух обстоятельствах, которые не позволяют согласиться с выводами А. С. Львова относительно записи с именем Константина-Кирилла в Остромировом евангелии.

1. Месяцеслов Остромирова евангелия в целом не может принадлежать к числу кирилло-мефодиевских памятников или их списков. Давно было отмечено, что здесь встречаются грубейшие ошибки в передаче греческих слов на славянский язык, ошибки, немыслимые для Кирилла и Мефодия, владевших греческим языком как родным и тесно связанных с Константинополем.

2. Общеизвестно, что необычайно разнообразные месяцесловы древнейших славянских рукописей до сих пор никак не систематизированы и не «привязаны» к определенным местностям. Поэтому все выводы относительно месяцесловных записей, особенно относительно их преднамеренного состава, не могут быть сколь-либо надежными, тем более если такие

выводы делаются на основе анализа записи вне связи с месяцесловом, взятым как целое, и без учета отношения данного месяцеслова к другим месяцесловам.

Нельзя не отметить также, что мнение А. С. Львова о наличии интерполяции в XIV главе Жития Кирилла никакими общими основаниями не увязывается с его мнением о моравском происхождении записи о Кирилле в Остромировом евангелии. Кстати, всегда заявление об интерполяции обязывает очень ко многому: надо, говоря о ней, попытаться хотя бы выдвинуть гипотезу о том, где, когда, кем и — главное — с какой целью интерполяция была сделана. Иначе ведь интерполяция предстает «немотивированной». Надо также, говоря об интерполяции, говорить о времени и авторстве изначального текста. Но обо всем этом в параграфах, посвященных предполагаемой интерполяции, А. С. Львов ничего не сказал.

Таким образом, в статье А. С. Львова, по-видимому, нет убедительных доказательств тезиса о том, что изобретателем первоначального славянского алфавита был Мефодий.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. В. ГАНЕВИЧ. Деятельность Болгарской коммунистической партии по укреплению диктатуры пролетариата (сентябрь 1944—1948 гг.). Изд-во при Киевском государственном университете, Киев, 1974, 207 стр.

Деятельность Болгарской коммунистической партии в первые годы после победы социалистической революции вызывает неослабевающий интерес у советских историков-болгаристов. В ряде их работ получили освещение вопросы борьбы БКП за укрепление диктатуры пролетариата в период 1944—1948 гг.¹ Однако до недавнего времени в советской историографии не было обобщающего исследования о многогранной деятельности БКП по руководству борьбой за укрепление народно-демократической власти как формы диктатуры пролетариата.

Рецензируемая книга И. В. Ганевича — первый подобного рода обобщающий труд,

в котором серьезно и углубленно анализируется политика партии в борьбе за установление и укрепление диктатуры пролетариата в Болгарии. При написании монографии автор широко использовал документальные материалы архива Министерства обороны СССР, ЦПА при ЦК БКП, ЦДИА НРБ, ЦДИА, документальные сборники, периодическую печать, мемуарную литературу, исследования болгарских и советских историков. Теоретическо-методологической основой книги И. В. Ганевича явились труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Им широко использованы работы Г. Димитрова, В. Коларова, Т. Костова, Т. Живкова, а также новая программа БКП.

Монография И. В. Ганевича состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении автор обосновывает выбор темы исследования, делает обстоятельный обзор использованной литературы, определяет задачи, которые ставит перед собой.

Первая глава работы посвящена победе социалистической революции в Болгарии. Автор исследует деятельность БРП(к) по подготовке Сентябрьского народного вооруженного восстания, прослеживает его развитие в Софии и победоносное шествие по всей стране, справедливо отмечая важную роль внутренних революционных сил в его победе. БРП(к) и Отечественный фронт располагали народно-освободительной повстанческой армией (НОВА), которая, опираясь на поддержку беднейшего и среднего крестьянства, трудовой интеллигенции и значительной части армии, явилась внушительной реальной силой при свержении фашистской диктатуры.

С полным на то основанием автор подчеркивает огромное значение помощи Советской Армии для победы народного восстания 9 сентября 1944 г. Его вывод о том, что для победы социалистической революции в Болгарии важнейшим условием было взаимодействие и сочетание внутренних и внешних факторов, не вызывает сомнений.

Вторая глава монографии посвящена мероприятиям БРП(к) и Отечественного

¹ Г. Н. Попов. Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948), Харьков, 1966; А. И. Черный. Коммунистична партия — натхненник і організатор кооперативного руху в болгарському селі в першій роки соціалістичної революції (1944—1947). Наукові праці з історії КНРС, 1966, вип. 7; е го же. Болгарская коммунистическая партия в борьбе за завершение экспроприации капиталистической собственности в промышленности. Питання нової та нової історії, 1971, вип. 12; е го же. К вопросу о борьбе Болгарской коммунистической партии за развитие промышленности в период двухлетки (1947—1948). Годшник на Софийски университет, идеологически катедри, 1972; т. 64, и др.; И. В. Ганевич. Особливості союзу робітничого класу і селянства Болгарії у відбудовний період (1944—1948). В сб. В. І. Ленін і розборка проблеми союзу робітничого класу і селянства, Одесса, 1971; е го же. Особливості класової боротьби в Болгарії в 1944—1948 рр. Укр. слов'янознавство, 1972, кн. 6; Л. Ревякина. Політика на БКП за зв'язчана на БЗНС в демократическите и социалистическите преобразования в периода на укрепване на народно-демократичната власт (1944—1948), Годшник на Софийски университет, идеологически катедри, 1972, т. 64 и др.

фронта по укреплению диктатуры пролетариата в период с 9 сентября 1944 г. до конца 1945 г.

И. В. Ганевич анализирует деятельность БРП(к), направленную на разрушение буржуазно-фашистской государственной машины и создание нового государственного аппарата. Он подчеркивает, что «создаваемый в центре и на местах новый государственный аппарат — аппарат Отечественного фронта выражал и отражал коренные интересы болгарского народа» и поэтому являлся аппаратом диктатуры пролетариата (стр. 40).

И. В. Ганевич раскрывает специфические особенности процесса создания социалистического государства в условиях народно-демократической Болгарии.

Далее автор подробно рассматривает деятельность БРП(к) и правительства Отечественного фронта по укреплению экономической основы диктатуры пролетариата, постепенной ликвидации экономической мощи буржуазии в сфере производства, финансов, кредита, торговли. Победа БРП(к) и Отечественного фронта на выборах в ноябре 1945 г. в значительной мере способствовала политическому укреплению диктатуры пролетариата. И. В. Ганевич подчеркивает большое значение советской военной, дипломатической и культурной помощи в деле консолидации народной власти в Болгарии до конца 1945 г.

Третья глава монографии посвящена деятельности БРП(к) в 1946—1947 гг. по дальнейшему укреплению народной власти, чему в значительной степени способствовало заключение мирного договора 10 II 1947 г. и стабилизация международного положения Болгарии.

Автор подчеркивает, что справедливые требования болгарского народа сохранить территориальную целостность, национальную независимость и суверенитет страны встретили поддержку со стороны СССР и стран народной демократии.

Автор квалифицирует внешнюю политику БРП(к) и народной власти как политику мира, дружбы и сотрудничества между народами. В основу этой политики были положены принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, вечной и нерушимой дружбы с Советским Союзом.

В четвертой главе монографии освещается упорная борьба БРП(к) за принятие новой конституции и проведение революционных мероприятий в области экономики — национализации всей промышленности и банков. Конституция была принята Народным собранием 4 декабря 1947 г. Автор подробно анализирует основной закон НРБ, останавливаясь на регламентированном конституцией государственном и политическом устройстве страны, на реорганизации

государственного аппарата и изменениях в структуре государственного управления, подчеркивая при этом, что новая конституция была призвана защищать государственную, кооперативную и трудовую собственность.

Автор освещает огромную по масштабам организаторскую работу БРП(к) среди рабочего класса и остальных трудящихся масс по мобилизации их на восстановление и развитие народного хозяйства в период 1947—1948 гг. В монографии показаны применявшиеся партией и общественными организациями методы повышения трудовой активности масс, советская экономическая и научно-техническая помощь Болгарии в выполнении двухлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства страны (1947—1948), а также подъем промышленного и сельскохозяйственного производства и забота народной власти о повышении материального и культурного уровня трудящихся. «Важнейшие политические и экономические мероприятия народной власти, — пишет автор, — осуществленные по инициативе БРП(к), аграрная реформа и национализация промышленности и банков, разгром оппозиции, объединение трудящихся вокруг программы Отечественного фронта, признание БРП(к) ведущей силой — все это всемирно-исторические завоевания болгарского народа, открывшие широкий путь строительству социализма» (стр. 202).

В работе И. В. Ганевича наряду с отмеченными положительными чертами есть некоторые недостатки. Не в полной мере, на наш взгляд, раскрыта деятельность партийных органов и организаций (областных, околийских и местных) и комитетов Отечественного фронта по разрушению буржуазно-фашистского государственного аппарата, по созданию органов народно-демократического государства, его новой администрации². Неверным является утверждение Ганевича о том, что «до принятия новой конституции во всех государственных звеньях на руководящие посты выдвигались специалисты независимо от их политических убеждений, что объяснялось нехваткой специалистов» (стр. 177).

Приводимые автором данные о посылке

² См. об этом И. Р а д к о в. Комитетите на Отечественния фронт — фактически органи на местната власт. «Исторически преглед», 1963, кн. 2; П. Д а м я н о в а. Отечественния фронт в борба за изкорняване на фашистките остатъци в България 1944—1948, София, 1967; Д. Ш а р л а н о в, П. Д а м я н о в а. Мястото и ролята на Отечественния фронт в системата на народната демокрация. София, 1968; В л. Б о н е в. За Единия, Народния и Отечественния фронт. София, 1972 и др.

более 12 000 коммунистов на ответственную работу в государственные и хозяйственные органы (армию, министерство внутренних дел, министерство промышленности и другие ведомства) за период 1944—1948 гг. (стр. 178) и заявление, что «в Болгарии благодаря мерам, принятым БРП(к), и братской помощи Советского Союза были подготовлены специалисты — выходцы из рабочих и крестьян. Кроме того, значительная часть старых специалистов перешла окончательно и бесповоротно на сторону Отечественного фронта» (стр. 177—178), опровергают это утверждение.

Более полно следовало бы показать многогранную деятельность советских военных представителей в Союзной контрольной комиссии, направленную на поддержку партии и народного правительства.

В книге не получил необходимого освещения такой важный вопрос, как политика БКП, направленная на укрепление и развитие действенного пролетарского интернационализма, являющегося одной из важнейших черт диктатуры пролетариата. Слабо показана деятельность БКП и массовых организаций по воспитанию трудящихся в духе пролетарского интернационализма.

Монография нуждается в более тщательном археографическом оформлении. В некоторых местах приводятся цифровые данные без ссылки на источник (стр. 83, 193 и др.), отсутствуют обобщающие данные о движении трудовых культурных и молодежных бригад в масштабах всей страны, что не создает у читателя представления о широком и национальном характере этого движения. Эти данные за период 1946—1948 гг. можно было бы найти в публикациях болгарских авторов³. Иногда в монографии встречаются и противоречивые данные. На стр. 189 говорится о том, что в 1947 г. Советский Союз предоставил Болгарии 1526 тракторов, а на стр. 192 речь идет о 200 тракторах.

Автор не всегда придерживается принятого им хронологического изложения, что приводит к повторам. Так, например, договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между НРБ и остальными народно-демократическими государства-

ми упоминаются на стр. 120, 173. На стр. 202 есть и текстуальный повтор. Неточно датируются в монографии как важные, так и второстепенные события в жизни Болгарии. Законы о национализации частных промышленных и горнодобывающих предприятий, а также банков приняты Всеми народным собранием (ВНС) 23 и 27 декабря 1947 г., а не 24 и 26 декабря 1947 г., как это утверждается в монографии. Решение о превращении Отечественного фронта из народного движения в единую общественно-политическую организацию принято на II конгрессе Отечественного фронта, состоявшемся 2—3 февраля 1948 г., а не в январе 1948 г. (стр. 180, 200). Г. Димитров выступил с речью перед депутатами ВНС 28 ноября 1946 г., а не 11 февраля 1946 г. (стр. 149). Советское командование подарило 30 грузовиков Софийской и Плевенской общинам в марте 1946 г., а не в апреле 1946 г. (стр. 141).

Встречается неправильное написание имен и фамилий известных партийных, общественных, военных деятелей, представителей науки, а также названий населенных пунктов.

Например, вместо И. Кинов написано И. Койнова (стр. 11), вместо Сл. Васев — Сл. Власов (стр. 9), вместо П. Маринов — Н. Маринов (стр. 16), вместо К. Халачев — К. Ходачев (стр. 28), вместо К. Кюлявков — К. Колявков (стр. 46), вместо Б. Божипов — Р. Божиков (стр. 139), вместо Неврокои — Невроколь и Неврополь (стр. 105—109) и др.

Несмотря на упомянутые недостатки научные достоинства этого труда несомненны. И. В. Ганевич предлагает вниманию читателей интересную, ценную и полезную книгу. Каждому, читающему эту монографию, ясно, что при создании политической и экономической системы диктатуры пролетариата БРП(к) следовала основным принципам марксизма-ленинизма и творчески использовала опыт КПСС в области государственного, хозяйственного и культурного строительства. Деятельность БРП(к) по укреплению диктатуры пролетариата в период 1944—1948 гг. отражена объективно, правдиво и с глубоким чувством уважения к партии, народу, стране. Своей монографией И. А. Ганевич вносит существенный вклад в развитие современной болгарской и советской историографии в области изучения важнейших проблем новейшей истории Болгарии.

Стоян Танаев

³ Д. Трифонов. Движението на трудово-культурните бригади (1945—1948). «Исторически преглед», 1964, кн. 2—3, стр. 191, 192, 194, 195, 197.

С. М. ФАЛЬКОВИЧ. *Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912)*. «Наука», 1975, 380 стр. ■

Тесная связь революционных событий в России и Польше на различных этапах освободительной борьбы братских народов, процесс возникновения и развития русско-польского пролетарского союза, боевое сотрудничество трудящихся двух стран в эпоху империализма — все эти сюжеты не раз становились предметом пристального внимания советских и польских историков. Лишь за последние годы историография интересной проблемы обогатилась весьма содержательными исследованиями Р. А. Ермолаевой и А. Я. Манусевича, И. С. Яжборовской, В. Найдус, А. Коханьского¹. Этой же теме посвятила свою монографию и С. М. Фалькович.

Организационное сближение РСДРП и СДКПиЛ — партий, являвшихся подлинным авангардом трудящихся масс России и Польши, тесное сотрудничество польских социал-демократов с В. И. Лениным и большевиками в период, последовавший за поражением первой русской революции, безусловно, определили большую степень не только распространения, но и усвоения ленинских взглядов среди польских революционеров. Это, в свою очередь, теснее сплачивало русских и польских марксистов, делало эффективнее их борьбу с царизмом.

Задача исследовательницы была предельно ясной: раскрыть сложные процессы взаимодействия и взаимовлияния; воссоздать картину сотрудничества русского и польского пролетариата в легальных организациях, в подполье, «в борьбе с репрессиями и провокаторством, с наступлением на политические и экономические права трудящихся» (стр. 4).

Тематика книги этим, однако, не ограничивается. Много внимания уделила С. М. Фалькович освещению контактов русских и польских пролетариев, представителей широких демократических кругов на всех плацдармах борьбы за социальное и национальное освобождение. Русско-польские связи в молодежном и женском движении, культурное сотрудничество — все это с той или иной степенью полноты рассматривается автором монографии.

Традиционный для подобных работ анализ деятельности РСДРП и СДКПиЛ

С. М. Фалькович обогащает подробным рассмотрением позиции ППС-левицы, справедливо интегрируя ее в русско-польский революционный союз, проследившая развитие партии, превращавшейся в подлинно марксистскую.

С интересом читается первая глава монографии, посвященная анализу позиции польских буржуазно-помещичьих партий по отношению к революции 1905 года.

Опираясь интересным и по преимуществу новым материалом, С. М. Фалькович верно определяет позицию энцидзии, ППС-фракции и ППСД как антирусскую и антиреволюционную. Здесь хотелось бы только более дифференцированной и обстоятельной трактовки тактики энцидков. Излагая политические намерения этой партии, С. М. Фалькович пишет: «... план ее в революции 1905 года был таков: изолировать Королевство Польское от революционной борьбы в России, выждать ее результатов, а затем договориться об условиях для поляков» (стр. 16). Это, верное в целом, утверждение нуждается в некотором уточнении. Лидеры энцидков не были так пассивны, как это может показаться. В своей пропаганде они не отрицали необходимость борьбы за автономную независимость от исхода революции. Другое дело, что борьба эта ограничивалась подчеркнуто легальными методами. Иначе, впрочем, и быть не могло. НД-партия — сугубо буржуазная — не желала рвать тесных хозяйственно-экономических связей с русским капиталом, а стало быть, и с царизмом².

Во второй главе рассматривается борьба большевиков и польской социал-демократии против оппортунизма. На большом фактическом материале автор раскрывает идейную и политическую близость СДКПиЛ ленинскому течению в РСДРП, показывает сходство их стратегического курса и тактической линии. В основе этой близости лежала глубокая вера в то, что, несмотря на поражение революции 1905—1907 гг., конечный успех не за горами, и поэтому подготовка масс к новому штурму должна стать первоочередной задачей пролетарских партий.

К чести исследовательницы нужно сказать, что она не стремится «выпрямить» острые углы в отношениях двух партий, проследившая несходство их позиций, проявившееся главным образом в организа-

¹ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971; И. С. Яжборовская. Идейное развитие польского революционного движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973; А. Коханьский. SDKPiL w latach 1907—1910. Warszawa, 1970; W. Najdus. SDKPiL a SPPRR 1893—1907. Wrocław, 1973.

² См. интересную статью: R. Wapriński. Z dziejów tendencji nacjonalistycznych. O stanowisku Narodowej Demokracji wobec kwestii narodowej w latach 1893—1939. «Kwartalnik Historyczny», 1973, № 4.

ционных вопросах борьбы с ликвидаторством. «Большевики, — пишет С. М. Фалькович, — и СДКПиЛ имели неодинаковые планы консолидации РСДРП и в этом заключался зародыш будущих споров» (стр. 114). Мысль, безусловно, верная, но, к сожалению, не подкрепленная обоснованием причины, генезиса этих споров. Между тем в литературе такие попытки уже делались, и мнение автора на этот счет было бы весьма интересно.

В монографии С. М. Фалькович особенно ценными нам представляются главы IV, VI и VII, посвященные совместной борьбе пролетариата обеих стран во главе с социал-демократическими партиями против отзовизма и ликвидаторства в РСДРП, против оппортунизма в международном рабочем движении за сохранение и укрепление партии, за новый подъем активности масс в борьбе с царизмом. Превосходно ориентируясь в источниках, умело интерпретируя их, исследовательница очень хорошо показала роль СДКПиЛ в разоблачении отзовизма, подлинно интернационалистскую позицию революционных партий польского пролетариата. Установка СДКПиЛ на социальную революцию в тесном союзе с русским пролетариатом, подготовка масс к революции — все это очень подробно рассматривается и исследуется автором монографии.

Изложение в книге в достаточной степени персонафицировано. Мы явственно можем представить себе участников событий, ощутить их симпатии и антипатии. Жаль, что исследовательница не попыталась дать более обстоятельные, портретные характеристики видных деятелей СДКПиЛ и ППС-левицы. Более глубокое знакомство читателя с такими людьми, как А. Варский, Я. Ганецкий, Я. Тышка, было бы в данном случае вполне уместно.

Очень интересна, на наш взгляд, V глава монографии «Сотрудничество русских и польских революционеров в легальной и нелегальной работе». Здесь много нового материала. Широкое сотрудничество большевиков и польских социал-демократов в эмиграции, легальных и нелегальных организациях, взаимная помощь в издании и распространении подпольной литературы, совместная борьба против террора и провокаций, тесные революционные контакты в тюрьме и ссылке — все это нашло отражение в упомянутом разделе монографии. Приведенный здесь разнообразный фактический материал позволяет глубже понять истоки идейной близости и общности взглядов обоих революционных течений в РСДРП.

В меньшей степени удалась С. М. Фалькович последняя глава «Борьба В. И. Ленина за разрыв с ликвидаторами и польская социал-демократия». Здесь, во-первых, очень мало (по сравнению с книгой Р. А. Ермолаевой и А. Я. Манусевича, исследованиями других авторов) нового материала. Во-вторых, именно в этой главе наиболее опутан недостаток, свойственный и некоторым другим разделам книги: преобладание описательного, фактографического материала над аналитическим, вскрывающим механизм того или иного явления. К примеру, на стр. 356 С. М. Фалькович пишет: «Таким образом, в конце 1911 г. против большевиков оказались не только враги их партии — ликвидаторы, троцкисты, «впередовцы», но и недавние друзья и союзники, вместе с ними отстаивавшие партию, — польские социал-демократы, революционные элементы СДКП, плехановцы, большевики-примиренцы».

Естественно возникает вопрос, почему польские социал-демократы в 1911 г. заняли примирческую позицию, почему в этот момент центристское влияние Второго Интернационала оказалось сильнее влияния большевистского. К сожалению, читатель не найдет ни ответа на этот вопрос, ни размышлений по этому поводу, хотя в основном выводы автора, содержащиеся в конце каждой главы и в заключении, точны и справедливы.

И еще одно замечание. Историкографический очерк, данный во введении, выглядит, на наш взгляд, весьма анемично. Это даже не очерк, а скорее библиографический обзор, которому не помешала бы большая обстоятельность. Думается, что вообще назрела необходимость историкографического осмысления проблемы в целом. Последние, весьма полемичные публикации, появившиеся в Польше, определенно убеждают в этом³.

В целом же, несмотря на отмеченные недостатки, читатель с интересом познакомится с монографией С. М. Фалькович, написанной увлеченно, с отличным знанием дела.

В. Табачников

³ См., например: N. M i c j t a. O rze-
telną ocenę SDKPiL. «Z pola walki»,
1972, № 3; е го же. Jeszcze raz o
genezie i działalności SDKP. «Z pola
walki», 1973, № 1; W. N a j d u s. SDKPiL
a SDPRR. «Kwartalnik Historyczny»,
1975, № 1.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКСПАНСИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛОРУССИИ

Католицизму, игравшему реакционную роль в исторических судьбах народов, в том числе и белорусского, посвящены три монографии Я. Н. Мараша, опубликованные за последние пять лет издательством «Вышэйшая школа»¹. Здесь мы останавливаемся на последнем исследовании автора, посвященном экспансии католической церкви в Белоруссии в XVIII в. Работа направлена против концепции современных буржуазно-националистических и клерикальных историков Запада, в первую очередь представителей реакционной литовской и белорусской эмиграции, искажающих в угоду своим узкоклассовым интересам и политическим замыслам историческое прошлое и настоящее белорусского и литовского народов.

Автор проследживает экономическое положение католической церкви и превращение ее, а также монастырей и монашеских орденов в крупных вотчинников-эксплуататоров народных масс. В книге раскрываются различные стороны епископского и монастырского хозяйства и причины усиления феодального гнета, связанные главным образом с ростом отработочной ренты. Такой процесс наблюдался и в магнатских и в королевских владениях как следствие углубления товарно-денежных отношений, которые вели к расширению фольварочного хозяйства и его интенсификации, что в свою очередь вызвало повышенный спрос на рабочую силу. Нам представляется, что автору следовало бы шире пользоваться сравнительно-историческим методом исследования. Речь идет не только о сопоставлении вотчинного хозяйства церковных феодалов Белоруссии с магнатскими и королевскими владениями, но и в более широком плане о сравнении с аналогичными явлениями на территории Речи Посполитой (а может быть, и других стран Центральной и Восточной Европы) в рассматриваемый период.

Существенный интерес представляют данные о структуре доходов католической церкви. До сих пор ни в досоветской, ни в советской историографии на эту тему ничего не было написано. А между тем этот вопрос имеет первостепенное значение для разоблачения реакционной сущности католицизма в истории Белоруссии. Автор показывает, что доходы от фольварков составляли важнейшую

основу экономического благополучия католической церкви, ее общественного и политического могущества на территории Белоруссии. В свете приведенных Я. Н. Марашем данных, настоятели монастырей, епископы и плебаны предстают перед нами как алчные, злобные и мстительные хищники, внезапно грабившие и порабощавшие крестьян. Таким образом, опровергаются пропагандируемые клерикальной литературой взгляды, что обитатели монастырей являлись якобы святыми подвижниками, отрешившимися от земной жизни и посвятившими себя только служению богу, что взаимоотношения между крепостными и церковными феодалами были основаны якобы на взаимной любви и уважении друг к другу.

В монографии раскрываются предпринимательская деятельность католической церкви в различных сферах производства и ростовщические операции. Католическая церковь использовала свои экономические и политические позиции в стране, различные привилегии, предоставленные ей государственной властью. Она добивалась перехода в свою пользу мельниц, винокурен, броварен, домниц, кирпичных и других предприятий, приносивших дополнительные доходы. В книге находим весьма интересный материал о корчемной аренде, являвшейся одним из важнейших доходов церкви.

В XVIII в. широкое распространение в Белоруссии получило ростовщичество. На основе анализа большого количества документов автор показывает, что главными кредиторами-ростовщиками в этот период были католические монастыри. К ним за денежными ссудами обращались как представители господствующего класса феодалов, так и городские магистраты, еврейские общины (кагалы), мещане, заданное нуждой сельское население. Ростовщичество являлось одним из важнейших способов увеличения церковного землевладения. Отдавая займы деньги, епископы, монастыри и плебаны получали в залог имущества светских феодалов, каменные дома, лавки и земельные участки жителей городов. Ввиду того, что дебиторы большей частью не в состоянии были рассчитаться с долгами, их имущество обычно переходило к заимодавцу. Однако следует отметить, что ростовщические операции большей частью ложились тяжелым бременем на народные массы. Светские феодалы, попавшие в сети церковнослужителей, усиливали давление на крестьян и горожан.

Автор исследует формы и методы идеологического воздействия церкви, деятельность церковных братств и конгрегаций, распространение иудульгенций, исполь-

¹ См. Я. Н. Мараш. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Минск, 1969; е г о ж е. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Минск, 1971; е г о ж е. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века. Минск, 1974.

зование одпущтов и фетсов в целях укрепления позиций церкви, организационо-процессов над еретиками, использование благотворительности в интересах церкви и начальной школы в идеологическом подчинении масс, показывает преследования церковью реформационного движения, национальной культуры, созданной белорусским народом. Я. Н. Марап раскрывает реакционную сущность Брестской церковной унии, встретившей упорное сопротивление народных масс.

В монографии рассматриваются пассивные и активные формы антифеодальной и антицерковной борьбы: подача жалоб против произвольного увеличения феодальных повинностей со стороны монастырской и епископской администрации, снижение производительности труда во время отбывания барщины, побег крестьян из церковных владений, особенно участвовавшие во второй половине XVIII в., вооруженная борьба крестьян. Выступления против монастырского и плебанского землевладения, носившие исключительно упорный характер, нередко заканчивались разгромом монастырей и плебаней, изгнанием духовных пастырей, лишением их богатств. В книге характеризуется реакционная роль православной, иудейской и реформированных церквей, которые в одинаковой степени являлись орудием в руках господствующих классов и «божественным словом» оправдывали классовый и национальный гнет.

Следует указать и на некоторые, имеющиеся в монографии недочеты. Хотя исследование посвящено всему XVIII в., события первой половины столетия освещены значительно слабее. Выводы автора построены главным образом на анализе данных за вторую половину XVIII в. Очевидно, это объясняется недостатком источников за более ранний период. Некоторые положения, выдвинутые автором, требуют более обстоятельной аргументации. Например, тезис автора о дроблении, сокращении крестьянского надела во второй половине XVIII в., о более равном процессе сокращения лесных богатств на западе и в центре Белоруссии. В исторической литературе на этот счет существуют разные мнения. Недостаточно обосновано положение о том, что «отличительной чертой аграрного развития Белоруссии в XVI—XVIII вв. явилось возникновение барского вотчинного хозяйства, основанного на эксплуатации труда крепостного крестьянства» (стр. 40). На наш взгляд, возникновение его относится к более раннему периоду. К недочетам издания следует отнести и отсутствие в книге географического указателя. Это создаст у читателя затруднения в определении местонахождения тех владений, которые в монографии не «привязаны к местности». В целом рецензируемая книга заслуживает положительной оценки.

В. И. Мележко

М. BRYKALSKA, Aleksander Świętochowski redaktor «Prawdy». Ossolineum, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1974, 321 s.

М. БРЫКАЛЬСКАЯ. Александр Свентоховский — редактор «Правды»

Деятельность Александра Свентоховского на всем протяжении его долгой жизни была чрезвычайно многообразной. Он был наиболее ярким представителем «варшавского позитивизма» 70—80 годов XIX в.; одним из вождей буржуазно-либеральной «прогрессивно-демократической партии» (в конце жизни перешедшим в лагерь эндеции), писателем, публицистом, редактором.

В монографии Марии Брыкальской¹ рассматривается один из этапов идейной и творческой биографии А. Свентоховского — период редактирования им еженедельника «Правда» (1881—1900). Цель исследования — показ редакторской работы Свентоховского, «интегрирующей в одно целое его публицистическую, критическую и писательскую деятельность» (стр. 5). Выбор этой новой в литературе

о Свентоховском исследовательской перспективы следует признать весьма плодотворным.

Архив «Правды», по всей вероятности, погиб. Кроме комплекта этого еженедельника и других печатных изданий 70—90-х годов автор использовала переписку Свентоховского с сотрудниками еженедельника (большей частью неопубликованную), а также мемуарные свидетельства. В работе не привлечены материалы цензуры, что сказалося на освещении предыстории «Правды»².

² Решение Свентоховского основать еженедельник датируется здесь серединой 1880 г. и связывается с политической конъюнктурой 1880 — начала 1881 г. Между тем, из материалов цензуры следует, что Свентоховский уже с лета 1876 г. неоднократно пытался получить разрешение на издание собственного органа.

¹ Книга представляет собой печатный вариант докторской диссертации автора.

Основная часть монографии состоит из двух разделов. В первом рассматривается политическая и идеологическая деятельность Свентоховского, причем главное внимание уделено периоду 1881—1887 гг. Во втором — основные аспекты «культурной политики» редактора «Правды». Специальная глава посвящена анализу мастерства Свентоховского-фельетониста. Историкографический раздел «Обзор оценок деятельности Свентоховского в период издания „Правды“» вынесен в приложение.

На формирование Свентоховского-идеолога, отмечает автор, решающее влияние оказали взгляды Дж. Ст. Милля. Исходя из основанной Миллем и Спенсером общественной доктрины, Свентоховский в созданном им еженедельнике стремится усилить позиции «прогрессивной партии». Наступательный период ее («Правды», — К. Д.) истории продолжался недолго — до 1883 г. Наиболее полное выражение взгляды „прогрессивистов“ нашли в сборнике „Огниско“; была в нем и программная статья Свентоховского („Политические директивы“). Отметим, что утверждение М. Брыкальской о солидаризации газеты «Шпеглеци тыгодневы» и журнала «Атенеум» со Свентоховским в полемике по поводу «Директив» выглядит недостаточно обоснованным. Незамеченным остался факт полной солидаризации «Новин» Б. Пруса с программой Свентоховского³.

Прогрессирующая в Королевстве Польском русификация, усиление и без того строгой цензуры, усиливающаяся справа и слева критика буржуазного либерализма привели к тому, что к середине 80-х годов «Правда» из программного органа «прогрессивной партии» становится дискуссионной трибуной либеральных и демократических общественных кругов. В конце 80-х годов, чтобы отстоять существование своего органа, Свентоховский вынужден был по тактическим соображениям пойти на сближение с публицистами социалистической ориентации, которая затем на протяжении почти 15 лет сосуществовала в «Правде» с либеральной. Оба направления, отмечает автор, имели некоторые общие мировоззренческие элементы (например, сциентизм и антиклерикализм), что в условиях 80—90-х годов создавало достаточно широкую базу для соглашения.

Активность Свентоховского-идеолога в этот период резко снижается. М. Брыкальская делает вывод о его переходе «с позиции активного деятеля, политика и публициста на позиции наблюдателя и педагога» (стр. 270). Общественная программа редактора «Правды» перемещается в сферу этики; в ней ищет он теперь решения всех конфликтов эпохи. С конца

80-х годов Свентоховский отказывается от принципа безусловного легализма в политике, принимает деятельное участие в полуконспиративном кружке Натансона, а в 1896—1898 гг. разворачивает на страницах «Правды» кампанию против «утоды» («примирения») с царской Россией.

Для советских историков в первом разделе монографии интересны будут страницы, посвященные сотрудничеству в «Правде» И. Франко (стр. 82—84, 99—100, 105). Немаловажно отношение Свентоховского к борьбе народолюбцев: его еженедельник, в отличие от большей части варшавской прессы, ни разу не выступил с осуждением этой борьбы. К сожалению, ориентация автора в «политической географии» русского общества не всегда удовлетворительна. Если газету «Порядок» можно назвать «либерально-западнической» (стр. 30), то к редактору официального «Варшавского дневника» кн. Н. Н. Голицыну определение «либерал и западник» подходит мало. Назвать председателя Варшавского цензурного комитета А. И. Рыжова «либеральничующим демократом» (стр. 104) можно разве в кавычках. Наконец, газета «Киевлянка» вовсе не была «укаинофильской», как полагает автор (стр. 30, сноски), — скорее наоборот.

Несомненной заслугой автора является освещение эволюции мировоззрения А. Свентоховского-философа, литературного критика, писателя периода надвигающегося кризиса буржуазной демократии и буржуазной культуры. Сциентизм остается неотъемлемой составной частью мировоззрения редактора «Правды», однако характерная для раннего «варшавского позитивизма» наивно-оптимистическая, утилитаристская концепция науки сменяется концепцией познания как автономной ценности.

«Общая антиидеалистическая, антиметафизическая и антифидеистическая платформа», — отмечает М. Брыкальская, — позволяла всему коллективу редакции занимать близкую позицию по отношению к проблемам современной культуры» (стр. 172). Наблюдавшееся в конце XIX столетия возрождение идеалистических концепций, пессимизм, мистицизм, спиритуализм отрицательно оценивались публицистами обеих сотрудничавших в «Правде» ориентаций.

Для эстетической позиции Свентоховского в этот период характерно обращение к реализму. Отрицательно относится к современной ему мещанской драме, придерживавшейся внешнего правдоподобия, но пренебрегающей «великими проблемами и глубокими чувствами», Свентоховский чрезвычайно высоко оценивал сатиру, философскую сказку и в связи с этим творчество Щедрина: «Это, — писал он, — действительно феноменальный по своей природе и силе талант, не имеющий

³ См. Rec.: «Ognisko». — «Nowiny», 1883, № 24.

ные нигде ни равного, ни подобного себе» (стр. 254).

Эволюция мировоззрения редактора «Правды» нашла отражение и в его художественном творчестве. В центре его произведений 80—90-х годов (все они печатались в «Правде») находится индивидуум, которого писатель рассматривает в конфликте с окружением, в фатальной разобщенности людей. В то же время, подчеркивает автор, это не был модернистский индивидуализм. «Шоенгауэрскому отчуждению и пассивному отречению он (Свентоховский. — К. Д.) противопоставлял эмоциональную связь личности и общества, активное стремление к борьбе со злом в существующих отношениях, в самой жизни; нищенскому сверхчеловеку — героизм самопожертвования и альтруизм» (стр. 249).

Обе части монографии дают объемный — идейный и творческий портрет Свентоховского как одной из центральных фигур польской журналистики XIX в.

Работа М. Брыкальской не свободна от недостатков, причину которых мы видим в следующих двух обстоятельствах. Первое — это увлечение автора героем своего исследования, но приводящее к определенной идеализации образа Свентоховского. Второе, более существенное, связано с методологическими предпосылками исследования. М. Брыкальская критикует — и не без основания — своих непосредственных предшественников, С. Сандлера и Е. Рудзкого, за схематизм, невнимание к новым элементам, характерным для идейного облика Свентоховского в период редактирования «Правды». Желание избежать предвзятости и схематизма побудило автора избрать «метод фактографического по преимуществу изложения», с сохранением «осторожности в интерпретациях» и «ограничением категоричности исторических оценок в пользу автоинтерпретации Свентоховского» (стр. 6). Фактографический подход, однако, не уберег автора от осуждаемого ею субъективизма и категоричности. Описание фактов в книге подчас весьма трудно отделить от их оценки; частные суждения — от обобщающих выводов. Оценка автора, кроме того, зачастую совпадает с самооценкой Свентоховского.

Автор не пробует дать анализ внутренних противоречий общественно-политической программы Свентоховского и, по видимому, не замечает их. Драма Свентоховского-идеолога сводится к непониманию его намерений обществом, либо к несоответствию его программы национальной психологии. Рамки рецензии не позволяют нам рассмотреть все заключения автора, вытекающие из такого подхода; укажем лишь на одно из них.

«Директивы» Свентоховского начала 80-х годов М. Брыкальская (вслед за Б. Суходольским) оценивает как «программу самобытной творческой политики» (стр. 276); в исторической перспективе прав был, по ее мнению, Свентоховский, а не его критики. Сам Свентоховский именно так трактовал свою программу; но исследователь, стремящийся к объективности в оценках, не может ограничиваться «автоинтерпретацией» исторического деятеля. Политическая программа Свентоховского была фактом общественной жизни Королевства Польского 80-х годов, и должна рассматриваться в качестве такового. Уточнения М. Брыкальской относительно разницы между «легализмом» и «лоялизмом» имеют, несомненно, важное значение, особенно при оценке субъективных намерений Свентоховского, при оценке «Директив» как факта его «частной» биографии, — но в очень малой степени влияют на оценку объективного значения программы, ее общественного звучания. Вовсе не случайно, не из простого непонимания мысли Свентоховского, в общественном сознании 80-х годов (и последующих) за «Политическими директивами» утвердился слава манифеста буржуазной «угоды».

Со всеми изложенными выше оговорками, работа М. Брыкальской представляет интерес и существенно расширяет наши представления об А. Свентоховском и его времени.

Книга иллюстрирована фотопортретами сотрудников «Правды» и фотокопиями печатных изданий 70—90-х годов. В ней содержится список авторов, печатавшихся в «Правде» (около 280 имен); список изданий редакции «Правды» в 1881—1890 гг. и именной указатель.

К. В. Душенко

ПЕРВАЯ ПОЛЬСКАЯ КНИГА О КРИЖАНИЧЕ

О славянском мыслителе XVII в. Юрии Крижаниче за последние полтора столетия, прошедшие со времени открытия его сочинений, написано свыше двухсот книг и статей, изданных в России, Югославии, Чехословакии, Франции, США, Италии и в других странах. Вышедшая в 1974 г.

книга Мирослава Франчица «Юрий Крижанич — идеолог абсолютизма»¹ представляет собой не только первую боль-

¹ M. F r a n č i ć. Juraj Križanić ideolog absolutizmu. Warszawa — Kraków, 1974, 128 s.

шую работу о Крижаниче, появившуюся в Польше, но и первую монографию о нем, увидевшую свет за последнее тридцатилетие, и поэтому она заслуживает внимательного анализа.

Обширная литература о Крижаниче² весьма противоречива и содержит порой взаимоисключающие оценки его взглядов и деяний. Это обязывает каждого автора, пишущего о нем, не только объективно разбираться в трудах предшественников, но и определить собственную позицию по наиболее важным вопросам, связанным с деятельностью Крижанича и с содержанием его сочинений.

Высказав справедливое мнение о том, что многие противоречия в оценках Крижанича будут преодолены, «если рассматривать его в рамках его эпохи, как человека, мыслящего ее категориями и старающегося разрешить ее проблемы» (стр. 24), — М. Франчич в большинстве случаев руководствуется этим принципом. В кратком изложении жизненного пути Крижанича он стремится выявить специфику среды, в которой формировалось мировоззрение ученого. Благодаря этому М. Франчичу удается объяснить причины сочетания в деятельности Крижанича религиозных планов и национально-патриотических стремлений, проявившихся поначалу в лингвистической сфере, а затем побудивших его к разработке проектов политических и экономических преобразований в крупнейшей славянской державе — России.

Правда, взаимоотношение различных сторон деятельности Крижанича изображается М. Франчичем порой несколько схематично. Вряд ли справедливо, например, утверждение о том, что в сибирский период жизни Крижанича в его психологии «произошли существенные изменения: жизненные обстоятельства вытеснили мечты о единстве церквей... Миссионерский энтузиазм уступает место другим стремлениям: занятию политической литературой, желанию заинтересовать власть и всеславянской концепции» (стр. 41). Эта же мысль повторяется в русском резюме книги М. Франчича: «вместо проектов объединения римской и православной церквей, до этого доминировавших у Крижанича, на первое место выдвигаются проблемы абсолютной королевской власти» (стр. 127).

На деле Крижанич никогда не утрачивал интереса к религиозным проблемам и продолжал заниматься ими в течение всей своей тобольской ссылки. Об этом свидетельствует содержание незавершенной части сборника его трактатов, известного под названием «Политика»³, а также мно-

жества других сочинений, вышедших из-под его пера в начале 1670-х годов, и, в частности, вновь найденной рукописи «Смертного разреда» — труда, который, по замыслу Крижанича, должен был стать его духовным завещанием русским читателям⁴.

Мысль о соединении церквей не покидала Крижанича до конца жизни, и признание этого несколько не умаляет значение Крижанича как политического мыслителя, а лишь побуждает рассматривать предлагаемые им проекты государственных преобразований и внешнеполитических акций с учетом его религиозных планов и в свете его мечтаний о национальном возрождении и церковно-религиозном единстве всех славянских народов.

На протяжении своей работы М. Франчич стремится выявить источники взглядов Крижанича, определить круг известных ему авторов. В некоторых случаях М. Франчичу удается установить степень знакомства Крижанича с литературой той или иной страны (в том числе и с польской литературой)⁵, но иногда его выводы вызывают возражения. Это относится, в частности, к утверждению, будто «Политика» Крижанича «возникла в отрыве от европейской мысли того времени, при фрагментарном знакомстве с литературой» (стр. 40). Исследователям сочинений Крижанича удалось восстановить состав тобольской библиотеки Крижанича, а также имевшихся у него конспекты ранее прочитанных книг, и список этот оказался не так уж мал⁶. Другое дело, что в круг чтения Крижанича не вошло большинство крупнейших политических и экономических сочинений XVI — XVII вв.

Одним из наиболее существенных результатов исследования М. Франчича является дифференцированная оценка вклада Крижанича в развитие различных отраслей знания. Вопреки предпринятым в недавнее время попыткам модернизировать мировоззрение Крижанича, доходившим до совершенно неприемлемых утверждений о том, что Крижанич «колебался в сторону идеализма, в основном

⁴ А. Л. Г о л ь д б е р г. О «Смертном разреде» Ю. Крижанича. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, стр. 104—105.

⁵ См. также: R. Ł u ż n y. Autorzy polsci XVI i XVII wieku w kręgu lektury J. Križanića. Sprawozdania z prac naukowych wydawni I PAN, 1969, z. 1, s. 20—23; А. Л. Г о л ь д б е р г. Ю. Крижанич и III. Старовольский. «Slavia», 1965, ses. 1, s. 28—40.

⁶ V. J a g i ć. Život i rad J. Križanića. Zagreb, 1917, s. 428—458; А. Л. Г о л ь д б е р г. Сочинения Ю. Крижанича и их источники. «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 6, стр. 129.

² A. L. G o l d b e r g. Bibliografija o J. Križaniću. In: Život i djelo J. Križanića. Zagreb, 1974, s. 259—277.

³ Ю. К р и ж а н и ч. Политика. М., 1965, стр. 702.

занимая позиции материализма»⁷, М. Франчич справедливо указывает, что философские взгляды Крижанича не выходят за рамки его эпохи. Гораздо более новаторскими были концепции Крижанича, касавшиеся состояния и развития той общественно-политической системы, к которой было устремлено его основное внимание, — русского государства третьей четверти XVII в. По меткому замечанию М. Франчича, в трудах Крижанича «весьма отчетливо, хотя и не без внутренних противоречий, проявились реформаторские тенденции допетровского времени, сформулированные человеком, воспитанным в Западной Европе» (стр. 128).

Оригинальность мышления Крижанича проявилась в том, что он одним из первых связал воедино проблемы, являвшиеся до этого предметом изолированных друг от друга отраслей знания: политики и экономики. Вместе с тем, возлагая на государственную власть решение политических и экономических задач, Крижанич в большей мере, чем другие современные ему писатели, видел взаимосвязь пропагандируемого им образа правления с определенным укладом общественных сил (стр. 5). Идеология абсолютизма, нашедшая воплощение в политических проектах Крижанича и их теоретическом обосновании, имела отчетливо выраженную классовую ориентацию. Вот почему М. Франчич отвел большую часть главы «Общество — классы — экономика» определению социальной позиции Крижанича.

Еще сравнительно недавно высказывались весьма различные суждения по этому поводу, начиная с утверждений о том, что Крижанич «ориентировался явным образом на боярско-княжескую феодальную аристократию»⁸, вплоть до объявления Крижанича идеологом «нарастающей буржуазии»⁹. Однако, вопреки этим крайностям, все более пробивает дорогу мнению, согласно которому Крижанич, «будучи дворянином по происхождению, защищал существующий общественный порядок и исходил из сохранения феодальных отношений как необходимой предпосылки всей его концепции»¹⁰.

⁷ Л. М. Мордухович. Философские и социологические взгляды Ю. Крижанича. Краткие сообщения Института славяноведения, 1963, № 36, стр. 73.

⁸ П. П. Епифанов. Происки Ватикана в России и Ю. Крижанич. «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 29.

⁹ Л. М. Мордухович. Антифеодальная концепция Крижанича. Краткие сообщения института славяноведения, 1958, № 26, стр. 43.

¹⁰ J. Šidak. U povodu 350-godišnjice rođenja J. Križanića. Historijski zbornik XXI—XXII, 1968—1969, s. 695. Ср. также: A. Angyal. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961, S. 115.

М. Франчич поддерживает и развивает это мнение, анализируя привилегии, предоставляемые по проектам Крижанича дворянскому сословию, отмечая содержащиеся в этих проектах ограничения прав горожан и, наконец, подчеркивая, что Крижанич считал необходимым сохранить в России крепостное право (стр. 88—92).

Несколько менее точно излагает М. Франчич отношение Крижанича к высшим слоям феодального класса, игнорируя те антибоярские высказывания, которые часто встречаются в его сочинениях¹¹. Но в целом определение концепции Крижанича как «феодального абсолютизма», отличающегося от «монаршего абсолютизма» в странах Западной Европы тем, что классовой опорой его являлось исключительно дворянство (стр. 121), несомненно соответствует истине.

Меньше удалась М. Франчичу глава о национально-патриотических взглядах Крижанича. Описывая положение славянских народов в XVII в. и справедливо отмечая существование у каждого из них «различных, а часто и противоположных национальных интересов» (стр. 117), М. Франчич отступает при этом от провозглашенного им принципа — судить о взглядах людей того времени с учетом особенностей их эпохи. А одной из таких особенностей было распространение идеи «славянского единства»¹², представлявшейся тогдашним людям более или менее реальной. Поэтому с утверждением М. Франчича о том, что «славянская идея» Крижанича была «совершенно оторвана от действительности» (стр. 124), никак нельзя согласиться. К тому же и содержание этой идеи М. Франчич передает не совсем точно, приписывая Крижаничу мысль «о едином великом государстве примирившихся друг с другом славян» (стр. 125), тогда как Крижанич избегал суждений о формах политического развития освободив-

¹¹ А. Л. Гольдберг. Ю. Крижанич о русском обществе середины XVII в. «История СССР», 1960, № 1, стр. 76—78; A. L. Goldberg. J. Križanić i Rusija. Historijski zbornik XXI—XXII, 1968—1969, s. 271.

¹² М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников. Sbornik práce I sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, sv. II, Praha, 1932, s. 385; F. Wollman. Tak svana idea slovanské vzájemnosti v slovanských literaturách do XVIII st. Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1958, s. 278—282. А. Л. Гольдберг. Идея «славянской взаимности» в сочинениях Крижанича. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 376.

шихся от чужеземной зависимости славянских народов и был убежденным противником «сверхгосударств»¹³.

Издавая взгляды ученого хорвата, М. Франчич достаточно трезво судит о знакомстве русских современников Крижанича с его сочинениями, не отметив лишь, что в тобольском окружении Крижанича его взгляды получили некоторое распространение¹⁴. В рецензируемой книге справедливо отвергнуты необоснованные предположения некоторых авторов о том, что содержание тобольского сборника Крижанича стало известно московским правителям и «могло найти отражение в практике государственных деятелей»¹⁵, оказав прямое влияние на реформы Петра I¹⁶. Подвергая критике подобные суждения, М. Франчич напоминает, что рукопись «Политики» не была окончена и поэтому не была доступна окружению московского царя (стр. 59).

Вообще, в отличие от многих своих предшественников, допускавших произвольное толкование взглядов и поступков Крижанича, М. Франчич почти во всех случаях строго придерживается исторических фактов. Едва ли не единственным исключением является неоднократно повторяемое им утверждение о «близком знакомстве» Крижанича с виднейшим русским политическим деятелем того времени А. Л. Ординым-Нащокиным. Исходя лишь из «сходства их взглядов» и не опираясь на какие-либо документальные источники, М. Франчич не

только с уверенностью говорит о связях Крижанича с Ординым-Нащокиным, но и пытается реконструировать содержание их разговоров (стр. 36—37, 97). Между тем, сходство это объяснялось в большинстве случаев объективными условиями тогдашней русской действительности, и к тому же его не следует преувеличивать, ибо внешнеполитические планы Крижанича, вопреки уверениям М. Франчича, отнюдь не совпадали с программой Ордина-Нащокина. Ничем не подтверждено и предположение Франчича о личном знакомстве Крижанича с польским писателем Ш. Старовольским (стр. 53).

Эти частные недостатки не могут изменить общей положительной оценки книги М. Франчича, представляющей собой несомненный шаг вперед по сравнению с прежними монографическими исследованиями политических взглядов Крижанича¹⁷. Вместе с тем она открывает собой новую страницу в деле изучения Крижанича польскими историками, опубликовавшими до этого лишь небольшие статьи о жизни и деятельности ученого хорвата¹⁸. Между тем предстоит решить еще много важных проблем, относящихся к пребыванию Крижанича в Польше, к его знакомству с польской литературой и — самое главное — к оценке им тогдашней польской действительности и места Польши в освободительной борьбе славянских народов. Книга М. Франчича закладывает серьезный и прочный фундамент для этих будущих исследований.

¹³ I. Golub. J. Kržanić. O tristo-
desetoj godisnjici rođenja. Marulić. Hrvatska književna revija. 1969, № 2, s. 72;
J. Šidač. J. Kržanić i značenje njegova djela. Nastava povijesti, 1972, № 2, s. 49—50.

¹⁴ Е. Дергачев-а-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965, стр. 44—48.

¹⁵ J. Badalić. J. Kržanić — preteča I. T. Posoškova. Radovi Zavoda za slavensku filologiju. Zagreb, 1963, t. 5, s. 23.

¹⁶ J. Lavrin. Yury Krizbanich. Russian Review, 1966, № 4, p. 379.

А. Л. Гольдберг

¹⁷ М. В. Вујућ. Крижанићева Политика. Београд, 1895; В. Е. Вальденберг. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912; Б. Д. Дацик. Юрий Крижанич. М., 1946.

¹⁸ W. Wilijński. Kržanić a Polska. «Przegląd Powszechny», 1929, t. 184, № 550, s. 61—86; V. Frančić. Juraj Kržanić — život i djelo. Sprawozdania z prac naukowych wydziału I PAN, 1969, z. 1, s. 1—13.

ПРОСВЕЩЕНИЕ — РОМАНТИЗМ (Новейшие польские исследования)

На VII международном съезде славистов (Варшава, 1973) проблемы романтизма, его генезиса, национальной специфики, связей с другими эпохами находились в центре внимания. Особенно тесно связан предромантизм XVIII в. и романтизм с предшествующей эпохой Просвещения — и в своем развитии (передко

неосознанном) отдельных ее художественных достижений, и в своем творческом противопоставлении ей. Видное место было отведено Просвещению и на проходившем весной 1972 г. в Москве советско-польском научном симпозиуме «Польский романтизм и восточнославянские литературы», организованном Ин-

ститутом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом литературных исследований Польской академии наук¹.

В народной Польше исследования просветительской проблематики приобрели широкий размах, они связаны прежде всего с «вроцлавской школой», созданной проф. Т. Микульским. Один из ведущих представителей этой школы, профессор Вроцлавского университета М. Климович, написал историю польской литературы эпохи Просвещения² — первый монографический труд, обобщающий достижения современной польской науки, где особое место принадлежит открытиям самого автора — видного исследователя театра, художественной прозы и культурной жизни Польши XVIII в.

Следует отметить удачную композицию обширного и сложного материала. Книга открывается анализом социально-политической, общекультурной и литературной ситуации раннего Просвещения (1730—1764). Привлекая необходимый идейно-философский, социально-экономический и историко-культурный материал, автор проследивает его качественные — в сопоставлении с предшествующим периодом — изменения в Западной Европе и их трансформацию на польской почве, где в силу неразвитости национальной буржуазии ведущей политической силой была и оставалась шляхта. Новые идеи, идеалы и коллизии, привносимые в общественную жизнь и искусство третьим сословием на Западе, в Польше адаптируются, прививаются и пропагандируются шляхетскими идеологами Просвещения, становясь органичной частью новой концепции национальной идеологии и культуры (II глава, где освещается период 1765—1787 гг.) Рассматривая явления польского искусства в их обусловленности спецификой идейно-политической борьбы сторонников преобразований с защитниками старого, М. Климович проследивает зарождение и развитие просветительской литературы в Польше, выделяя классицизм (II глава), рококо и сентиментализм (III глава). Эти направления анализируются на общеевропейском фоне и во взаимосвязи с инспирирующими их общественно-политическими центрами и меценатством. Автор чутко улавливает зарождение предромантических веяний. Особо следует подчеркнуть то внимание, которое на протяжении всей работы уделяется литературно-эстетической мысли эпохи. Это в немалой сте-

пени способствует воссозданию объективной картины идейно-художественного мировосприятия XVIII в.

В заключительной главе рассматривается литература 1787—1795 гг. Отмечая насыщение литературы гражданственно-политической проблематикой, характерной для периода обостренной идеологической борьбы, автор делает и ряд интересных наблюдений над художественными особенностями (роль барокко, использование фольклора, преобразования классицизма). Особое внимание — и вполне закономерно — уделяется театру и драматургии, стремительно развивающейся и получающей широкое распространение. К числу несомненных заслуг автора следует отнести и введение раздела, посвященного мемуарной литературе, причем не только польской, но и иностранной, о Польше. Благодаря этому историко-литературный фон и интерпретационный слой обретают объемность: эпоха и ее свершения предстают не только так, как узрели ее потомки, но и так, как видели ее свидетели и участники описываемых событий.

М. Климович замыкает эпоху Просвещения 1795 годом — соответственно периодизации Т. Микульского. Следует отметить, что в настоящее время не все разделяют эту точку зрения³. Проблема периодизации настолько же сложна, насколько и условна. Думается, что все зависит от выбранного аспекта исследования⁴. С точки зрения социально-исторической, судеб государства, периодизация М. Климовича вполне закономерна. Однако, если взглянуть на развитие литературы в аспекте исторической поэтики, то окажется, что просветительский тип литературы и свойственные ей направления (классицизм, сентиментализм, рококо) были преобладающими вплоть до конца 20-х годов XIX в. Это ощущали и сами современники: например, в статье «О критиках и рецензентах варшавских» (1829) Мицкевич писал о явном и несомненном преобладании «старой» литературы и «старых» литературных вкусов.

В целом труд М. Климовича предстает как ценный опыт создания обобщенного образа эпохи, который, учитывая место и роль польской литературы в славянском мире, представляет несомненный интерес также и для зарубежных славистов.

В наше время пересматриваются взгляды на инациональные связи польской литературы и культуры XVIII в. Наряду

¹ Материалы симпозиума изданы отдельной книгой: «Польский романтизм и восточнославянские литературы», М., 1973.

² M. K l i m o w i c z. *Oswiecenie*. Warszawa, 1972 (wyd. 2—1975). Кроме того, в сб. «Polska w erze Oswiecenia» (Warszawa, 1971) опубликовано его исследование «Problemy literatury».

³ Ср. А. В. Л и п а т о в. Проблемы периодизации литературы польского Просвещения. «Советское славяноведение», 1971, № 3; е г о ж е. Периодизация литературы польского Просвещения. Там же, 1972, № 6.

⁴ Ср. А. L i p a t o w. *Kalendarze literatury*. «Teksty», 1973, № 3.

с французскими все большее внимание уделяется изучению польско-английских связей. В этом плане, после литературоведческих исследований М. Шийковского и З. Синко, фольклористических — Ч. Хэрнаса, несомненный интерес представляет книга профессора Лодзинского университета З. Либишовской «Польская жизнь в Лондоне XVIII века»⁵.

Английские вкусы и мода, увлечение английской литературой, искусством, архитектурой, наконец, сам интерес к Англии у просвещенных поляков, знания о ней приносили не некие безликие «влияния» и «вливания», а конкретные люди. Кто они, как и почему попали в Англию и чем там занимались — эти вопросы освещает книга З. Либишовской, предназначенная для литературоведов, историков культуры и социологов.

На основе документальных данных автор описывает торговые и политические связи Польши с Англией. Во времена Станислава Августа в Лондоне действовало постоянное дипломатическое представительство Польши, что было редкостью. Помимо дипломатов в Англию приезжали польские ученые, а также путешественники, охваченные манией заграничных вояжей, о которой столько писали польские просветители. З. Либишовскую интересует отношение англичан к полякам и характер английского общественного мнения по вопросу о Польше. Собранные конкретные данные, описание быта и нравов — наиболее ценная, привлекательная часть книги. Некоторые обобщения исторического характера, равно как и интерпретация отдельных исторических событий, вызывают сомнения. Это прежде всего относится к разделу «Мог ли Уильям Питт спасти Польшу?», где автор видит прошлое в соответствии с его трактовкой историками позитивистской школы в XIX в. Ценность исследования З. Либишовской определяется прежде всего тем новым, что оно ввело в научный оборот. Итак, представления поляков об Англии и англичанах были весьма обширными и, оказывается, отнюдь не всегда проникали благодаря французскому или немецкому посредничеству.

По-видимому, поляки XVIII в. довольно хорошо представляли себе и что такое знаменитый английский сплин.

Если бы не услаждал ваш нектар
мой труд,

И не развешивал меня
временами ваш гомон,
То, может быть, я бы давно
по-английски со скуки
Пальнул себе в лоб,

писал в 1778 г. Ф. Д. Князьнин. Ему посвящено исследование Т. Косткевичевой «Князьнин как лирический поэт»⁶. Эта книга вышла в известной серии «Из истории художественных форм в польской литературе», издаваемой Институтом литературных исследований. Ее автор — до недавнего времени преподаватель кафедры теории литературы Варшавского университета, а ныне научный сотрудник Института литературных исследований — в своих публикациях удачно сочетает мастерство владения современными методиками анализа художественных явлений с навыком углубленного историко-литературного синтеза. Книга является своего рода продолжением предыдущей работы Т. Косткевичевой — «Модель сентименталистской лирики в творчестве Ф. Карпньского» (1964). Оба исследования составили своеобразную монографию зарождения и расцвета лирических жанров того направления в польской просветительской литературе, которое предвещает и подготавливает эпоху великих романтических переломов. Поэтому работы в равной степени интересны для тех, кто занимается и романтизмом и древней литературой, ибо исследуемая проблематика рассматривается Т. Косткевичевой в общем контексте литературного процесса.

«Князьнин как лирический поэт» — не традиционная монография жизни и творчества, а исследование формирования и эволюции типов художественного видения во взаимосвязи с соответствующими им формами литературного воплощения. Успешная реализация такой исследовательской цели зависит от широты охвата как фактографической, так и сугубо теоретической и эстетической стороны привлекаемого материала. Исследуя тип лирики Князьнина, Т. Косткевичева заостряет внимание на следующих пунктах: выявление идеалов Князьнина, его представлений о поэзии на основе высказываний, замечаний, суждений, признаний, заключенных в художественных текстах; сопоставление различных вариантов стихов с изменениями в сфере художественной семантики; исследование поэм в соответствии с жанровыми традициями; анализ поэтики стихов на случай; анализ интимной лирики. Закрывает книгу раздел «Категория автора в исследовании поэтики лирических произведений», представляющий общетеоретический интерес. Думается, что исследование значительно выиграло бы, если бы открывалось этим разделом, который вводит в теоретическую сущность примененной методики и способствует более адекватному восприятию специфики применяемых инструмен-

⁵ Z. Libiszowska. Życie polskie w Londynie w XVIII wieku. Warszawa, 1972, s. 312.

⁶ T. Kostkiewiczowa. Książnik jako poeta liryczny. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1971, 200 s.

тов анализа и самой логики исследования. Одним из стержневых моментов концепции автора является интересный опыт раскрытия сущности лирического творения как самостоятельной художественной системы, обусловленной внутренними закономерностями структуры собственно языкового характера — с одной стороны, как явления определенной фазы истории литературного процесса с другой, и, наконец, с третьей — как продукт творческой биографии данного художника. Этим трем сферам бытия и обусловленности лирического творения соответствуют (и отражают их) три аспекта анализа единого целого. Основными категориями анализа выступают: повествователь, повествование и его адресат, организующие художественную ткань.

Исследовательское предложение Т. Косткевичовой в отношении лирики близко концепции исследования художественной прозы М. Гловиньского «Роман Молодой Польши»⁷. Т. Косткевичова пришла к этой концепции своим путем, учитывая специфические особенности и своеобразие выбранного ею объекта исследования. (Здесь автор критически использует и развивает некоторые положения Я. Славиньского и Э. Бальцежана.) Аналитический материал отдельных глав, отражающий метаморфозы творчества Князьина (рококо, сентиментализм, элементы предромантизма), — свидетельство плодотворности теоретических предложений польской исследовательницы, чей труд был отмечен академической премией им. Т. Микульского.

Среди новейших работ, посвященных преемственности традиций и связям романтизма с предшествующими эпохами, привлекает внимание книга научного сотрудника Института литературных исследований, преподавательницы Люблинского университета А. Витковской «Славяне, мы любим селянку...»⁸. Наши литературоведы знают А. Витковскую, в частности, по ее докладу «Человек-славянин в творчестве А. Мицкевича», вызвавшему большой интерес на упомянутом симпозиуме.

Название книги — слова одного из персонажей третьей части «Дядюв» Мицкевича, что указывает на проблематику одного из давних национальных мифов, а также жанров. Селянкой древнепольские поэты называли свой национальный вариант европейской идиллии.

А. Витковская, останавливаясь на особенностях жизни предков в праславянские времена, видит в них истоки выступающего в польской селянке славянско-

го идеала сельской жизни, спокойной и гармоничной, далекой от воинственности и суесть большого мира. Автор прослеживает судьбы этого идеала во взаимосвязи с судьбами народа вплоть до эпохи романтизма. Применение антропологической методики в такого рода исследовании оказалось весьма плодотворным. Это относится и к концепции генезиса селянки как литературного жанра: специфика жизни славян и порожденная ею славянская мифология обусловили характер художественного творчества, и в частности — появление селянки. Особую ценность представляет проведенное А. Витковской исследование роли селянки (как определенного мифа, жизненного идеала) в истории общества, в формировании национального характера, национальной психологии, национальных обычаев и образа жизни времен новой истории.

Следует отметить, что в Польше впервые серьезно обратились к национальной мифологии просветители. Здесь — в фольклоре, обрядах, крестьянских верованиях и быте — искали они подлинно национальную специфику культуры, исчезнувшую в шляхетской и мещанской среде после введения христианства и проникновения западноевропейских (прежде всего) мод и образцов. Поиски истоков национальной культуры в эпоху Просвещения, увлечение фольклором приобретало и явно выраженный идейно-политический характер: это было самоутверждение национального своеобразия перед лицом угрозы извне. После ликвидации польской государственности отстаивание национальной культуры приобрело особое значение и высокий смысл.

А. Витковская верно отмечает, что в этих условиях давний миф сельской идиллии, поддерживаемый варшавскими классицистами, постепенно начинает вытесняться идеей поисков нового и борьбы. Этот новый зарождающийся национальный миф борьбы возник в эпоху первых польских конспираторов и легионов Домбровского, в эпоху наполеоновских войн и последовавшей за ними переоценки ценностей. Этот миф возник в кругу романтизма и создавался романтиками, которые выискали селянку — миф предшествующих поколений, обращаясь к другим традициям прошлого — традициям рыцарства, национальных войн и ратных подвигов.

Ценная работа А. Витковской представляет интерес для литературоведов и историков культуры. Она может оказаться весьма полезной для широкого круга специалистов и с точки зрения плодотворности применения антропологических методов в литературоведческих и культурно-исторических исследованиях.

Польский романтизм наряду с русским — крупнейшее явление в славянских литературах, значение которого выходит за рамки славянского мира. Среди

⁷ А. В. Л и п а т о в. Роман Молодой Польши в аспекте исторической поэтики. «Советское славяноведение», 1973, № 2.

⁸ А. W i t k o w s k a. Słowianie, my lubim sielanki... Warszawa, 1972, 191 s.

новейших исследований сборник «Проблемы польского романтизма»⁹ привлекает внимание характером разработки научно-актуальных вопросов, направленностью поисков и масштабностью решений. Значительнейшие явления общественной жизни, национальной истории, мировоззрения и психологии рассматриваются здесь в их преломлении сквозь призму творческого восприятия — в конкретных произведениях известных художников. Причем — что особенно важно — исследуемые проблемы рассматриваются не только во всей их сложности, но и предстают в последовательности своего появления, детерминизме связей, социально-исторической обусловленности и эволюционности своего бытия. Сам романтизм по праву трактуется весьма обширно: не только как литературное направление, но и как мировосприятие, идеология, наконец, своеобразный стиль жизни.

Исследования, составляющие книгу, характерны тенденцией к целостному, монографическому отражению проблемы, являя собой обобщения, основанные на анализе отдельных тенденций, явлений, а также конкретных произведений и воззрений их авторов. Как заслугу следует отметить обращение к творчеству не только ведущих представителей эпохи. Идеи и культурная атмосфера того времени, определенные настроения и реакции формировались и обуславливались отнюдь не только творениями поэтов-«пророков» (*wieszczów*). Понять сущность происходившего можно лишь привлекая по возможности максимум материала, учитывая всю сумму идейно-художественных ценностей. Только при таком условии выявляются существующие в этой сумме пропорции, внутренние взаимосвязи.

Книга открывается исследованием А. Витковской «Романтический народ: поражение и триумф». Эта работа, как и исследование одного из крупнейших специалистов в области романтизма проф. М. Янион «Романтические видения революции», является ценным опытом дифференциации идейных концепций и их эволюции у крупнейших представителей эпохи. К. Кшемениова в статье «За новую цивилизацию» анализирует концепции молодой романтической критики (Мохнацкий, Островский, Жуковский). Проф. М. Жмигродзка в статье «История и романтическая этика» на примере произведений Мицкевича и Словацкого показывает специфику романтического отношения к истории и ее философско-эстетическую интерпретацию. Интересный анализ польского мессианизма содержит работа А. Сикоры «Две позиции мессианизма», где рассматривается наследие

Ю. М. Хозна-Вроньского и А. Товяньского в сопоставлении с обширным европейским материалом. В исследовании М. Пивиньской «Бог утраченный и бог обретенный» вскрывается специфическая роль религии в воззрениях польских романтиков, их трактовка бога и идейно-философские последствия такого рода воззрений. Х. Капалусь («Романтизм и фольклор») рассматривает роль фольклора в творчестве польских романтиков, их отношение к различным его жанрам, а также выявляет те регионы, народное творчество которых вызвало особый интерес писателей. Автор известных работ из области социологии литературы Я. Каминкова в статье «Романтический обычай» занимается исследованием институтов культурной и литературной жизни, нормами и этикетом, идеалами личности в эпоху романтизма.

В кратком обзоре невозможно подробнее остановиться на каждой из работ, составивших сборник, хотя все они выполнены на высоком научном уровне и разрабатывают актуальнейшие проблемы, которые могут заинтересовать не только полонистов, но и более широкие круги литературоведов. Характерной чертой составивших книгу исследований является рассмотрение сугубо польских вопросов в сопоставлении с соответствующей общеевропейской ситуацией, а также — что с этим связано — выявление национально-исторической специфики определенных фактов, понятий, веяний, тенденций, встречающихся не только в Польше и не только в эпоху романтизма. Тем самым достигается определенная концептуальная целостность книги, созданной разными авторами. Целостность эта, естественно, не означает полноты охвата романтической проблематики. Редколлегия в кратком вступительном слове отметила: эта книга «не претендует на обобщение — мы думаем, что она прокладывает ему дорогу». Характер и объем того нового, что приносит эта книга, позволяют считать эту оценку чересчур скромной. Собранные здесь исследования не только прокладывают путь будущему синтезу — они его начинают.

Следует отметить еще один аспект исследований, связанный с проблематикой народной культуры как одного из источников формирования польской литературы на национальном языке. Народной культуре XVII и XVIII вв. посвящена новая работа Б. Барановского¹⁰. В начале этого периода постепенно вырисовывается тенденция к проникновению народной культуры в «официальную» литературу не только в сфере языка, но и тематики. Со второй половины XVIII в. эта культура играет важную роль в историогра-

⁹ «Problemy polskiego romantyzmu». Ser. 1. Red. M. Żmigrodzka i Z. Lewińska. Wrocław etc., 1971.

¹⁰ B. Baranowski. Kultura ludowa XVII i XVIII w. na ziemiach Polski Środkowej. Łódź, 1971, 478 s.

фии и идеологии, что получает художественное отражение в литературе эпохи Просвещения. Именно в этот период в исторических трудах первого поэта польского Просвещения А. Нарушевича вырисовывается концепция, согласно которой народная культура сохраняет и отражает подлинно национальные первоосновы истории, культуры, искусства, исчезнувшие из сознания образованных сфер в результате принятия христианства. Эта концепция получает дальнейшее развитие во времена романтизма в историографии (И. Лелевель) и художественном творчестве. В этот период, когда Польша была стерта с политической карты Европы, интерес к национальному прошлому, изучение фольклора и народного искусства были отражением патриотических устремлений сохранить национальное самосознание, обосновать и укоренить идею самобытности и великого прошлого независимой Польши. В этой атмосфере и в кругу этих идей возникли творения Мицкевича, Словацкого, Красиньского, Норвида, поэтов «украинской школы» и других художников слова первой половины XIX в. Серьезная и объективная интерпретация их творений невозможна без глубокого познания непосредственных источников — народной культуры XVII—XVIII вв., ибо именно здесь таятся истоки многих романтических мифов, идей, представлений, ставших органичной частью патриотической идеологии, воплощенных в произведениях, которые в условиях национального угнетения были учебниками отечественной истории, библией гражданственности, школой жизненных идеалов.

Книга историка и этнографа Б. Барановского представляет интерес в равной степени как для историков, социологов, этнографов, так и для искусствоведов, литературоведов, фольклористов. Автор привлекает внушительный документальный материал (судебные протоколы, мемуары, реестры, сообщения, заметки иностранцев, посетивших Польшу), удачно избегая как заманчивых априорных выводов, так и односторонности суждений. Методологически оправданной является проводимая Б. Барановским социальная дифференциация народной культуры и ее творцов — крестьян, горожан и деклассированных элементов (из последней группы в значительной степени выходили совицкжалские авторы). Существенным является выделение момента театральности народной культуры, стремления к зрительно-слуховым эффектам действия, где проявляются вкусы, идеи, воззрения, как и сам тип их социального функционирования. Привлекает внимание анализ духовного склада, психики, типа восприятия и творчества человека минувших времен. Автор убедительно показывает зарождение среди простого люда патриотических чувств, усиление которых

было связано со шведским «потопом», столкновениями с саксонскими войсками. Конкретно-исторический подход к исследованию документальных источников позволяет автору показать специфику народной культуры XVII—XVIII вв., вскрыть ее связи с культурой как предшествующих, так и последующих эпох.

В последние четыре года появился ряд новых исследований, связанных с обширной проблематикой Просвещения и романтизма. Например, две книги — «Преображения Барской традиции» и «Свое и чужое в истории польской культуры»¹¹ — связаны с деятельностью группы психосоциологии литературы, руководимой З. Стефановской (Институт литературных исследований). Эти работы привлекают внимание не только широтой поставленной проблематики и ее научно-общественной актуальностью (закономерности формирования национального самосознания польского народа, культуры и литературы, а в этой связи — характер взаимосочетания местных и общеевропейских тенденций, наследия прошлого и современности), но и как опыт комплексного исследования общественно-исторических, социально-психологических и культурно-художественных процессов.

В 1973 г. вышел коллективный труд «Проблемы польской литературы эпохи Просвещения»¹² под редакцией известного п у нас текстолога, заведующего сектором древнепольской литературы и Просвещения (ИЛП) З. Голиньского. Это издание выделяется как широтой рассматриваемых вопросов, так и новизной обобщений, основанных на обширном историко-литературном материале. Определенное представление о характере тома дают уже сами названия составляющих его исследований, написанных такими видными специалистами, как Р. Калета («Место и общественная функция литераторов в эпоху Просвещения»), Ю. Щепанец («Роль печатного дела в литературной жизни польского Просвещения»), З. Сянко («Главные пути и тенденции восприятия западноевропейских литератур в литературе польского Просвещения»), Я. Зентарская («Просветители о роли переводов»), З. Копчиньская и Л. Пцоловская («Развитие национального языка и развитие литературных форм в эпоху Просвещения»), Т. Косткевичова («Сентиментализм в литературе польского Просвещения»). С точки зрения исследовательских подходов и методики разработки отдельных проблем этот труд может привлечь внимание не только наших колони-

¹¹ «Przemiany tradycji Barskiej». Kraków, 1972; «Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej». Warszawa, 1973.

¹² «Problemy literatury polskiej okresu Oświecenia». Pod red. Z. Golińskiego. Wrocław etc., 1973.

стов, но и историков культуры, социологов, специалистов по вопросам типологии и литературных связей, языка и поэтики.

В 1974 г. вышел второй том «Проблем польского романтизма» под редакцией М. Жмигродзкой¹³. (Авторский коллектив: М. Яшион, М. Пивиньская, Я. Камионкова, Р. Пшибыльский, Х. Круковская, А. Ковальчикова, Ю. Бахуж, М. Жмигродзкая.) Представленные здесь работы, свидетельствуя о дальнейшем развитии исследований романтизма в Польше, в то же время — в сопоставлении с первым томом — отражают существенное расширение как самой тематики, так и научного диапазона.

В конце 1975 г. появилась книга Т. Косткевичовой «Классицизм, сентиментализм, рококо. Очерки о литературных направлениях польского Просвещения»¹⁴. Этот фундаментальный труд талантливой исследовательницы, чьи работы давно уже привлекают внимание отечественных и зарубежных славистов, является интереснейшей попыткой переосмысления художественных явлений

века «интеллектуального переворота» в категориях современной литературоведческой науки. При этом автор, рассматривая литературу как составную часть общественно-исторической реальности и связанного с ней типа культуры времен Просвещения, стремится к выявлению особенностей художественного восприятия, специфического для эпохи, являющегося ее плодом и отражающего ее особенности — научно-мировоззренческие, социальные, общекультурные и художественно-эстетические. Великолечно изданная (следует отдать должное издательству ПВН!), эта книга должна стать предметом особого разговора: думается, что ее аналитические выводы, характер обобщения, а в равной степени и теоретический аспект исследования заслуживают нашего особого внимания в связи с разработкой советскими учеными проблем славянского Просвещения и подготовки «просветительского» тома «Истории всемирной литературы».

Рассмотренные здесь работы далеко не исчерпывают исследований польских славистов в области Просвещения и романтизма. Этот обзор фиксирует лишь некоторые избранные моменты, в которых отражено разнообразие поисков, открытий и некоторых методологически новых предложений видных польских ученых.

А. В. Лунатов

Н. Н. ГРАЦИАНСКАЯ. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. «Наука», 1975, 174 стр.

Предметом своего исследования Н. Н. Грацианская избрала одну из исторических областей Чехословакии — Моравию. Историческое прошлое Моравии, своеобразная культура ее населения дает право автору рассматривать Моравию отдельно от Чехии. Для этнографа область Моравии особенно интересна тем, что здесь на сравнительно небольшой территории возник ряд этнографических групп, которые сохраняют свои специфические языковые и культурные особенности до сих пор.

Опираясь на существующую этнографическую и лингвистическую литературу, этнографические материалы, публикуемые в современных региональных журналах Моравии, а также на собственные полевые материалы, собранные во время пребывания в Чехословакии в 1956 и 1967 гг., автор монографии делает попытку рассмотреть историю возникновения, специфику культурных традиций, становление самосознания и тенденцию развития на современном этапе трех крупных этнографических групп, образовавшихся внутри чешского народа на территории

Моравии, — ганаков, моравских валахов и моравских словаков. Указывая на особенности культуры населения этих групп, автор на протяжении всей работы подчеркивает, что культура Моравии является составной частью культуры всего чешского народа.

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Во «Введении» автор касается определения понятия этноса и этнических признаков в советской и зарубежной историографии. В польской историографии при определении региональных групп употребляется разными учеными два термина — «этническая группа» и «этнографическая группа», в чехословацкой и советской — «этнографическая группа». Во введении автор дает критический разбор важнейших работ по отдельным этнографическим областям Моравии, опубликованных с конца XIX в. по настоящее время. Н. Н. Грацианская выступает с критикой «племенной» теории происхождения моравских этнографических групп и областей, выдвинутой в конце XIX в. основателем этнографической науки

в Моравии Ф. Бартошем, который первым попытался определить границы этнографических регионов Моравии. Точка зрения Ф. Бартоша оказала большое влияние на методику последующего этнографического изучения Моравии. Вслед за ним большинство исследователей стали отождествлять региональные этнографические области с областями расселения древних моравских племен. Сторонником этой точки зрения был и один из крупнейших чешских ученых начала XX в. Л. Нидерле. «Племенная» теория принялась почти всеми учеными периода буржуазной Чехословацкой республики. Из чехословацких ученых-марксистов первыми выступили против этой теории Ф. Достал и Л. Госак. В своих исследованиях они пришли к заключению, что региональное деление Моравии произошло гораздо позже, в период феодализма, и было связано с природно-хозяйственными зонами и историческими условиями.

В первой главе «Краткая этническая история Моравии» автор на основе письменных источников и последних достижений историографии, а также новейших археологических изысканий дает этническую историю Моравии с древнейших времен до настоящего времени. Большое внимание уделено истории Великоморавского государства — одного из первых славянских государств, центром которого наряду с западными районами современной Словакии была область современной Моравии. Касаясь вопроса характера Великоморавского государства и формирования единой народности, который длительное время — с 50-х годов до настоящего времени — является дискуссионным, автор в своих выводах присоединяется к исследователям, считающим Великоморавскую державу раннефеодальным государством, в рамках которого в IX в. начался процесс консолидации единой народности. С распадом Великоморавской державы развитие моравской народности было прервано. Область современной Моравии вошла в XI в. в состав чешского раннефеодального государства, в котором с развитием феодальных отношений на базе чешских племен и мораваев начала формироваться чешская народность. Население восточных областей Великой Моравии явилось составной частью словацкой народности, начавшей формироваться в пределах раннефеодального венгерского государства. Другим важным этапом в этнической истории Моравии автор считает период с XVI в., когда Моравия как одна из коронных земель чешского государства вошла в состав Австрийской монархии Габсбургов. И чехи Моравии оказались в положении угнетенной нации. В этот период в результате политики германизации, проводившейся венским двором в Чешских землях и особенно в Моравии, тормозилось развитие чешской

народности. Следующим важным этапом, по мнению автора, была эпоха национального Возрождения и национального движения. Борьба за равноправие чешского языка и самобытную культуру способствовала сплочению самых широких слоев Чехии и Моравии. Автор отмечает большую роль великоморавской традиции в становлении чешского национального самосознания. В этот период осознание принадлежности к чехам у жителей Моравии еще более укрепилось.

Во второй главе «Моравские диалекты чешского языка. Локальные группы населения» говорится о времени появления диалектных различий и причинах сбособления этнографических групп населения Моравии. На основе лингвистических данных автор приходит к выводу, что возникновение диалектных различий в Моравии не было связано с ее древним племенным делением. Они возникли позднее, вероятно, в период феодальной раздробленности. Доказательством этого может служить сравнение моравской карты диалектов Ф. Травничка с картой феодальных владений Моравии XII в., которые во многом совпадают. Автор считает, что к феодальному периоду относится и начало возникновения моравских этнографических групп, а поскольку границы моравских диалектов в целом совпадают с границами этнографических групп, то, по его мнению, можно предполагать, что процесс формирования последних проходил одновременно с процессом образования диалектов, хотя первые письменные сведения об этнических группах в Моравии относятся к значительно более позднему времени, ко второй половине XVI в.

В последующих главах освещаются особенности материальной и духовной культуры, культурные традиции и тенденции развития в современной социалистической Чехословакии трех основных этнографических групп Моравии: ганаков (третья глава), моравских валахов (четвертая глава), моравских словаков (пятая глава). При исследовании каждой этнографической группы дается исторический экскурс, границы ее расселения, анализируется хозяйство и занятия населения, дается описание планировки поселений и жилищ (жилые и хозяйственные постройки), пищи, народной одежды (мужского и женского костюма, обуви, головных уборов, украшений и т. д.). Рассматриваются общественные и семейные отношения. Большое место занимает описание календарных обычаев и обрядов (рождественские обычаи, празднование масленицы, троицы, храмовых праздников, обходы с масками, колядование, «поезда королей» и т. д.), свадебных обрядов. Исследуется словесный и музыкальный фольклор (народные песни, сказки, анекдоты и т. д.).

В «Заключении» обобщается приведенный в монографии этнографический мате-

риал. Автор делает вывод, что решающая роль в обособлении этнографических групп и формировании их культурной традиции принадлежала экологическим условиям и специфике хозяйства. Если моравские валахи со своим скотоводческим типом хозяйства и культуры появились в Моравии в XV—XVII вв., то культурные традиции моравских словаков имели более древние корни. Они относятся к великоморавскому периоду.

Для Моравии характерно разнообразие традиционной культуры и диалектов. Из четырех групп диалектов, на которые лингвисты делят чешский язык, три группы находятся в Моравии. Чешский литературный язык оказывает большое влияние на моравские диалекты, в результате чего границы диалектов сужаются. Разные хозяйственные и природные условия определили тип поселений и жилища. Региональные отличия касаются строительного материала и функционального использования отдельных частей дома, планировки усадьбы (постройки у моравских валахов были срубными, в Гане и в Моравском Словацке — глинобитные, оштукатуренные с внешней и внутренней стороны). Специфика экономического развития (в Моравской Валахии основной отраслью хозяйства было горное отгонное скотоводство, в Гане — земледелие, в Моравском Словацке — земледелие и виноградарство) наложила отпечаток и на общественный быт населения отдельных этнографических групп. Ганацкие села уже в начале XIX в. с развитием капиталистических отношений утратили следы общинных традиций, у валахов пережитки общинных отношений и патриархальной семьи наблюдались до недавнего времени.

В экономически более развитой Гане многие элементы традиционной культуры исчезли гораздо раньше, чем в сохранявшем аграрный характер Словацке или слабо развитой в экономическом отношении Моравской Валахии, где до настоящего времени сохранились некоторые архаичные элементы народной культуры.

Работа Н. Н. Грацианской представляет большой интерес как для этнографов, так и для историков культуры. В ней собран большой и интересный материал и сделаны заслуживающие внимания наблюдения.

К недостаткам монографии можно отнести имеющиеся повторения. Это прежде всего касается разделов, в которых рассматриваются старые календарные обычаи и обряды. Поскольку у всех этнографических групп Моравии много общего в традиционно-бытовой культуре, то интересно было бы их рассматривать не в каждой главе, а в отдельном разделе. При этом, с одной стороны, показать своеобразие каждой из групп и в целом Моравии, с другой стороны, культурное единство Моравии с остальными областями Чехии и Словакии и другими славянами. Интересно было бы дать этот материал на сравнительном фоне общеславянского характера, что придало бы работе еще большую значимость. Это показало бы общеславянские истоки культуры этнографических групп Моравии.

Думается, что вопроса этногенеза валахов как романоязычного населения южных, центральных и северных Карпат можно было не касаться в данной работе. Эта проблема очень сложная, до сих пор дискуссионная и заслуживает особого исследования.

А. И. Виноградова

Б. М. ГАСПАРОВ, П. С. СИГАЛОВ. *Сравнительная грамматика славянских языков. Отв. ред. проф. А. Е. Супрун.* Тарту, 1974, 496 стр. (Ротапринт)

Первая часть книги, написанная Б. М. Гаспаровым, содержит фонетику, вторая часть, принадлежащая перу П. С. Сигалова, — морфологию. Введение же отсутствует. За сведениями о славянах и славянских языках, о взаимоотношении и классификации славянских языков, о происхождении общеславянского языка и отдельных славянских языков авторы отсылают студентов к «Очерку сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна (М., 1964). Адрес этот точен: в книге С. Б. Бернштейна необходимые сведения содержатся в изобилии. Однако они соответствуют определенной концепции, которая зачастую не совпадает с концепцией наших авторов. Возникают разно-

гласия, в которых вряд ли смогут разобраться студенты, для которых предназначена книга.

Типичным примером такого разногласия является различная трактовка балтославянских языковых отношений древнейшей поры. По С. Б. Бернштейну, это языковой союз, являющийся следствием примерно тысячелетнего контакта между славянскими и балтийскими племенами: прабалтийский и праславянский пережили совместно три-четыре фонетических процесса: утрату слоговости сонантов, изменение [s], переход [m] в [n] в конце слога, начальную стадию изменения согласных перед [j]. В рецензируемой книге говорится об изменениях «в звуковом строе праславянского языка в балто-

славянскую эпоху» (стр. 23). Эта формулировка как будто указывает на сходство языков, но затем допускается возможность генетической близости между прабалтийским и праславянским, и весь ход дальнейшего изложения склоняет читателя к такому именно представлению о балто-славянских отношениях (отметим попутно, что на стр. 329 прямо говорится о балто-славянском языке). В рамках этих отношений рассматривается значительно большее число явлений, чем у С. Б. Бернштейна, и кроме того, говорится о том, что в балто-славянскую эпоху возник импульс к изменению [o] в [a] (в то время как направление процесса в балтийских языках противоположное). Студента приведет также в недоумение расхождение в датировке периода распада праславянского языка на диалекты: у С. Б. Бернштейна аргументированная преимущественно историческими данными дата — рубеж нашей эры, у Б. М. Гаспарова — основанная на лингвистических данных (форма восприятия имени Карл и др.) дата — 7—8 вв. н. э.

В фонетической части рецензируемого труда продолжают и развиваются положительные тенденции сравнительно-исторического изучения славянских языков, которые с особой четкостью проявились уже в упомянутом труде С. Б. Бернштейна и в книге Г. Шевелева¹: усиленное внимание к фонологической интерпретации фактов, стремление рассматривать все без исключения процессы сквозь призму относительной хронологии, представление исторического процесса развития языка в виде последовательной смены различных синхронных состояний. Такой подход обусловил четкое членение «Фонетики» на четыре раздела: I. Звуковой строй индоевропейского праязыка и его соотношение с общеславянской звуковой системой; II. Изменения в звуковом строе праславянского языка в балто-славянскую эпоху; III. История звуковой системы периода ОС единства; IV. Основные этапы развития звуковой системы славянских языков в исторический период.

Каждый из этих разделов, кроме второго, начинается с параграфа, в котором освещается начальное состояние того или иного периода, и завершается описанием картины, к которой привели в конце периода различные фонетические процессы.

В нашем изложении опускаются два начальных раздела: первый — потому, что в нем нет существенных отличий от традиционных представлений (отметим лишь, что автор «Фонетики» принимает ларингальную теорию и учитывает ее достижения), второй же — так как ка-

жется нецелесообразным в рамках краткой рецензии углубляться в избыточную контрверсами балто-славянскую проблему (некоторые противоречия в позиции автора мы, впрочем, уже отметили; добавим еще, что вряд ли закономерно включать в раздел об изменениях, прошедших в БС эпоху, параграф о переходе [s] в [x], поскольку [s] переходило в прабалтийском (причем гораздо менее последовательно, чем в праславянском) не в [x], а в [š].

Третий раздел занимает более половины «Фонетики» (133 из 243 стр.). Все факты, описанные в нем, представлены как проявление двух тенденций общеславянской эпохи — тенденции к восходящей звучности и тенденции к слоговому сингармонизму. Даже процесс перехода [ō] в [ā] и [ō] в [ā] (так называемая первая делабиализация гласных), на первый взгляд не имеющих отношения к указанным тенденциям, оказывается началом одной из них: характерная для БС эпохи тернарная оппозиция гласных по ряду (передний — средний — задний) и по подъему (верхний — средний — нижний) заменяется бинарной (передний — непередний и узкий — широкий), что привело к устранению маргинальных зон артикуляции; «центростремительная» артикуляционная тенденция переходит затем в синтагматический план как характеристика звукосочетаний... описанное явление находится у истоков новой аккомодации, развившейся в ОС языке и типологически реставрирующей ИЕ состояние, полностью утраченное в БС эпоху» (стр. 56). Подобным образом увязываются с какой-либо из упомянутых тенденций все фонетические процессы ОС эпохи, включая такие, как развитие протез (ср. слав. *vudra* — др.-инд. *udrās* 'водяное животное') или распад корреляций гласных по долготе и связанная с ним вторая делабиализация гласных ($\bar{u} > u$, $\bar{y} - \bar{y}$). Более того, по мнению автора, «закон восходящей звучности можно рассматривать как один из источников слогового сингармонизма. Именно этот закон привел к объединению согласных и гласных в пределах слога в целостную структуру, что создало предпосылки к синтагматическому воздействию между ними... приводящему к максимальной аккомодации, устранению „перебоев“ не только по месту образования, но иногда (в наиболее контрастных случаях) и по способу образования (имеется в виду ассимиляция согласных — превращение взрывных в шипящие и свистящие спиранты или аффрикаты)» (стр. 106).

Автор обращает внимание на то, что все изменения, связанные со слоговым сингармонизмом, происходят в пределах слога, сформированного по принципу восходящей звучности: «...имеют регрессивную направленность при воздействии гласного на согласный (и одного соглас-

¹ G. U. Shevelov. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. New York, 1965.

ного на другой) и прогрессивную — при воздействии согласного на гласный. Воздействия в обратном направлении (т. е. через границы слогов, установленные на основании принципа восходящей звучности) обнаруживаются лишь в позднюю эпоху, когда обе тенденции были близки к распаду» (там же).

Далее автор объясняет также, почему тенденция к слоговому сингармонизму действовала исключительно в виде воздействия палатальных звуков на непалатальные (хотя в принципе мог иметь место и противоположный палатализации процесс — веларизация): палатализация полностью согласуется со стремлением устранить маргинальные артикуляции (ср. [s] > [š] и [x] > [š]), а веларизация противоречила бы этому стремлению.

Но можно ли утверждать, что сложное разнообразие фонетических явлений эпохи полностью подчинилось организующей воле автора и приняло неизбежно стройные очертания единой закономерности? На этот вопрос приходится пока ответить отрицательно. Стремясь к максимальному обобщению фактов, автор опустил некоторые подробности, не все звенья сплетенной им цепи доказательств увязал должным образом, оставил место для сомнений.

Начнем с «первой делабализации». Конечно, новые данные, суммированные в сборнике «Общеславянское значение проблемы аканья» (София, 1968), значительно укрепили позицию сторонников тотального ОС перехода ИЕ [ō] в [ā], вторичного (нетотального) перехода [ā] в [ō] и вытекающей отсюда древности восточнославянского аканья. Но причины и условия [ā] > [ō] остаются невыясненными. Автор небрежно обращается с привлекаемыми для доказательства достоверности его суждений фактами балтийских языков: совпадение [ō] и [ā] в литовском произошло только в некоторых диалектах, вообще же ИЕ [ō] > лит. [uo], ИЕ [ā] > лит. [ō], в латышском же ИЕ [ā] вообще сохраняется.

Рассматривая формирование тенденции к восходящей звучности в раннем ОС, автор, естественно, обращается к процессу черерасчленения слогов и упрощения новых консонантных групп (стр. 66—72). Здесь наряду с такими переходами, как [dt] > [st], [tt] > [st], [ps] > [s], [pn] > [n] и под., оказалось необходимым рассмотреть переход [tl], [dl] > [l]. Но выясняется, что этот переход, ввиду того, что в его результатах отразились диалектальные различия, должен быть отнесен к позднему ОС и что «он, в сущности, не связан прямо с правилом восходящей звучности — сочетания взрывных с плавными в принципе не нарушают это правило» (стр. 72). Дальнейшие суждения автора не убеждают нас в том, что [tl], [dl] > [l] связан

с тенденцией к восходящей звучности хотя бы косвенно².

Преобразование консонантных групп привело к тому, что сочетания согласных во всех позициях строились согласно принципу — от спиранта к взрывному и от взрывного к сонорному. Против этого не приходится возражать, ясно также, что ввиду этого не было соблюдения фонетического принципа нарастания звучности (ведь спиранты в целом более звучны, чем взрывные), неясно только, почему упомянутая иерархия именуется «восходящим фонетическим „рангом“» (стр. 73) и «слог в целом оказывается подчиненным единому фонематическому ритму» (стр. 74). Это понадобилось, видимо, лишь для того, чтобы некоторому «сбою» в сфере фонетики противостоял «идеальный порядок» в фонологической сфере.

Плохо укладывается в предначертанную схему относительная хронология йотации согласных различных типов. Не слишком логична допускаемая автором последовательность: прежде всего — [s] > [š], [z] > [ž], ибо [s], [z] близки к [j] по артикуляции; йотация взрывных произошла позже, так как взрывные не похожи на [j] по артикуляции; но изменение [k], [g] в сочетании с [j] произошло все же раньше изменения других взрывных: ввиду того, что они слишком контрастны с [j] (стр. 114) (!?)

Не вполне увязываются с общей тенденцией к слоговому сингармонизму сочетания [tj], [dj]. Автор с трудом соглашается с общепринятым мнением о том, что первоначальной стадией йотации переднеязычных были долгие палатальные взрывные [t̃], [d̃]. Но это состояние не могло быть длительным в условиях сильнейшей общей тенденции к сокращению согласных, следовательно «приходится констатировать, что изменение [tj], [dj] — позднее явление, и если и началось еще в эпоху ОС единства, то непосредственно перед выделением диалектов, в основном же протекало в условиях диалектального дробления, то есть в конце ОС периода» (стр. 116). Но это означает, что переднеязычные взрывные — единственные из всех согласных, на протяжении почти всего ОС периода «устоявшие» против всеобъемлющей тенденции к слоговому сингармонизму.

Не объясняется большая временная дистанция между процессом удлинения [o] и [e] перед слогами с редуцированными [ъ], [ь] и изменением их в [i] в украинском языке. (Между этими про-

² Ср. детальное рассмотрение проблемы в не использованных автором трудах: L. Tesnière. Les diphtonges *tl*, *dl* en slave. RES. XIII, 1933, p. 51—100; A. Furdal. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961, s. 27—31.

цессами — изменение [or], [er] в [ogo] [ere] и падение слабых редуцированных.)

Ряд явлений в третьем разделе совершенно не освещается (например, вопрос о различиях между чешским и словацким языками в области рефлексов ранне-ОС [ort], [olt] и о формах типа *rob* в южнославянских языках), а важнейшая проблема чередования гласных рассматривается недопустимо бегло — на полтора страницах (стр. 169—170).

В четвертом разделе рассматривается развитие звуковой системы славянских языков в исторический период. Ведущим и определяющим процессом этого периода считается, как принято, падение и дефологизация еров. Но в отличие от многих курсов сравнительной грамматики здесь этот процесс связывается с предыдущими тенденциями и трактуется как их продолжение: «Два противоречащих, на первый взгляд, явления создали в совокупности единый импульс развития, обусловивший падение еров: с одной стороны, сращение слога в единую структуру, приравнивание его к одной фонологической единице, создающее возможность оперировать слогами как минимальными единицами; с другой стороны — непосредственность этого процесса (органически вытекающая из самого хода его развития), разрушающая целостность слога и тем самым создающая предпосылку для реализации указанной возможности в виде межслоговых взаимодействий, и как крайней формы их проявления — межслоговых сращений» (стр. 175). Принцип слогового сингармонизма, как и принцип восходящей звучности, в данный период перестает действовать. Развитие категории твердости — мягкости согласных стало возможным не только вследствие падения еров, но и благодаря потере регулярных связей между гласным и согласным. И все же в этом процессе оказался продолженным и частично реставрированным старый ОС принцип: не в абсолютной позиции качество согласного связывалось с качеством последующего гласного. Таким образом, как и в предыдущем разделе, автор здесь стремится представить фонетические явления в динамической координации. Это ему удается, по видимому, в большей степени, чем при описании явлений ОС периода; лишь история носовых гласных, изменения слоговых гласных и история [b] выделены в параграф, озаглавленный «Некоторые черты развития системы гласных, не связанные непосредственно с падением еров».

Завершается раздел и «Фонетика» в целом утверждением, что роль падения еров в истории славянских языков типологически сопоставима с той ролью, которую в истории индоевропейских языков сыграло падение ларингальных.

«Морфология» построена иначе, чем «Фонетика». Смена синхроний в ней выглядит упрощенно: вслед за кратким экскурсом в индоевропейскую морфологию освещается общеславянское состояние (практически сводимое к старославянскому), а затем — факты современных славянских языков. Больше, впрочем, и невозможно при нынешнем состоянии разработки сравнительно-исторической морфологии. Изложение строится по частям речи (имя существительное, местоимение, имя прилагательное, глагол, причастие), а внутри разделов, посвященных отдельным частям речи, — по грамматическим категориям и по типам словоизменения. Имеется и вводный раздел, озаглавленный «О причинах морфологических изменений». Его содержание сводится в основном к изложению концепции В. И. Георгиева, представленной в книге «Основные проблемы на славянской диахронна морфология» (София, 1969); согласно этой концепции, эволюция системы склонения определяется взаимосвязью ряда факторов: фонетического, морфологического, синтаксического, семантического, количественного, в определенной мере — влияния других языков и неязыковыми причинами. В дальнейшем автор «Морфологии» стремится следовать данной концепции, он постоянно подчеркивает системный характер морфологических явлений общеславянского языка и отдельных славянских языков в их историческом развитии.

Определенное место уделяется общезыковедческой проблематике рода, числа (но не других грамматических категорий), происхождению прилагательных, инфинитива. Но вопросов, касающихся развития общеславянского языка в целом и подробностей диалектного членения общеславянского автор как будто избегает. О балто-славянских отношениях упоминается два-три раза *ad hoc*, но в принципе «балто-славянский» определяется только по фонетическим признакам. Надлежащей координации сведений, представленных в «Фонетике» и в «Морфологии» нет, и кажется, будто перед нами не две части одной книги, написанной двумя авторами, а искусственно объединенные под одним заглавием две разные книги. Обратимся к примерам. Автор «Фонетики» в вопросе о различии флексий в род. ед., вив. мн. склонений на -ja, -jo (ст.-сл. *вѣтя, кѣня*; др.-русск. *волѣ, конѣ*) притыкает к мнению А. А. Шахматова, возводившего это различие к различию звуков [e] и [ĕ] (стр. 84—85). Автор же «Морфологии», излагая тот же вопрос, о мнении А. А. Шахматова даже не упоминает, а склоняется к морфологической трактовке, предлагаемой В. И. Георгиевым: было две флексии: -je, восходящая к ИЕ -jāns и -jē, восходящая к ИЕ -jās (стр. 281). См.

также различные истолкования происхождения форм им. пад. *камы, тела* в «Фонетике» (стр. 60) и в «Морфологии» (стр. 315, 317).

В разделе о склонении нередко возникает путаница вследствие того, что в ряде параграфов совмещаются сведения о влиянии других основ на данную основу и о влиянии данной основы на другие основы (см., например, стр. 285—286, 306—307 и др.). Следовало бы выделить особый раздел о смещении основ, как обычно практикуется в курсах исторической грамматики отдельных языков.

Можно, разумеется, обнаружить в «Морфологии» и иные, менее значительные недочеты, например своеобразный «лексикоцентризм» в объяснении эволюции склонения. Можно ли утверждать, что западно- и южнославянские связи «перевели названия матери и дочери в тип на -а, ср. пол. *matka, córka*; чеш. *matka, dcera*; болг. *дъщеря, майка*» (стр. 317). Различные типов склонений здесь связано с различием словообразовательных типов: по-разному склоняются разные слова, а не одно слово; об этом как раз и свидетельствуют приводимые автором сербохорв. формы *мајка* и *маћи*. Украинское *ма* и белорусское *ма* представлены как разные флексии I л. мн. ч. императива (стр. 429), между тем как вторая является лишь фонетическим отклонением от первой.

Но подобные недочеты лишь в незначительной степени снижают ценность солидного морфологического компендиума. Автор касается в нем не только общих вопросов, он останавливается и на подробностях, обильно усащая изложение фактами, извлекаемыми из первоисточников (каковыми являются памятники письменности всех славянских литературных языков и данные большого числа говоров).

Обилие фактов является сильной стороной рецензируемой книги. В ней (особенно в «Фонетике») много не только славянского, но и неславянского материала,

хотя иногда, используя его, авторы допускают ошибки, как например, при обращении к древнегреческому языку: на стр. 17 ошибочно утверждается, что в древнегреческом ИЕ придыхательным соответствуют спиранты (на самом деле — глухие придыхательные); неверно, что ИЕ лабиовелярный в древнегреческом соответствуют [gu], [ku] (стр. 18; на самом деле — губные и переднеязычные эксплозивы); на стр. 86 лучше было бы привести вместо *γομφίος* 'клык' *γόμενος* 'гвоздь', 'шип'; на стр. 87 ошибочно *ἄκμων* вместо *ἄκμων*; на стр. 103 *πωλέω* переводится 'покупаю' вместо правильного 'продаю'. Среди многочисленных значений *φύμις* есть приведенные на стр. 138 'мужество', 'страсть', но уместнее было бы привести более близкие к слав. *дуп* 'дыхание жизни', 'дух'.

Книга Б. М. Гаспарова и П. С. Сигалова — технически несовершенное ротационное издание, тираж которого составляет всего лишь 600 экз. Поэтому она пока еще не может заполнить пробел в учебной литературе по циклу славяноведческих дисциплин. Но у книги есть достоинства, которые позволяют ей при надлежащей доработке претендовать на роль стандартного пособия по университетскому курсу сравнительной грамматики славянских языков.

Эти достоинства обнаруживаются в новизне структуры, в стройности и ясности изложения, которая, однако, не свидетельствует о доступности. (Студент все время встречается с неизвестными ему и не разъясняемыми понятиями: см., например, на стр. 21 беглое упоминание об акуте и циркумфлексе.) Главные же достоинства книги состоят в том, что в ней учитываются новейшие достижения славянского языковедения и неуклонно подчеркивается системный характер языковых явлений и процессов. (На стр. 117 в двух примерах вместо цитированного юса малого напечатано „я“.)

М. М. Копыленко

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1975—1976 гг.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Алиев А. К. Некоторые особенности идеологической борьбы на современном этапе. В кн. Особенности идеологической борьбы на современном этапе. Махачкала, 1975.

Ануфриев Е. А. Социалистический образ жизни как категория научного коммунизма. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 1.

Бумагин В. Идеологические мифы антикоммунизма. Коммунист Сов. Латвии, 1976, № 1.

Жиромская И. П. Критика буржуазных и ревизионистских извращений природы и роли классов при социализме. *Вопр. истории КПСС*, 1976, № 1.

Зудиков Ю. Ф. Основные направления развития социальной структуры. В кн. *Проблемы строительства развитого социализма в Народной Республике Болгарии*. М., 1975.

Игнатьев Г. А. Социалистический интернационализм и страны мировой системы социализма. В кн. *Герценовские чтения (XXVIII)*. Науч. докл. Ист. науки. Л., 1975.

Клепацкий Л. Н., Плехаты И. Освещение проблем развития мировой системы социализма в научной литературе. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1975, № 6.

Козиков И. А. Некоторые проблемы соединения достижений научнотехнической революции с преимуществами социализма. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 1.

Костюк М. П. Формирование и развитие содружества социалистических стран. *Вопр. истории КПСС*, 1975, № 12.

Лебедев Л. К., Чепиль В. Т. Мировая система социализма и антикоммунизм. В кн. *Критика антикоммунизма и ревизионизма в изучении научного коммунизма*. Л., 1975.

Митин М. Б. Противоположность социалистического и буржуазного образцов жизни. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 1.

Писарев А. В., Передерий О. С. Критика антикоммунизму в питаньях співробітництва соціалістичних країн. *Питання політ. економії*, 1975, вип. 122.

Попомарев Б. Роль социализма в современном мировом развитии. «Марксизм-ленинизм и наше время», Прага, 1975, вып. 2.

Созань П. С. Большой праздник трудящихся социалистической Югославии. «Коммунист Украины», 1975, № 11.

Халмухамедов М. Х. Национальный вопрос в идеологической борьбе двух систем в современных условиях. В кн. *Особенности идеологической борьбы на современном этапе*. Махачкала, 1975.

Ходячий Ф. З. Социально-классовая структура социалистического общества. Мифы и действительность. В кн. *Критика антикоммунизма и ревизионизма в изучении научного коммунизма*. Л., 1975.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Васильев Ю. Отношения Швеции с социалистическими странами Европы. В кн. *Международные отношения в условиях разрядки напряженности*. М., 1975.

Долгилевич Р. В. Борьба СССР и других социалистических стран в ООН против неофашизма. Вопрос о наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества. В кн. *Советский Союз и Организация Объединенных Наций. 1966—1970 гг.* М., 1975.

Игнатьев Г. А. Международная социалистическая политика (Содержание и цели). В кн. *Герценовские чтения (XXVIII)*. Науч. докл. Ист. науки. Л., 1975.

Кортунов В. Высокая цель политики социализма. *Междунар. жизнь*, 1976, № 2.

Кочар С. Ф. Национально-державита интернациональні інтереси соціалістичних країн. «Питання наук. комунізму», 1975, вип. 31.

Кудинов В., Плетников В. Разрядка напряженности и маневры антикоммунизма. В кн. *Вопросы теории и жизни*. Сб. статей, вып. 3. М., 1976.

Лебедев А., Поклад В. Успехи народной Польши. *Междунар. жизнь*, 1976, № 1.

Ложников Р. Знаменательная веха в советско-чехословацких отношениях. *Междунар. жизнь*, 1976, № 1.

Лоцманов В. Н. Внутривнутриполитическая борьба в ФРГ вокруг ратификации договоров с СССР и Польшей (февраль—май 1972 г.). В кн. *Герценовские чтения (XVIII)*. Науч. докл. Ист. науки. Л., 1975.

Млинеев П. Дорогой дружбы и сотрудничества. (Развитие межгосударственных отношений между СФРЮ и СССР в 70-х гг.) «Коммунист Эстонии», 1975, № 11.

Мороз В. К. Наукова конференція, присвячена 30-річчю договору про дружбу, співробітництво і взаємодопомогу між СРСР і ПНР. *Укр. іст. журн.*, 1975, № 7.

Нейман Х., Штраус В. Социалистический интернационализм на современном этапе развития социалистического содружества. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1976, № 1.

Орлик И. И. Литература стран социалистического содружества. В кн. *Советский Союз и Организация Объединенных Наций. 1966—1970 гг.* М., 1975.

Скворцов Л. Мирное сосуществование и его идеологические противники. В кн. *Вопросы теории и жизни*. Сб. статей, вып. 3. М., 1976.

Тельгарин А. Н. К вопросу о советско-чехословацких отношениях в 1945—1948 гг. *Вопр. истории, Алмата*, 1975, вып. 7.

Тимофеев Т. Т. Реализация программы мира и некоторые вопросы идеологической борьбы. *Вопр. философии*, 1976, № 1.

Шевченко А. Н. Предложения социалистических стран о запрещении

химического и бактериологического оружия. В кн. Советский Союз и Организация Объединенных Наций. 1966—1970 гг. М., 1975.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Александров В. С. Руководящая роль рабочего класса и коммунистической партии в развитии социального и научно-технического прогресса. Науч. труды Лаб. социол. исследований. Моск. ун-та, 1975, вып. 2.

Стороженко Г. А. Критика антикоммунизма и ревизионизма по вопросу о роли марксистско-ленинской партии и значении ее политики в социалистическом обществе. Уч. зап. Латв. ун-та, 1975, т. 223. Вопр. критики буржуазной политики и идеологии, вып. 2.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Абросимов Н. В. Научно-техническая интеграция и ее влияние на укрепление экономического и оборонного потенциала стран — членов СЭВ. В кн. Военно-политическая академия им. В. И. Ленина. М., Сб. науч. статей, № 4, 1975.

Авдеичев Л. А. Земельные ресурсы и их сельскохозяйственное использование в социалистических странах зарубежной Европы. В кн. География зарубежных стран, т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М., 1975.

Азар В. И. Ценообразование на услуги в странах — членах СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1975, № 6.

Алексюк Ю. И. Участие НИИ-ТЭХИМа в многостороннем обмене паспортами проектов между странами — членами СЭВ. В кн. Вопросы информационного обеспечения в химической промышленности. М., 1975.

Афонин Б. А. К проблеме совершенствования совместной плановой деятельности стран — членов СЭВ. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1975, вып. 4.

Балыбин В. О 45-м заседании Постоянной Комиссии СЭВ по внешней торговле. «Внешняя торговля», 1976, № 12.

Баранов В. Промышленное сотрудничество между социалистическими и капиталистическими странами. Мировая экономика и междунар. отношения, 1976, № 2.

Басс Л. А. Роль социалистической интеграции в строительстве экономики. В кн. Проблемы строительства развитого социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1975.

Беляева Н. М. Развитие торгово-экономических связей Турции с европейскими странами СЭВ на современном этапе. В кн. Экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1975.

Богданов А. И. Организация

управления научно-техническим прогрессом в НРБ. Упр. и право, 1975, вып. 2.

Болталиня Е. Яркий пример братского сотрудничества. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, вып. 3.

Бороздин Ю., Зангвиль А. Цены и стимулирование научно-технического прогресса в странах — членах СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 2.

Бредова В. М., Строгова А. И. Упрощенные международные сопоставления уровней промышленного производства. В кн. Методологические проблемы международных сопоставлений экономических показателей. М., 1975.

Бутаков Д. Д. Налог с оборота в странах СЭВ: новые тенденции. «Финансы СССР», 1976, № 1.

Быков А. Две интеграции и экономические связи в Европе. Междунар. жизнь, 1976, № 1.

Бычков Г. Сотрудничество стран СЭВ в области сельхозмашиностроения. Вопр. экономики, 1976, № 1.

Вайс Г. Курс на дальнейшую интенсификацию сотрудничества. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Васильев В. П. Типы международных экономических организаций, социалистических стран. В кн. Обобществление производства и управление. М., 1975.

Везпрев Р. Участие НРБ в кооперировании производства автомашин ВАЗ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Вельяминов Г. М. Система международных соглашений по экономическому сотрудничеству между странами — членами СЭВ. Бюл. иностр. коммерч. информации. Прил., 1975, № 7.

Виденов И. Актуальные проблемы совершенствования методов планового ценообразования. Вопр. ценообразования, 1975, вып. 11.

Вишофски Г. Сотрудничество ускоряет развитие химической промышленности стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Власкин Г. А. Проблемы научно-технической политики. В кн. Проблемы строительства развитого социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1975.

Волков М. Научно-техническая революция и преимущества социализма. В кн. Вопросы теории и жизнь. Сб. статей, вып. 3, 1976.

Володарский Л. Основные направления деятельности Постоянной Комиссии СЭВ по статистике. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Воронин В. П. Актуальные вопросы ценообразования в ЧССР. Вопр. ценообразования, 1975, вып. 8.

Габов Ф. И., Пешкова М. С. Лесные ресурсы социалистических стран зарубежной Европы и их хозяйственное использование. В кн. География зарубежных стран, т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М., 1975.

Гальцева Т. В. Водные ресурсы социалистических стран зарубежной Европы и их использование. В кн. География зарубежных стран, т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М., 1975.

Гвишиани Д. Научно-техническая революция и социальный прогресс. В кн. Вопросы теории и жизнь. Сб. статей, вып. 3. М., 1976.

Грамматиков А. Н. Новый этап в развитии братского сотрудничества. О плане многосторонних мероприятий стран — членов СЭВ на 1976—1980 гг. Экономика стр-ва, 1976, № 1.

Гречихин А. Экономика социализма и капитализма в первой половине 70-х годов. Мировая экономика и международные отношения, 1976, № 2.

Григоренко М. Г. Сотрудничество в области дорожного строительства. Автомоб. дороги, 1976, № 1.

Григорьев В. Несостоятельность некоторых буржуазных концепций экономических отношений между Востоком и Западом. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Грихиш К. Некоторые вопросы координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на 1976—1980 гг. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 5.

Грошек М. Развитие торговли между социалистическими странами и промышленно развитыми странами капитализма как важный результат разрядки международной напряженности. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Гула В. Новый этап сотрудничества в области плановой деятельности стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Додін С. Міжнародний симпозіум адміністративістів (Варна). Рад. право, 1975, № 12.

Долежалова М., Гальгонек К., Веверка Я. Применение экономико-математической модели и вычислительной техники в процессе комплексной перестройки оптовых цен в Чехословакии. Вопр. ценообразования, 1975, вып. 12.

Дудинский И. Впечатляющие итоги, величественные перспективы. (Международное и внутреннее значение пятилетних планов развития народного хозяйства стран СЭВ). Междунар. жизнь, 1976, № 2.

Жамалетдинова А. Н. Вопросы исчисления и оценки общего объема фонда потребления при международных сопоставлениях. В кн. Методологические проблемы международных сопоставлений экономических показателей. М., 1975.

Жигалин В. Расширяются поставки в страны — члены СЭВ советского металлургического, подъемно-транспортного и транспортного оборудования. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, № 4.

Жилко А. С. О национальных особенностях статистики розничного товарооборота в странах — членах СЭВ. В кн. Методологические проблемы международных сопоставлений экономических показателей. М., 1975.

Житкова А. Сотрудничество социалистических стран в охране окружающей среды. Экон. науки, 1976, № 2.

Зайфрыд М. Углубление сотрудничества и развитие социалистической экономической интеграции в области транспорта. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Зломапов Л., Тюшева В. Об оценке и сопоставлении объема нематериальных услуг. Вестн. статистики, 1976, № 1.

Иванова Л. А. Экономическое сотрудничество стран социализма — убедительный пример пролетарского интернационализма. Науч. труды Ташк. ун-та, 1975, вып. 478.

Инициатива СЭВ. (Предложение СЭВ о заключении соглашения между СЭВ и странами ЕЭС.) Экон. газ., 1976, № 9. Иноземцев Н. Сотрудничество СССР со странами — членами СЭВ. Слово лектора, 1976, № 2.

Иноземцев Н. Социализм и международное экономическое сотрудничество. В кн. Вопросы теории и жизнь. Сб. статей, вып. 3. М., 1976.

Исупов В. Высокие рубежи экономики социализма. Экон. газ. 1976, № 8.

Кабдиев Д. Новый тип межгосударственных экономических отношений. (Программа социалистической экономической интеграции.) «Казахстан коммунист» (Коммунист Казахстана), Алма-Ата, 1975, № 10.

Казанцев И. Расширяется и углубляется сотрудничество в области черной металлургии. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975, вып. 3.

Карпачев Д. Сотрудничество в области цветной металлургии. Материально-техн. снабжение, 1975, № 12.

Касьянова А. К. Цена мирового социалистического рынка как экономический инструмент социалистической интеграции. В кн. Обобществление производства и управление. М., 1975.

Криленко А. А. О моделировании процессов международной специализации и кооперирования производства.

в условиях социалистической интеграции. Экономика и мат. методы, 1975, т. II, вып. 6.

К о в а л ь ц е в Г. И. Некоторые вопросы методики анализа эффективности международной специализации производства (на примере специализации в области машиностроения между СССР и другими странами СЭВ). Изв. АН СССР. Сер. экон., 1975, № 6.

К о л о м и е ц Б. Г. Экономический механизм интеграции и вопросы совершенствования плано-управляющих функций по осуществлению межгосударственной специализации в машиностроении стран СЭВ. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1975, вып. 4.

К о л о м и е ц Т. Д. Эффективность общественного производства и хозяйственные реформы в европейских социалистических странах. В кн. Актуальные проблемы политэкономии. М., 1975.

К о н с т а н т и н о в Ю. А. Роль СЭВ в развитии международного валютно-финансового сотрудничества. «Деньги и кредит», 1975, № 12.

К о р ч а г и н Ю. П. Структурные сопоставления промышленной продукции стран — членов СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1976, № 1.

К у з н е ц о в а С. М. Развитие форм научно-технического сотрудничества стран СЭВ. В кн. Актуальные проблемы политэкономии. М., 1975.

К ы н е в Х. На основе специализации в рамках СЭВ. (Сотрудничество НРБ со странами СЭВ в обл. машиностроения.) Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Л а х н о П. Г. Стандарты СЭВ: понятие, планирование, применение. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1975, № 6.

Л е в и к о в Г. А., Н а з а р е н к о В. М. Координация народнохозяйственных планов — основа планирования развития морских перевозок между странами — членами СЭВ. Тр. Проектно-научно-исследовательского и науч.-исслед. ин-та мор. транспорта, 1975, № 38.

Л у к о ш Э. Совместное планирование развития производства станков с числовым программным управлением. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

М а к е е в А. В. Производственное сотрудничество рабочих Ленинграда с рабочими стран — членов СЭВ (1966—1970 гг.). В кн. Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М., 1975.

М а к с а к о в с к и й В. П. Топливные ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. В кн. География зарубежных стран, т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М., 1975.

М а к с и м е н к о П. К. Об экономических отношениях между Польской Народной Республикой и промышленно раз-

витыми капиталистическими странами. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1975, вып. 4.

М а р ж и н Я. Социальное страхование в Чехословакии. Охрана труда и соц. страхование, 1975, № 12.

Международный симпозиум по материально-техническому снабжению. (Прага, 28 сент.—3 окт. 1975 г.) Материально-техн. снабжение, 1975, № 12.

Н а г о в и ц и н А. Совершенствование деятельности промышленных объединений в европейских странах — членах СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 2.

Народная Республика Болгария. В кн. Экономика зарубежных стран социализма в 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Н е к и ц е л о в А. Буржуазная концепция «взаимодействия централизованно-управляемых социалистических экономик». Экон. науки, 1976, № 2.

Н е к и ц е л о в А. Д. Объективные основы процесса выравнивания уровней экономического развития социалистических стран. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1975, вып. 4.

Н и к о л а е в О. И. Методология международного соизмерения уровней производительности труда. (На примере промышленности.) В кн. Методологические проблемы международных соизмерений экономических показателей. М., 1975.

О л е х н о в и ч В., Ю н г в и р т В. Сотрудничество стран — членов СЭВ по вопросам улучшения условий труда, жизни и быта женщин, занятых в отраслях легкой промышленности. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

П е т р е н к о В. Совместными усилиями стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, вып. 3.

П е т р о в а Н. К. Интернациональные связи рабочего класса СССР. (Экономическая и научно-техническая помощь СССР социалистическим странам.) В кн. Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М., 1975.

П и в о в а р о в Ю. Л., В а й с Т. А. Трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. В кн. География зарубежных стран, т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М., 1975.

Польская Народная Республика. В кн. Экономика зарубежных стран социализма в 1974 г., ч. 1. М., 1975.

П о п о в К. Пути социалистической экономической интеграции. «Внешняя торговля», 1976, № 2.

По пути комплексного решения кардинальных народнохозяйственных проблем. (Решения ХХIX сессии СЭВ.) Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

П р о м с к и й Н. Организация внеш-

неэкономической деятельности в зарубежных странах — членах СЭВ. Экон. науки, 1975, № 12.

Развитие международной специализации и кооперирования производства в процессе социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Рекомендации IX Международного симпозиума по материально-техническому снабжению. Материально-техн. снабжение, 1975, № 12.

Римашевская Н., Шатлин С. Структура личного и общественного потребления в социалистических странах. Вопр. экономики, 1975, № 12.

Румянцев А., Морозов В. По пути усиления сотрудничества. (К подписанию Соглашения о сотрудничестве между СЭВ и Дунайской комиссией.) Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Рыбаков О., Хмелевский Н. Укрепление плановых основ сотрудничества СССР со странами — членами СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 2.

Сенин М. Социалистическая интеграция и национальные интересы. В кн. Вопросы теории и жизнь. Сб. статей, вып. 3. М., 1976.

Сивов В. Социалистическая интеграция и развитие производства в Болгарии. Вопр. экономики, 1976, № 2.

Соглашение о сотрудничестве с Мексикой. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Сорокин О. Методы исчисления себестоимости промышленной продукции в странах — членах СЭВ. Экон. науки, 1976, № 2.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Экономика зарубежных стран социализма в 1974 г., ч. 2. М., 1975.

Стародубровская В. Аграрно-промышленная интеграция и социально-экономическое развитие села. (На примере европейских стран СЭВ.) Вопр. экономики, 1975, № 12.

Стоянов И. Об аграрно-промышленных комплексах в Народной Республике Болгарии. В кн. Высшая школа профдвижения. 7-я науч.-теоретическая конференция, 1974. Доклады студентов. М., 1975.

Струев А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области внутренней торговли. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Тарасов Л. А. Некоторые особенности международных сопоставлений фонда накопления и капитальных вложений (Вопросы унификации показателя). В кн. Методологические проблемы международных сопоставлений экономических показателей. М., 1975.

Таривердиев Л. Советские ми-

нистры в Москве. Сов. торговля, 1975, № 12.

Тодорова Т. Д. Опыт организации социалистического соревнования в Народной Республике Болгарии. (На примере свищово-цинкового завода г. Кырджали.) В кн. Актуальные вопросы совершенствования организации труда на современном этапе. М., 1975.

Тривоски С. Многосторонние соглашения о разделении труда в машиностроении стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Умурзаков У. Участие Димитровского Коммунистического Союза Молодежи в развитии животноводства в Болгарии (1956—1962 гг.). Ист. науки, Алма-Ата, 1974, вып. 1.

Уткина Л. П. Стимулирование социалистического соревнования в странах СЭВ. В кн. Повышение эффективности социалистической организации общественного труда. М., 1975.

Френкин А. И. Экономическое значение использования лицензий в европейских социалистических странах. Электротехн. пром-сть. Общеотраслевые вопр., 1976, вып. 1.

Хлестова И. О. Расширение компетенции внешнеторговых арбитражных судов стран — членов СЭВ. «Проблемы государства и права», 1975, вып. 11.

Хрынкевич Я. Участие Польши в развитии топливно-сырьевой базы. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, вып. 3.

Худoley В. Ф. Ресурсы руд и минерального химического сырья в зарубежных европейских социалистических странах. В кн. География зарубежных стран, т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М., 1975.

Хэрничек Б. Плодотворные итоги деятельности польско-венгерского горного акционерного общества «Халдэкс». Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Чекуров В. В. Влияние хозяйственных реформ на развитие социалистической экономической интеграции. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1975, вып. 4.

Чехословацкая Социалистическая Республика. В кн. Экономика зарубежных стран социализма в 1974 г., ч. 1. М., 1975.

Чунтулов А. Развитие кредитных связей «Восток — Запад» в начале 70-х годов. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Шабунина В. И. Некоторые вопросы интенсификации общественного производства. В кн. Проблемы строительства развитого социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1975.

Шалашова Н. Государственная валютная монополия и валютное законо-

дательство в СССР и других социалистических странах. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Ш е л к о в О. М. Валютно-финансовые аспекты экономического сотрудничества социалистических и развивающихся стран. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, прил. № 2.

Ш и м о н И. Влияние сотрудничества в рамках СЭВ на повышение технического уровня продукции машиностроения. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Ш и м о н П. Два мира — два пути решения топливно-энергетических проблем. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Ш и р Э. Некоторые вопросы развития материального хозяйства в Польской Народной Республике. Материально-техн. снабжение, 1976, № 1.

Ш и т о в В. Научно-техническая интеграция стран социализма. Междунар. жизнь, 1976, № 2.

Ш и т о в В. Совершенствование сотрудничества стран — членов СЭВ в прогнозировании и планировании развития науки и техники. В кн. Международные отношения в условиях разрядки напряженности. М., 1975.

Ш к р а б а С. Проблемы развития социалистического соревнования в Польше. В кн. Социалистическое соревнование в странах братского содружества. М., 1975.

Ш м е л е в Г., Орловская С. Промышленные методы ведения хозяйства в социалистических странах. Экономика сельск. хоз-ва, 1976, № 2.

Ю н к е р В. Братское сотрудничество строителей стран — членов СЭВ. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

Я г е л ь с к и й М. Важный фактор экономического прогресса стран СЭВ. «Коммунист», 1975, № 9.

Я к о в л е в а Е. Н. О сопоставимости статистических данных стран СЭВ и стран ЕЭС при анализе промышленной занятости. В кн. Методологические проблемы международных сопоставлений экономических показателей. М., 1975.

Я р у т а В. В. Роль производственной кооперации Социалистической Республики Югославии во внешнеэкономических связях с развитыми капиталистическими странами. Экон. роль государства в соц., развивающихся и капиталист. странах, 1975, вып. 4.

Я ш и к Л. Социалистическое соревнование в Чехословакии. В кн. Социалистическое соревнование в странах братского содружества. М., 1975.

5. *Государственное строительство. Право*

А п а р о в а Т. В., Л у б е н с к и й А. И. Правосудие и прокурорский надзор в конституциях зарубежных социа-

листических государств Европы. Сов. государство и право, 1976, № 1.

В е л е в А. Система уголовных наказаний и их эффективность в Болгарии. Соц. законность, 1975, № 12.

Г о л е м б е в с к и й Б. Перспективы интеллигенции при социализме. Проблемы мира и социализма, 1975, № 12.

Д о б ж и н ь с к и й А. Проблемы, близкие всем. «Человек и закон», 1976, № 1.

К р у ж к о в В. А. Современные тенденции в развитии народного фронта в европейских социалистических странах. «Проблемы государства и права», 1975, вып. 11.

К р у х м а л е в А. Е. Критика антимарксистских фальсификаций классово-природы и сущности социалистического государства и демократии. Вопр. истории КПСС, 1976, № 1.

К у ч и н ь с к и й Я. Некоторые вопросы диалога марксистов и христиан. Вопр. науч. атеизма, 1975, вып. 18.

К э м п а р а Э. Труд и жизнь женщины в Народной Польше. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Л а г а д и н о в а Е. Болгарская женщина — мать, труженица, общественница. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 4.

М и р о н о в В. К. Актуальные вопросы трудового права социалистических стран. В кн. Проблемы трудового права и права социального обеспечения. М., 1975.

О в ч а р е н к о А. Конституційні засади поєднання законодавства і управління в діяльності Народних Зборів НРБ. Рад. право, 1976, № 2.

Р е ш е т ь к о в Л. П. Общественно-государственное начало в социалистическом управлении. В кн. Проблемы строительства развитого социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1975.

С т а к а н о в В. М. Социалистическая демократия и ее критика. В кн. Критика антикоммунизма и ревизионизма в изучении научного коммунизма. Л., 1975.

С т о й ч е в Т. Мировоззренческие аспекты диалога с верующими. В кн. Зарубежные марксисты о религии и церкви. М., 1975.

Т о п о р н и й Б. Н. Тридцатилетие победы и развитие мирового социализма. «Проблемы государства и права», 1975, вып. 11.

Ш е р г и н А. П. Правовое регулирование административной юрисдикции в европейских социалистических государствах. Упр. и право, 1975, вып. 2.

Я р о ш е в с к и й Т. Социализм и левокаатолическая интерпретация христианского гуманизма. В кн. Зарубежные марксисты о религии и церкви. М., 1975.

II ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Вендровская Р. VI симпозиум педагогов-историков социалистических стран (ПНР, 22—27 сент. 1975 г.). Сов. педагогика, 1975, № 12.

Гибанский Л. Я. Закрепление победы югославской революции. (Внешнеполитический аспект проблемы.) «Новая и новейшая история», 1976, № 1.

Достян И. С. Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. П. Пестеля. В кн. Исторические записки, 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975.

Илел Й. Военно-политическое значение вступления Советской Армии в Болгарию. Воен.-ист. журнал, 1975, № 12.

Кирilloв А. В. Из истории борьбы Всеславянского комитета за укрепление антифашистского единства славянских народов (1941—1945 гг.). В кн. Проблемы германской истории, вып. 3. Вологда, 1975.

Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром. (Некоторые археологические параллели.) В кн. Скифский мир, Киев, 1975.

Орлик О. В. Европейская общественность и восстание декабристов. В кн. Исторические записки. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975.

Поиков Б. С. Иоаким Делевель — критик «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В кн. Вопросы историографии. Смоленск, 1975.

Потапенко Е. К. Влияние общественного движения России на формирование революционно-демократической педагогической мысли Болгарии в 60—70-х годах XIX в. В кн. Проблемы совершенствования воспитания и обучения в школе. М., 1975.

Слободян М. I. Интернациональные и национальные в идеологичній боротьбі на західноукраїнських землях в 20—30-х роках XX ст. В кн. Питання історії філософії і ідеологічна боротьба. 1975.

Ступников И. Шаги созидания. К 30-летию освобождения Чехословакии. «Коммунист Белоруссии», 1975, № 2.

Шостакович Б. С. Сибирские годы Юзефата Огрызко. В кн. Сельные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.), вып. 2. Иркутск, 1974.

Ядзяк Э. Актуальные проблемы историографии народного Войска Польского. Воен.-ист. журн., 1976, № 1.

Бассель Н. Проблемы сравнительного славянского литературоведения.

Берштейн И. Жанровая структура современного романа. Вопр. лит., 1976, № 2.

Богданов Ю. Момент самосознания в словачкој прозе. Иностр. лит., 1976, № 2.

Бритапшский В. Страну Кантемира. (К переводам Леонида Мартынова из Яна Кохановского.) В кн. Мастерство перевода, сб. 10, 1974, М., 1975.

Вахніна Л. К. До питання про український фольклор у творчості Ю. Словацького. (На матеріалі поеми «Беньовський»). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

Вашичек Л. Библиотеки и их роль в использовании свободного времени трудящихся. В кн. Профсоюзы и досуг трудящихся. М., 1975.

Ведіна В. Н. Питання суспільного покликання літератури в сучасній польській критиці. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

Вельвич В. Драмагургия Георгия Джагарова. В кн. Вопросы театра. 1973. М., 1975.

Венцлова А. Несколько слов о двух тувимских писателях. (О творчестве Ю. Туви́ма и Л. Кручковского.) В кн. A. Venclova. Epochos vejas. Straipsniai apie literatūra. Vilnius, 1975.

Вервес Г. Д. Комуністична партійність і деякі питання розвитку літератури країн соціалістичної співдружності. В кн. Партія і література, 1975.

Вервес Г. Д. Комуністична партійність і розвиток літератур країн соціалістичної співдружності. Рад. літературознавство, 1975, № 11.

Вервес Г. Д. Літератури соціалістичних країн та ідеологічна боротьба на сучасному етапі. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

Взаимодействие литературы с другими видами искусств. Вопр. лит., 1975, № 12.

В творческой мастерской. (Размышления писателей о собственном литературном труде — Ковалец Ю., Новак Г., Парницкий Т., Филипович К.) Вопр. лит., 1975, № 12.

Вуйчик Э. Роль профсоюзов в организации культурно-просветительной работы и свободного времени трудящихся. В кн. Профсоюзы и досуг трудящихся. М., 1975.

Гацак В. М. Восточнороманский воинский и южнославянский юнацкий эпос. В кн. Типология народного эпоса. М., 1975.

Георгиев Г. Ф. Становление системы профориентации школьников в Народной Республике Болгарии. Сов. педагогика, 1976, № 1.

2. Культура

Аболина Р. Памятники Славы. К 30-летию Социалистической Республики Югославии. «Творчество», 1975, № 12.

Домбровская М. Как я стала писателем. Вопр. лит., 1975, № 12.

Егорова В. О некоторых стилистических чертах музыки В. Добиаша. В кн. Музыка и современность, вып. 9. М., 1975.

Живкова Д. Социализм и культурная революция. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1975, № 10.

Жукровский В. Книга — зеркало борьбы с фашизмом. Вопр. лит., 1975, № 12.

Зайцев В. А. Проблемы русской и советской литературы на Международном симпозиуме, в Чехословакии. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1975, № 6.

Казakov Л. Декоративно-прикладное искусство ЧССР в Москве. «Декоративное искусство СССР», 1976, № 1.

Каранфилов Е. Писатель, критик, читатель. Вопр. лит., 1976, № 1.

Коваленко С. I. Питання проблемного навчання студентів у педагогіці ПНР. Рад. школа, 1975, № 12.

Крементуло В. К. Специфіка пейзажу в «Кримських сонетах» А. Міцкевича. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

Кузьмина М. Тридцать победных лет. (Обзор выставки произведений художников социалистических стран. Москва, 1975 г.) «Художник», 1975, № 12.

Лиферов А. П. Интернационализация экономической жизни страны в период строительства развитого социализма, как необходимая предпосылка всестороннего культурного и духовного прогресса. (На материалах ЧССР). В кн. Вопросы диалектики общественного сознания развитого социалистического общества. Смоленск, 1975.

Лобач М. С. Вясельныя абрады ў акаліцах мястэчка Нарва (ПНР). В кн. Этнаграфічны зборнік. Мінск, 1975.

Ломницкий Т. Кошрад Свицарский. «Театр», 1976, № 1.

Львова Е. Болгарские встречи. (Современная болгарская живопись и графика.) «Искусство», 1975, № 12.

Лям А. Мир поэзии. Вопр. лит., 1975, № 12.

Мальков М. П. Музыкальные аспекты творчества Ярослава Ивашкевича. В кн. Литература и музыка. Л., 1975.

Маркова Л. В. О влиянии смешанных браков на процесс ассимиляции национальных групп (болгары Закарпатья). В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

Мисерный М. Драматургия: проблемы и портреты. (Развитие современной польской драматургии.) Вопр. лит., 1975, № 12.

Мрошак Ю. Международный конкурс плаката в честь 30-летия Победы. «Искусство», 1976, № 1.

Мукаряжовский Я. п. Эстети-

ческая функция, норма и ценность как социальные факты. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 365. Труды по знаковым системам, № 7.

Навроцкий В. Общественная миссия литературной критики. Вопр. лит., 1975, № 12.

Непорожня Н. Антифашистский югославский роман в 60-е годы. «Pergale», Vilnius, 1975, № 10.

Неуважный Ф. Советская поэзия на польской земле. Вопр. лит., 1975, № 12.

Неужил И. Роль профсоюзов в использовании свободного времени трудящихся и всестороннем развитии личности. В кн. Профсоюзы и досуг трудящихся. М., 1975.

Новиков Ю. Е., Стельмашук Г. В. Критика антикоммунизма по вопросам социалистической культурной революции и формирования новой духовной культуры общества. В кн. Критика антикоммунизма и ревизионизма в изучении научного коммунизма. Л., 1975.

Об итогах 2-го Международного совещания экспертов социалистических стран по вопросам текущей национальной библиографии (Варшава, 21—26 апр. 1975 г.). Изд. дело. Реф. информация, 1975, № 12.

Парандовский Я. н. Античность и современность. Вопр. лит., 1975, № 12.

Питанин В. Н. Дорогами сравнений. Заметки о современной архитектуре ЧССР. Стр-во и архитектура Ленинграда, 1975, № 12.

Пограбенник Ф. П. Василь Стефаник у польських інтерпретаціях початку 900-х років. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

По законам братства. (Взаимодействие социалистических литератур на современном этапе.) Вопр. лит., 1976, № 1.

Посудневська Т. В. Огляд наукових видань з питань зарубіжних слов'янських літератур (1968—1972). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

Правда А. Некоторые аспекты этнографического изучения современной народной культуры в ЧССР. В кн. Этнография в странах социализма. Черски развития науки. М., 1975.

Пронин П. И. Чехословацкая печать сегодня. Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1975, № 2.

Просалкова Ю. В. Учебные книги Б. Ржичи. Сб. трудов. Моск. ин-та культуры, 1975, вып. 25.

Путрамент Е. В гуще событий. Вопр. лит., 1975, № 12.

Ружевич Т. О поэзии, театре и критике. Вопр. лит., 1975, № 12.

Савицкий Н. Фильмы — соратники. «Искусство кино», 1976, № 1.

Садковский В. Художественный перевод и культурная политика. Вопр. лит., 1975, № 12.

Светлов И. Окрыленный романтической эпохой. (Творчество современного польского скульптора Г. Землы.) «Художник», 1975, № 12.

Сиваченко Г. М., Дебют Р. Яшика — прозаика. (Роман «На березі прозорі річки»). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1975, вип. 10.

Славов В. Работа учреждений культуры профсоюзов по всестороннему развитию личности в условиях пятидневной рабочей недели. В кн. Профсоюзы и досуг трудящихся. М., 1975.

Станишич И. Войслав Илч и русская поэзия XIX в. В кн. Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975.

Стахеев Б. Словацкий в переводах Пастернака. В кн. Словацкий Ю. Стихи. Мария Стюарт. М., 1975.

Термер Я. Жизнь, воплощенная в слове. Вопр. лит., 1975, № 12.

Траскуноў А. А. Міжнародныя сувязі прафсаюзаў Беларусі (1966—1970 гг.). Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1976, № 1.

У литературной карты Польши. (Руководители литературно-художественных изданий о деятельности журналов.) Вопр. лит., 1975, № 12.

Уразова Л. Ксаверий Дуниковский. (К 100-летию со дня рождения.) «Искусство», 1975, № 12.

Ходунова Е. На фестивале польской песни. «Театр», 1975, № 12.

Хорев В. Зерна и плевелы культуры. (Развитие массовой культуры в социалистическом обществе. Дискуссия в польской печати) Иностр. лит., 1976, № 1.

Хорев В. Становление социалистической литературы в Польше. Вопр. лит., 1975, № 12.

Цыбенко Е. Польская литература в Советском Союзе. Вопр. лит., 1975, № 12.

Шайкевич Б. А. Своеобразие художественных направлений в болгарской литературе и искусстве конца XIX века. В кн. Проблемы взаимодействия литературных направлений, вып. 3. Днепропетровск, 1975.

Шевчик В. Тема труда в современной польской прозе. Вопр. лит., 1975, № 12.

Ясинский В. Организация свободного времени трудящихся — важная общественная проблема. В кн. Профсоюзы и досуг трудящихся. М., 1975.

Яўцімава Р. Беларуская кніга ў Балгарыі. Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1975, № 6.

3. Наука

Блинов Н. М. Многостороннее сотрудничество социалистических стран в области социологии. Социол. исследования, 1975, № 4.

Волкова Н. М. Заседание Международного комитета славистов. Рус. речь., 1976, № 1.

Вопросы совершенствования деятельности координационных центров. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Кізченко А. Ф., Хланта О. В. Радянсько-чехословацький симпозиум «Формування і розвиток співдружності соціалістичних країн». (Минск, 23—26 сент. 1975 г.) Укр. іст. журн., 1976, № 1.

Глочков В., Харрланд Х. Сотрудничество юридических научных учреждений социалистических стран. Соц. законность, 1976, № 1.

Курякин А. Некоторые проблемы социальной педагогики в ПНР. Нар. образование, 1975, № 11.

Маркова Л. В. Этнографическая наука в Народной Республике Болгарии. В кн. Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975.

Меркулов А. И. Симпозиум в Пловдиве. (Сентябрь 1975 г.) Вестн. высш. школы, 1975, № 12.

Метрошилова Н. В., Соловьев Э. Ю. Марксизм и феноменология. Вопр. философии, 1975, № 12.

На совещании редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. (София, 1—4 окт. 1975 г.) Социол. исследования, 1976, № 1.

Перечень головных и выделенных национальных органов международных специализированных и отраслевых систем научной и технической информации, созданных в рамках МСНТИ. Вестн. Междунар. центра науч. и техн. информации. 1975, № 5.

XVII пленарное заседание Международного комитета славистов. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34.

Побаль Л. Д. III Міжнародны конгрес славянської археології. Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1976, № 1.

Сенин М. Роль экономической науки в реализации Комплексной программы. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 5.

Совещание редакторов философских и социалистических журналов социалистических стран. София, окт. 1975 г. Вопр. философии, 1976, № 1.

Ушкалов И. Советско-польское сотрудничество в изучении урбанизации. В кн. Рост городов и система расселения. М., 1975.

Ярошевский М. Теоретические основы социалистического гуманизма. Науч. докл. высш. школы. Филос. науки, 1976, № 1.

4. Язык

Бірыла М. В. Наряды па Агульнаславянскаму лінгвістычнаму атласу.

Беларус. лінгвістыка, Мінск, 1975, вып. 8.

В а р б о т Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV. В кн. Этимология. 1974. М., 1976.

В о л о ц к а я З. М. К сопоставительному описанию славянских языков. Вопр. языкознания, 1975, № 5.

Г у р ь е в а Е. И. К вопросу о членении старославянских текстов на законченные предложения. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 375. Тр. по рус. и слав. филологии, № 25.

Г у р ь е в а Е. И. Усложненные гипотактические конструкции в старославянском языке. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 375. Тр. по рус. и слав. филологии, № 25.

З а р е м б а А. Из проблематики карпатской лексики и семантики на польско-словацкой языковой границе. В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

И в а н о в В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен. В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

И в а ш и п а Н. В. Праславянская семантическая группа названий времен года. Весн. Беларус. ун-та. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія, 1975, № 3.

К а р у л и с К. В центре внимания взаимоотношения балтийских и славянских языков. «Karogs», 1975, № 10.

К о п е ч н ы й Ф. Р. О новых этимологических словарях славянских языков. (В ЧССР, ПНР, СССР). Вопр. языкознания, 1976, № 1.

К у р к и н а Л. В. Этимологические заметки. В кн. Этимология. 1974, М., 1976.

Л о п а т и н В. В. Заседание Комиссии по изучению грамматического строя

славянских языков при Международном комитете славистов. Вопр. языкознания, 1975, № 4.

Л ь в о в А. С. Из лексикологических наблюдений. В кн. Этимология. 1974. М., 1976.

М а н п в ч у к В. В. Межъязыковые контакты в лексике лесных промыслов Карпат. В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

М о ж а с е в а И. Е. Вопросы интерференции языков и диалектов карпатского ареала в освещении советских ученых. В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

О з е р о в а Н. Г. Російська мова у її зв'язках з українською та іншими слов'янськими мовами. В кн. Академія наук УРСР. Наукова рада з проблеми «Закономірності розвитку національних мов у зв'язку з розвитком соціалістичних націй», вып. 19. Київ, 1975.

П е т л е в а И. П. Этимологические заметки по славянской лексике, IV. В кн. Этимология, 1974. М., 1976.

Т о п о р о в В. Н. ahі budhnyа, бадняк и др. В кн. Этимология. 1974. М., 1976.

Т о п о р о в В. Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

У с а ч е в а В. В. Польские диалекты карпатского ареала и «Карпатский диалектологический атлас». В кн. Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.

Ю р к е н а с Ю. Об одной общей особенности балтийских и славянских систем. Повідомлення укр. ономаст. комісії, 1975, вып. 13.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1975, № 6

Е л. А т а н а с о в а. Георгий Димитров и албанское демократическое и коммунистическое движение (1920—1939 гг.); И в. П а н а й о т о в. О хронологии и периодизации бронзовой эпохи в болгарских землях; Й. В. С м и л я к о в. Первые революционные мероприятия по укреплению народно-демократической власти в Пиринском крае (9 сентября 1944 — май 1945 г.); Д. Б. К о е н. Банковская

деятельность фирмы «Евлогия и Христо Георгиевы» в болгарских землях до освобождения.

«Български език», 1975, № 4

Э. П е р н и ш к а. Семантические проблемы относительных прилагательных при их лексикографической обработке; М. Ч о р о л е е в а. Прилагательные с дефектной парадигмой (отсутствие форм единственного или множественного числа);

Х. Станева. Место сравнений в синтаксисе болгарского литературного языка; Е. Тодорова. Разграничение номинативных значений прилагательных с пространственной семантикой в связи с понятием помы; Ст. Петрова. Подчиненные обстоятельственные предложения с союзом *за да*; К. Викторова. Союзы в сложно-сочиненном предложении (общая характеристика); М. Тихова. Топика местоименных энклитик в творчестве Григория Цамблака, Константина Костенечского и Иоасафа Бдинского.

«Български език», 1975, № 5

К. Ничева. Развитие и задачи изучения болгарской фразеологии; М. Лилова. Литературный язык и современный драматургический диалог; М. Иванов. О переводе польских деепричастий на болгарский и французский язык.

«Kwartalnik Historyczny», 1975, № 4

Я. Тазбир. Реформация в Польше — общественные слои и территории, охваченные ею; Я. Сташевский. Реформаторские проекты во времена Августа II; Л. Гроссфельд. Польский вопрос во франко-русских отношениях в 1916 г.

1976, № 1

И. Бежуньская-Маловист. Социальное положение рабов в Египте в эпоху Птолемея; Р. Людвиковский. Между романтизмом и органическим трудом; М. Новак-Келбикова. Из истории польской эмиграции в Англии в годы межвоенного двадцатилетия 1919—1939; П. Лоссовский. Ленинская концепция создания СССР.

«Z pola walki», 1975, № 4

А. Валицкий. Интеллигенция и пролетариат: отношение Станислава Бжозовского к революции 1905—1907 гг.; Ю. Куляс. Влияние революции 1905—1907 гг. на социально-экономическое положение рабочего класса в Варшаве и Варшавской губернии; Б. Врублевская. Участие Юлиана Мархлевского в съездах и конференциях СДКПНЛ; Л. Волкович. Из истории II Пролетариата (1889—1890 гг.); М. Жмигродзкий. Партийная система Народной Республики Болгарии.

«Język Polski», 1975, № 5

Е. Рейхан. Памяти П. Галаса (26 XI 1887 — 6 I 1975); Ю. Трыпуцько. Что мы знаем о языке Мицкевича?

А. Гроховская. Прилагательные с суффиксом *-awy* в современном польском языке; В. Струминьский. Сверхполные и неполные глаголы на *'ywać* (с картой); М. Бжезина. К изучению польского языка сасского периода; А. Бохнак. Названия холодного оружия в польском и французском языках; Д. Н. Веселовская. *Kanał i nitka* — исследование неосемантики; З. Броцкий. Каш. *zemnoška*, литер. *zimnica* 'Limanda limanda'.

1976, № 1

Е. Островская. Ян Анджей Морштын — мастер XVIII века; М. Карась. О мнимой роли писателей в формировании литературного языка (на примере польского языка); Б. Роцлавский. Сущность мягкости звуков; Т. З. Орлось. О месте в предложении польск. *się*, чешск. *se*. А. Баньковский. Заметки к некоторым словам в «Этимологическом словаре польского языка» проф. Ф. Славского; В. Селдзик. Старопольск. *dobyczę*.

Я. Мазур. Вокалические системы говоров южной Любелящины; Диалектные тексты. 50. И. Родакова. Тексты малопольско-мазовецкого пограничья.

«Československý časopis historický», 1976, № 1

Я. Кудрна. Тенденции развития позитивистской историографии; С. Цамбел. Кошицкая правительственная программа и положение в словацкой деревне; А. Делейши. Международное значение и уроки первой русской революции; Г. Полрейхова. Человеческое рабство и гегезис «американской демократии»; М. Маречкова. Ремесленное производство в городах Бардейов и Прешов в первой половине XVII века.

«Historijský časopis», 1975, № 4

М. Гронски. К политическому профилю генерации вокруг журнала «Пруды» (1909—1914 гг.); М. Пиш. Тройственный союз и Антанта в словацкой буржуазной политике (1879—1907 гг.); В. Павликова. Проблемы африканской историографии; А. Шпис. Общественно-экономические условия в феодальных городах и городках Словакии во время урбанистского регулирования Марии Терезии.

«Slovenská reč», 1976, № 1

М. Писарчикова. Синонимический ряд как исходное понятие при изучении лексической синонимии; Л. Двонч. Употребление суффикса *-ička* в литературном словацком языке; Й. Ружичка. Из синтаксиса математических текстов.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАШИЗМ»

Симпозиум состоялся 18-19 декабря 1975 г. в Варшаве. В нем приняли участие сотрудники Института истории ПАН, специалисты из других научных центров и университетов ПНР, представители институтов всеобщей истории и славяноведения и балканистики АН СССР.

Программа предусматривала обсуждение следующих тем: 1. Европейский фашизм. Определение, типология. Перспективы сравнительных исследований; 2. Итальянский фашизм; 3. Германский фашизм; 4. Системы и фашистские движения в других странах Европы.

Вступительное слово произнес директор Института истории ПАН Ч. Мадайчик. С докладом «Европейский фашизм: дефиниция, типология, перспективы сравнительных исследований» выступил Ф. Рышка. Докладчик выделил среди общих признаков фашизма национализм, антикоммунизм, принцип вождизма, применение насилия в политических действиях, создание военизированных формирований. Подчеркнув, что концентрированным проявлением фашизма стало преступление геноцида и агрессивная война, Ф. Рышка ограничил ареал распространения фашизма в Европе такими странами, как Германия, Италия, франкистская Испания, Португалия и, с некоторыми оговорками, — сателлиты третьего рейха, считая, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период господствовали «авторитарные» консервативные диктатуры, которые, по мнению докладчика, не следует смешивать с фашистскими диктатурами.

В дискуссии подчеркивалась неправомерность одностороннего подхода к изучению фашизма — растворения специфических черт в общих определениях или механического накопления материала без его обобщения (Б. Р. Лопухов). Обращалось внимание на необходимость исторического и социально-экономического анализа, определения главных черт общественного развития в XX в., характеристики структуры «низов» и «верхов» буржуазного общества (С. П. Пожарская). Отмечалась необходимость выработки определения, характеризующего фашизм

в целом и показывающего интересы каких классов он выражает (И. И. Костюшко), подчеркивалась реальность выработки обобщенного определения фашизма (А. Чубинский, Т. Ендрушак). Наряду с этой точкой зрения в дискуссии было высказано мнение, что на настоящей стадии изучения фашизма можно ограничиться систематизацией его разновидностей (Р. Вапильский).

Б. Р. Лопухов, М. Дроздовский говорили о необходимости рассматривать фашизм межвоенного двадцатилетия в контексте современного исторического развития. В ходе обсуждения проводились сравнения отдельных разновидностей фашизма, были рассмотрены наиболее характерные его признаки. Особо подчеркивалось, что фашизм во всех его социальных, политических, государственных тенденциях был глубоко реакционен по своей природе и означал регресс в историческом развитии (Б. Р. Лопухов, К. Дуни-Вонсович). Отмечалось, что характерным проявлением фашизма в международно-политической сфере было разобщение и враждебность фашистских государств, несмотря на одноотипность их режимов и идейное родство. Немногие имевшие место факты взаимодействия фашистских государств носили тактический характер (Е. Борейша).

Заседание, посвященное проблемам германского фашизма, открылось докладом Ч. Мадайчика на тему «Внешняя экспансия германского фашизма». В нем рассматривались различные виды империалистической экспансии — экономической, культурная, идеологическая и военно-территориальная — и сочетание их в политике гитлеровской Германии в период подготовки и в ходе второй мировой войны.

Анализу причин, особенностей и развития экономической экспансии германского фашизма был посвящен доклад В. Длугоборского, в котором автор показал, что экономическая экспансия, проводимая внешнеэкономическими методами, соответствовала интересам определенных групп германского капитала, а фашизм как система власти стал условием

осуществления экспансии такого рода. Следствием экономической экспансии было новое соотношение сил внутри группировки германского монополистического капитала, а социальной целью — образование нового германского «среднего слоя». В социальную структуру стран Центральной и Восточной Европы германская экспансия, по мнению автора, вносила элементы социал-дарвинизма и феодализма.

Были заслушаны доклады Г. Н. Горшковой «О роли германских монополий во второй мировой войне» и В. Д. Кульбакина «К вопросу о роли гитлеровской партии в подготовке второй мировой войны (1928—1932)».

В дискуссии обращалось внимание, что особенно тяжелые последствия для судеб Европы имело установление фашистских режимов в великих державах и прежде всего в Германии (Т. Ендруцак), что претензии гитлеровской Германии на роль ведущей державы мира стали отличительной особенностью германского фашизма (Е. Хольцер). Было подчеркнуто (Ч. Мадайчик), что специального рассмотрения заслуживает вопрос о связях и взаимодействии финансовых кругов европейских стран, в том числе и жертв гитлеровской агрессии, с германским финансовым капиталом.

В выступлении Б. Р. Лопухова, посвященном проблемам итальянского фашизма, рассматривались вопросы соотношения фашизма и либерализма, фашизма и монополий, государства и режима, фашизма и консервативной культуры.

Центральное место в докладе С. Серповского о внешней экспансии фашистской Италии занял вывод о том, что целью всех внутренних и международных действий итальянского фашизма было стремление к территориальным захватам. Этой цели были подчинены все меры, направленные на максимальную консолидацию и унификацию нации. Итальянский экспансионизм проявился в двух главных направлениях: балкано-дунайском и африканско-средиземноморском. В ходе второй мировой войны агрессивные действия Италии оказались подчиненными планам Берлина.

В докладе С. П. Пожарской «Об особенностях испанского фашизма» было подчеркнуто, что природа испанского фашизма однотипна с фашизмом в других странах и порождена общим кризисом капитализма. Наряду с этим были охарактеризованы отличительные признаки испанского фашизма, обусловленные особенностями социально-экономического развития страны, и прослежена эволюция фашистского режима вплоть до наших дней.

В дискуссии по этим докладам значительное место занял вопрос идеологической и политической общности фашистских государств, принцип вождизма,

проблема поляризации классовых и политических сил при фашизме (Ф. Рышка, Е. Хольцер, К. Дуниа-Вонсович).

На заключительном заседании рассматривалась проблема кризиса политической системы стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. И. И. Костюшко в своем докладе проанализировал основные черты общего кризиса капитализма на его первом этапе применительно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы. Автор обратил внимание на необходимость дополнительного изучения форм политической реакции в странах региона, определяющих характер установленных там в межвоенный период политических режимов.

В докладе Я. Жарновского «Антидемократические режимы и фашизм» говорилось, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период господствовали неидентичные фашистским антидемократические (авторитарные) диктаторские режимы. Фашистские режимы, по мнению автора, были установлены с помощью гитлеровской Германии только в странах-спутниках «оси». Отмечая различия между созданными на антидемократической основе государственными системами в странах этого региона и фашистскими режимами, автор в то же время признает общность их конечных целей: сохранение буржуазного строя и предотвращение социальной революции.

В докладе И. В. Михутиной «К вопросу о роли фашистских группировок в политической системе стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1930-е годы» было показано, что не допущенные к власти фашистские и профашистские формации с ведома государственных властей и наряду с их официальными органами выполняли функции террора и подавления рабочего и демократического движения, идеологической обработки масс в националистическом и правэкстремистском духе и, конкурируя с реакционными правительствами в борьбе за власть, способствовали фашизации господствовавших там антидемократических режимов.

Симпозиум проходил в деловой, творческой атмосфере. Обмен мнениями по обсуждавшимся вопросам способствовал обогащению знаниями, выявлению неизученных и спорных вопросов. Институт истории ПАН предполагает опубликовать доклады и сообщения, сделанные на симпозиуме. По плану научного сотрудничества между АН СССР и ПАН предполагается дальнейшая совместная работа советских и польских историков по изучению проблемы фашизма и политических режимов межвоенного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

И. И.

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ В СУХУМИ

28—30 X в Сухуми на базе Педагогического института им. Горького проведена конференция советских и польских историков по теме «Политические взаимоотношения стран Восточной Европы и Причерноморья с конца XV до начала XVIII в.».

В задачу конференции входило не только подвести итоги уже проделанной работы в изучении сложной проблемы политических взаимоотношений, но и наметить основные направления дальнейших синтетических работ.

На конференции было заслушано более 40 докладов, касающихся различных аспектов международной жизни основных государств Восточной Европы и Причерноморья, а также освещающих основные тенденции общественной мысли, связанные с внешнеполитической жизнью; группа докладов была посвящена источниковедческим вопросам.

Яркая картина польско-турецких отношений и идеологической жизни польского государства была воссоздана в докладе профессора Варшавского университета Л. Базылева, посвященном польско-турецким контактам XVI в. Докладчик подробно осветил эту проблему, подчеркнув, что в XVI в. иногда наблюдалось совпадение внешнеполитических интересов обеих стран; но это не исключало попыток со стороны европейских государств, в частности Австрии, привлечь Краков к антитурецкой коалиции. Л. Базылев показал сложность политической и идеологической борьбы в польском государстве XVI в., отметив, что несмотря на протурецкую политику государства, среди польской шляхты появлялись публицистические произведения яркой антитурецкой направленности.

Идеологическую жизнь Польши XVI в. осветил профессор Варшавского университета А. Гейштор. Он выявил определенную связь между появлением тех или иных концепций в польской публицистике и тенденциями внешнеполитической жизни польского государства. В частности, в XVI в. в отличие от произведений последней четверти XV в. с яркой антитурецкой направленностью (а это было время обострения польско-турецких отношений) в польской историографии появляются и разрабатываются идеи объединения восточнославянских земель вокруг Польши на «общеславянской» основе, что должно было сглаживать противоречия католической Польши и православного Великого княжества Литовского. Контакты Польши и Рима привели к росту удельного веса в польской публицистике исторических произведений с антитурецкой направленностью; автор справедливо связал эти явления с обострением польско-турецких отношений во второй половине XVI в.

Роль и место Кавказа в политической жизни XVI—XVII вв. были рассмотрены в докладе З. В. Анчабадзе (Сухуми). В XVI—XVII вв. Кавказ играл видную роль в системе отношений европейских государств с Турцией и Ираном. Политическая децентрализация, развивавшаяся на кавказских землях и поддерживаемая Турцией и Ираном, привела в 1556 г. к разделу Кавказа на две сферы влияния — турецкую (Западный Кавказ) и иранскую (Восточный Кавказ). Но хотя политические границы на протяжении всего этого периода были неизменными, кавказские народы вели постоянную борьбу за завоевателями, благодаря чему создавались предпосылки политических контактов Кавказа со странами Восточной Европы — Польшей, Россией, Венгрией. Как показал докладчик, эти контакты со временем становились все более эффективными, поскольку сам Кавказ являлся мощным барьером, сдерживающим продвижение Турции и Ирана, а возрастающее противодействие стран Восточной Европы турецко-крымской политике благоприятно сказывалось на борьбе народов Кавказа. Кроме того, поскольку Кавказ находится на перекрестке ряда основных торговых путей, это позволило ему выступать иногда в роли посредника между Турцией, с одной стороны, и Россией или Польшей — с другой.

Л. Е. Семенова (Москва) осветила в своем докладе один из основных аспектов польско-молдавско-турецких отношений конца XV в., показав ход военных столкновений 1497—1498 гг. Эти события были связаны с дипломатией Турции, стремившейся при помощи Молдавии ослабить Польшу и Литву, и в то же время оказать при помощи той же Молдавии поддержку московскому правительству. Л. Е. Семенова убедительно показала, что Молдавия в конце XV в. часто оказывалась орудием турецкой политики, причем устанавливалось выгодное для Порты политическое равновесие. Г. В. Гонца (Кишинев) рассмотрел историю взаимоотношений Турции и Молдавии, раскрыл процесс превращения Молдавского княжества в вассала Турецкой империи в 1512 г. Р. К. Батура (Вильнюс) тщательно проанализировал записи русских летописей, посвященные взаимоотношениям Литвы с Золотой Ордой.

Доклады советского историка Ю. М. Юргиниса (Вильнюс) и польского — Е. Охманского были посвящены анализу Трактата Михаила Литвина и установлению автора этого анонимного произведения. Ю. М. Юргинис подробно остановился на исследовании политических взглядов автора Трактата, проливающих свет на отношения Литвы и Крыма

в середине XVI в. и проанализировал записанные в Трактате сведения о быте татар. Все эти наблюдения привели докладчика, вслед за М. К. Любавским, к выводу, что автором Трактата был литовский политический деятель Михаил Тышкевич. Е. Охманский обратил основное внимание на биографические данные, содержащиеся в Трактате. Сопоставление этих сведений с известными по другим источникам биографиями польско-литовских политических деятелей, принимавших участие в сношениях с Крымом, показывает, по его мнению, что Трактат был написан секретарем литовской канцелярии при королях Сигизмунде I и Сигизмунде-Августе Венцлавом Николаевичем. Е. Охманский особо подчеркнул, что автор Трактата был выразителем идей шляхетской массы, а в ряде случаев его предложения совпадают с предложениями, высказывавшимися на сеймах 50-х годов XVI в. В докладе И. П. Старостиной (Москва) были рассмотрены основные тенденции внутриполитической жизни Великого княжества Литовского в связи с выработкой правовых норм в конце XV в.; эта проблема решалась в связи с общими закономерностями феодального развития бывших древнерусских земель в составе Литовского государства. М. Е. Бычкова (Москва) остановилась на вопросе переезда на службу в Москву представителей литовских княжеских семей, показав, как установившиеся еще в Литве взаимоотношения между отдельными семьями повлияли на расстановку сил в политических группировках московского двора в 30-е годы XVI в.

Ряд докладов был посвящен различным аспектам дипломатических отношений с Крымом и Турцией в конце XV—XVI вв. В докладе Ш. Ф. Мухамедьярова (Москва) рассмотрены вопросы изучения ярлыков крымских ханов. Показав, что Крым, а затем его преемница в этом вопросе — Порта, строили свою внешнюю политику на сталкивании отдельных стран Восточной Европы между собой, что вело к их систематическому ослаблению, докладчик остановился на историко-графических и источниковедческих аспектах изучения ханских ярлыков, подчеркнув необходимость научной публикации всего корпуса этих памятников, хранящихся как в архивах СССР, так и Польши. С. О. Шмидт (Москва) убедительно доказал ценность в реконструкции русско-крымских и русско-турецких отношений XVI в. Описи посольских дел XVI в., поскольку подлинные польские дела этого времени не сохранились.

А. Б. Кузнецов (Минск) рассмотрел русско-крымские отношения в первой трети XVI в. Автор считает, что политика Крыма в этот период была направлена на то, чтобы добиться изоляции России на международной арене, используя для этого любые антирусские выступления.

В свою очередь русское правительство стремилось поддерживать дружественные отношения с Турцией, стоявшей за спиной Крымского ханства, а также использовало в своей политике противоречия среди группировок крымских ханов. Все эти усилия были вызваны стремлением избежать военных столкновений с Крымом и обеспечить охрану южных границ. А. П. Грицкевич (Минск) сделал доклад о взаимоотношениях Крымского ханства и польско-литовского государства в первой трети XVI в. в основном на примере белорусских земель. Докладчик показал, что если в начале XVI в. эти земли подвергались опустошительным набегам татар, то в 30-е годы в связи с созданием пограничных укреплений, а также появлением казачества, набеги практически прекратились. Большое внимание в докладе было уделено судьбе татар-переселенцев в Великом княжестве Литовском.

В связи с русско-турецкими и польско-турецкими отношениями были рассмотрены и отдельные аспекты отношений России и Польши этого периода. Б. Н. Флоря (Москва) осветил проект «вечного мира» между Россией и Великим княжеством Литовским, предусматривавший их союз против Крыма. Переговоры об этом неоднократно велись в 1556—1560 гг. Н. С. Раиба (Харьков) остановился в своем докладе на эпизодах внешней политики Польши, связанных с общим ходом ее отношений с Турцией и Крымом.

Для периода с конца XVI в. до последних десятилетий XVII в. характерны усиление роли Польши среди других восточноевропейских государств и более тесный союз Польши и Руси, направленный против Турции и Крыма. В то же время в борьбе с татарскими набегами большую роль в это время играет запорожское казачество. И. Б. Греков (Москва) показал, что в ряде памятников XVII в. турецко-константинопольского происхождения отразилась концепция длительного сотрудничества Порты и Крыма в целях поддержания политического равновесия между ведущими государствами Восточной Европы. В докладе профессора Я. Тазбира (Варшава) была раскрыта роль протестантов в политических контактах Польши и Трансильвании середины XVII в. Я. Тазбир указал, что в это время существовала тесная связь между ходом идейно-политической борьбы в названных странах и идейно-политической жизнью некоторых стран Центральной Европы.

В докладах Е. В. Чистяковой (Москва) и Я. Д. Исаевича (Львов) были рассмотрены взгляды московских и украинских политических деятелей, обосновавших идею создания союза России, Польши и Украины для борьбы с Крымом и Турцией. Е. В. Чистякова остановилась на анализе произведений А. Л. Ордина-Нащокина, Ю. Крижанича, И. Гизеля.

А. И. Лызлова. Я. Д. Исаевич осветил литературную деятельность Лазаря Барановича, Иоанкии Галетовского и других. Анализ взглядов идеологов Молдавии, настаивавших на союзе с Польшей — летописцев Григория Уреке и Мирона Костина — был посвящен доклад В. М. Руссева (Кишинев).

Доклад Л. В. Черепнина (Москва) раскрыл значение Земского собора 1642 г. в решении актуальных задач московского правительства по укреплению южных границ русского государства. Автор проанализировал социальную структуру собора, показал характер классовых и внутриклассовых противоречий в России середины XVII в. В. А. Александров (Москва) подробно изложил мероприятия русского правительства по постройке оборонительных сооружений на южных границах русского государства в 30—50-е годы XVII в., доказал всю своевременность таких укреплений, показал, что эта надежная защита против татарских набегов привела к заселению и освоению новых районов. В то же время в докладе подчеркивалось, что создание подобных мощных сооружений было возможно лишь в государстве с сильной централизованной властью.

Ряд докладов был посвящен различным вопросам международных отношений в XVII в. Доцент В. Хензель (Варшава) сделал доклад о проблеме ясыря в польско-турецких отношениях XVI—XVII вв. Он осветил экономическую роль этого явления для Крыма и Турции и установил его зависимость от антипольской деятельности этих государств, подчеркнув, что масштабы ясыря возрастали в моменты обострения польско-турецких отношений. В. Серчик (Краков) показал не только роль казачества в международной политике польского государства, но и динамику его становления, наметил основные тенденции развития запорожского казачества, сражавшегося с верхушкой со шляхетскими слоями Польши и в то же время попытки широких слоев казачества противодействовать польским феодалам в распространении своей власти в Поднепровье.

И. В. Заборовский (Москва) осветил эволюцию крымского вопроса во внешней политике Польши и России в 40—50-е годы XVII в. В этот период проблема союза с Крымом для обеих стран была тесно связана с проблемой воссоединения Украины с Россией. В докладе Н. А. Мохова (Кишинев) рассматривались сложные политические отношения молдавских господарей Василия Лупула и Георгия Стефана с Украиной и Польшей и значение Переяславской рады 1654 г. в этих отношениях. В докладе В. П. Советова (Кишинев) освещалась связь внешнеполитических союзов Молдавии с идеями молдавских публицистов.

Доклады И. В. Галактионова (Саратов) и Г. А. Санина (Москва) выявили роль Андрусовского перемирия 1667 г. в развитии русско-польских отношений. Этот договор сыграл большую роль в установлении союзных отношений между Россией и Польшей, в противодействии растущей в это время крымско-турецкой активности. И. В. Галактионов показал историю подготовки этого акта в условиях усиливающегося натиска со стороны Крыма и Турции, а Г. А. Санин осветил международную жизнь стран Восточной Европы после заключения перемирия в связи с созданием союза для борьбы с крымскими набегам.

Ряд докладов был посвящен роли Кавказа в экономической, политической и культурной жизни XVII в. Профессор Б. Барановский (Лодзь) нарисовал яркую картину взаимоотношений Польши и Кавказа в XVII в. Докладчик отметил интерес польских политиков и идеологов к Кавказу как союзнику в борьбе против Крыма и Турции. Связи Польши с Кавказом были весьма разносторонними: политические, торговые, культурные. Автор привел чрезвычайно интересный перечень дипломатических и разведывательных акций Польши на Кавказе, которые были синхронны основным этапам в развитии польско-турецких отношений.

Доклад Д. О. Галустян (Ереван) раскрыл историю армянских поселений на территории Польши в XVI—XVII вв. Армянская культура (ремесло, архитектура, летописание) сохранила в них свои самобытные черты, но развивалась здесь уже под влиянием передовых идей Возрождения. Армянская культура на территории Польши не только не погибла, но и оставила определенный след в истории культуры польского народа. М. Х. Сванидзе (Тбилиси) осветил роль Грузии в международных отношениях стран Причерноморья и Восточной Европы. Сопротивление, которое оказывал грузинский народ турецкому владычеству, привлекало к нему как казачество, так и ведущие восточноевропейские государства. Автор отметил случаи установления контактов Грузии с запорожским казачеством и Польшей для противодействия турецким завоеваниям, а также большое значение союза Грузии и Польши в международной торговле Ирана со странами Западной Европы. Роль армян в борьбе запорожского казачества с Турцией была темой доклада Г. П. Пингирян (Ереван). Автор подробно остановилась на новых сведениях по истории казачества, содержащихся в армянских источниках.

На конференции был рассмотрен также вопрос о политических взаимоотношениях стран Восточной Европы и Причерноморья в начале XVIII в., когда во время Северной войны создалась новая расстановка сил между этими странами. Про-

фессор Ю. Геровский (Краков) предварил анализ международных отношений в начале XVIII в. широкой картиной развития взаимоотношений Польши со странами Причерноморья в XVI—XVII вв. В начале XVIII в. Польша, объединенная унией с Саксонией, перешла в разряд второстепенных государств, а Турция и Крым в своей политической деятельности также переживали упадок. Все это учитывали как усиливающаяся Россия, так и страны Западной Европы, стремящиеся использовать в своих интересах сближение Польши с Саксонией и Турции с Крымом.

В. А. Артамонов (Москва) исследовал взаимоотношения Турции, Речи Посполитой и России в послеполтавский период. Последствия Прутского похода привели к усилению активности Турции, которая добивалась восстановления существовавшей до Полтавы расстановки сил, и правительство Петра I было вынуждено ограничить свое вмешательство в дела Польши и Правобережья. В. К. Восканян (Ереван) показал, что в связи с победами Яна Собеского, азовскими походами России возростала роль России и Польши в жизни кавказских народов. Установленные между Арменией и Россией в конце XVII в. контакты, свидетельствовавшие

об окончательно оформившейся русской ориентации в армянском освободительном движении, еще более укрепляются в период Северной войны. Ж. А. Анаян (Ереван) осветил русскую политику на Ближнем Востоке и в Закавказье. С. Ф. Орешкова (Москва) провела интересный анализ турецкого документа первой половины XVIII в., не только раскрывающего внешнеполитические цели Порты, но и ярко рисующего соотношения европейского и турецкого дипломатического этикета.

По докладам на заседаниях разворачивались оживленные прения. Работа конференции проходила в деловой обстановке.

Подводя итоги конференции, И. И. Костюшко подчеркнул, что весь ее ход показывает своевременность постановки и обсуждения выбранной проблемы. Конференция, на которой состоялся обмен мнениями по ряду актуальных вопросов, несомненно поможет подвести итоги многолетних исследований польских и советских историков по проблеме взаимоотношений стран широкого региона и послужит толчком для дальнейшего развития исторической науки.

М. Бычкова

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

20 февраля 1976 г. состоялось первое заседание Ленинградского отделения Научного совета Академии наук СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. Ученый секретарь Совета кандидат исторических наук А. М. Орехов познакомил присутствующих со структурой и планом деятельности Совета и отдельных его секций. С докладом «Формирование национальных культур и этапы складывания национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы» выступил член бюро Научного совета, председатель его ленинградского отделения д-р ист. наук А. С. Мильников. Был рассмотрен и принят план работы отделения на 1976 г.

В заседании приняли участие специалисты в области славяноведения и балканистики, работающие в академических и других научных учреждениях Ленинграда, а также студенты филологического факультета Ленинградского государственного университета. Ленинградские ученые выразили уверенность, что Научный совет и его ленинградское отделение будут содействовать дальнейшей координации деятельности специалистов в области славяноведения и балканистики из разных научных учреждений, сосредоточению их усилий на решении актуальных проблем славяноведения и балканистики.

А. С.

CONTENTS

<i>L. S. Yagodowskii.</i> Some aspects of the experience of socialist development of Central and Southeast European countries. <i>V. P. Chornij.</i> The April uprising of 1876 in Bulgaria. <i>V. P. Chugajev.</i> The activity of «Red Relief» in Poland. 1924—1938. <i>T. F. Makovetskaya.</i> Political struggle in the Bulgarian Parliament in connection with the Bulgarian Peasant Popular League government's bill of the agrarian reform. <i>E. P. Naumov.</i> The historical facts from the serbian chronicles in the Russian chronograph (To the history of Russian-Serbian cultural relations of the XV-th century). <i>N. Todorov</i> (Bulgaria). Slavonic cultures and the Balkan. <i>S. N. Azbeleb.</i> About the typological correspondences and historical interconnections in slav epos. <i>E. I. Zelenina.</i> The weaving terms in the balkan bulgarian dialects of Moldavia. <i>D. S. Prokofyeva.</i> About a poem by Tadeush Lada-Zablotsky. <i>K. I. Logachev.</i> On the personality of the inventor of primary slav ic alphabet	3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Stoyan Tanev</i> (Bulgaria). И. В. Ганевич. Деятельность Болгарской коммунистической партии по укреплению диктатуры пролетариата (сентябрь 1944—1948 г.) <i>B. Tabachnikov.</i> С. М. Фалькович. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). <i>V. I. Meleshko.</i> A study on the Roman catholic church expansion in Byelorussia. <i>K. V. Dushenko.</i> М. Brykalska. Aleksander Świętochowski redaktor «Prawdy». <i>A. L. Goldberg.</i> The first polish book about Križanić. <i>A. V. Lipatov.</i> Enlightenment — Romanticism (the recent policsh studies). <i>A. I. Vinogradova.</i> Н. Н. Грацианская. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. <i>M. M. Kopylenko.</i> Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. Сравнительная грамматика славянских языков.	95

B i b l i o g r a p h y

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the soviet periodicals in 1975 (continuation). The contents of foreign periodicals	118

SCIENTIFIC LIFE

<i>I. I.</i> Soviet-Polish symposium on the problem «European Fascism». <i>L. Bychkova.</i> The conference of the soviet and polish historians in Sukhumi. <i>A. S.</i> In the Lenin-grad department of the scientific council of the Academy of sciences of the USSR in the interdisciplinary problems of slavonic and balkan studies	130

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 12/IV-1976 г.	Т-12024	Подписано к печати 16/VI-1976 г.	Тираж 1255 экз.
Зак. 477	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Усл. печ. л. 13,3	Бум. л. 4 ^{1/4} Уч.-изд. л. 14,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В ОДНИКА 34/38 КВ 40
ТВОСТОМУ И И
70891
1-12

Цена 1 руб.
Индекс 70891
К